

АНАРБЕК БАКАЕВ

Издательство «ЖЗЛК», 2010

УДК 82/821
ББК 84 Р7-4
Т 20

Библиотека «Жизнь замечательных людей Кыргызстана»

Анарбек Бакаев. – Бишкек: Жизнь замечательных людей
Кыргызстана, 2010. – 273 с.

ISBN 9967-23-354-0

Главный редактор
Шеф-редактор

ИВАНОВ Александр
РЯБОВ Олег

Редакционная коллегия:

АКМАТОВ Казат
БАЗАРОВ Геннадий
КОЙЧУЕВ Турар
ПЛОСКИХ Владимир
РУДОВ Михаил

Т 4702010201-06

УДК 82/821
ББК 84 Р7-4

ISBN 9967-23-354-0

© Иванов А., 2010
© Издательство «ЖЗЛК», 2010

АНАРБЕК

АНАРБЕК БАКАЕВ

ОТ АВТОРА

Анарбек Бакаев, жизни и деятельности которого посвящена эта книга, родился на экваторе минувшего столетия. Его сравнительно короткая жизнь уместилась в границы второй половины века. Но и за этот небольшой по историческим меркам, да и по меркам человеческой жизни срок, ему довелось стать свидетелем, а порой и участником, многих событий, судьбоносных для отдельных стран, народов, а подчас и для всего мирового сообщества.

Неполных три года было ему, когда умер Иосиф Сталин – человек, ставший при жизни богом для многих миллионов людей в разных частях планеты, и низвергнутый после смерти. Но спустя почти шесть десятилетий после ухода в небытие его имя и дела вызывают яростные споры среди политиков, философов, политологов, рядовых граждан. Однако несомненно одно. Уход из жизни этого человека оказался во многом переломным для граждан не только Советского Союза, но и стран социалистического лагеря, да и, пожалуй, многих стран капиталистического Запада.

Семь лет было Анарбеку, когда человечеству удалось преодолеть силу земного притяжения, и во всех уголках планеты, люди, говорящие на разных языках, стали повторять русское слово “спутник”. А еще через три с половиной года простой советский

27-летний военный летчик с обаятельной улыбкой майор Юрий Гагарин стал Гражданином мира. Ему первому из землян удалось вырваться в космическое пространство и совершить в космическом корабле полет по околоземной орбите. Свершилось это 12 апреля 1961 года.

Но, пожалуй, самое крупное событие второй половины века произошло в его последнее десятилетие. 8 декабря 1991 года прекратило свое существование первое социалистическое государство и самая большая по территории на земном шаре держава СССР – Союз Советских Социалистических Республик.

Сегодня еще рано давать определенную оценку, чем обернется для мирового сообщества гибель великой державы – злом или благом. Только время рассудит, чего в этом событии для человечества было больше – позитива или негатива. Пока же на протяжении всех без малого двух десятилетий для бывшей Страны Советов и ее граждан негатива набирается значительно больше. Но в то же время страны Евросоюза от подобного исхода, в значительной степени оказались в выигрыше.

Можно с уверенностью сказать, что распад Союза сыграл во многом решающую роль в том, что судьба Анарбека Курамаевича Бакаева сложилась именно таким вот образом.

Признаться, когда некоторые из моих товарищей узнавали, о ком я взялся написать очередную книгу в серии “ЖЗЛК”, на их лицах читалось недоумение, а некоторые и прямо отговаривали от этой затеи. Суть их доводов сводилась к тому, что как человек Бакаев, быть может, и достоин, чтобы о нем написать, но только вот ведомство, которое ему пришлось возглавлять в последние годы своей жизни, уж слишком, мягко говоря, непривлекательно в глазах значительной части населения.

Поясним, ведомство которым руководил Анарбек Бакаев

до самого конца своей сознательной жизни, называлось Комитетом государственной безопасности, позже Министерством национальной безопасности Кыргызстана.

Что на это можно было возразить? В своей нелюбви к КГБ многие из нас не одиноки. В свое время, когда в странах социалистического лагеря происходила смена режимов, в балансирующем на грани развала Союзе упразднили данный комитет, передав некоторые его полномочия МВД, переименовав ведомство в Министерство внутренних дел и национальной безопасности, а в Москве демократично, но очень уж радикально настроенные граждане снесли памятник Феликсу Дзержинскому на площади, носившей его имя. В ГДР толпа разгромила управление госбезопасности. В Чехословакии эту службу попросту распустили.

Все это так. Однако не следует упускать из виду, что службы, аналогичные КГБ, существуют во всем мире. Проблемы национальной безопасности, разведки и контрразведки, охраны конституционных прав общества, борьбы с проявлением терроризма и экстремизма не могут быть безразличными ни для кого. Среди сотрудников органов, вызывающих негативное отношение определенной части граждан, немало патриотов, преданных делу и просто порядочных людей, сделавших очень много для блага своих стран. И нужно уметь отличать служебный долг от несвойственных спецслужбам функций, которые им усиленно навязывала и выполнять которые постоянно вынуждала правящая верхушка.

Кстати, давая согласие возглавить КГБ республики, Бакаев поставил одним из условий структурную перестройку Комитета госбезопасности и освобождение его органов от несвойственных им функций. Он стал одним из первых реформаторов, положивших начало функциональным и структурным переменам в службе национальной безопасности суверенного Кыргызстана.

РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА

*Утекает детство, как вода,
Утекает детство, но в наследство
Остается людям песня детства,
Память остается навсегда.*
Расул Гамзатов

Ак-Тюз. Небольшой рабочий поселок, расположенный в живописных горах с зелеными склонами, поросшими стройными тянь-шанскими елями, примерно в 90 километрах к востоку от столицы республики Бишкека.

Аккуратные и добротные дома из жженного кирпича. Великолепный Дом культуры, подобного которому не сыщешь в подавляющем большинстве населенных пунктов Киргизии, в том числе и в областных центрах. Магазины с прилавками, заполненными продуктами и товарами, ничем не хуже, чем у жителей Москвы. Приветливые, доброжелательные, живущие в достатке люди, многие годы знакомые друг с другом, поскольку связаны общей работой на одном градообразующем предприятии. Таким был Ак-Тюз конца 40-х и 50-х годов прошлого столетия.

Однако с обретением Кыргызстаном независимости название поселка Ак-Тюз стало периодически появляться на страницах республиканских газет исключительно с целью напомнить общественности о нависшей над ним бедой. Поселок в числе ряда подобных в республике оказался в зоне экологического бедствия. Радиоактивные отходы, накопи-

ваемые неподалеку от населенного пункта в течение длительного времени в четырех хвостохранилищах, сыграли коварную роль мины замедленного действия.

Когда-то о существовании этого поселка, надежно спрятанного от посторонних глаз в сердце гор, знали очень немногие. Даже само наименование Ак-Тюз строго запрещалось упоминать в открытой печати. Бдительные цензоры безжалостно вычеркивали из газет и печатных изданий даже малейшие намеки на его существование.

На базе Актюзского месторождения руд редкоземельной группы был создан Киргизский химико-металлургический комбинат, занимавший одно из ведущих мест в Советском Союзе по производству свинцового, цинкового, оловянного, молибденового и редкоземельного концентратов. А в конце сороковых годов прошлого столетия ученые из Москвы и Ленинграда разработали технологию и освоили здесь извлечение из этих концентратов тория для производства атомной бомбы и изготовления тепловыделяющих элементов для ядерных реакторов на атомных электростанциях.

Благодаря этому Ак-Тюз в свое время был в числе привилегированных населенных пунктов, где было, так называемое, “московское обеспечение”. Колбасы и сыры, рыбные и мясные деликатесы и консервы, сгущенное молоко, сливки, кофе и какао, шоколадные конфеты и карамель производства московских фабрик “Красный Октябрь” и имени Бабаева, словом все, о чем основная масса киргизстанцев не могла и мечтать, жителям Ак-Тюза было доступно в открытой продаже. К тому же и заработки рабочих и служащих комбината позволяли пользоваться всем этим, поскольку значительно превосходили средние по Союзу и по республике.

В поселке был построен единственный на тот период во всем Кеминском районе Дом культуры с залом на триста мест, в котором и долгие годы спустя проводились все районные

партийные, профсоюзные, комсомольские конференции и партийно-хозяйственные активы. Кстати, большая часть многоквартирных жилых домов и административных зданий была построена военнопленными немцами. Построена добротно, качественно, на многие десятилетия.

Жители Ак-Тюза и прилегавших к нему сел даже в самые трудные годы войны пользовались электричеством, чего не знала и в первые послевоенные годы подавляющая часть населения республики.

Но за все эти блага цивилизации население поселка расплачивалось чрезвычайно дорогой ценой – ценой собственного здоровья. Коренные ак-тюзцы, в большинстве своем, много и часто болели и не могли похвастаться высокой продолжительностью жизни.

В этом “привилегированном” рабочем поселке 27 апреля 1950 года в семье горнорабочего Курамы Бакаева и школьной учительницы Токуш родился мальчик. Назвали его Анарбек. Он оказался третьим ребенком в семье. До него родились сестра и брат. После него Токуш родила еще троих детей – мальчика и двух девочек. Так что Анарбек рос в большой и дружной семье, в окружении старших и младших сестер и братьев.

Позже, став взрослым, достигнув определенного положения, работая на различных ответственных постах, Анарбек не забывал о давней мудрой заповеди: “Как бы высоко ни вознесла тебя судьба, помни о своей колыбели. Стыдиться своего происхождения, своих “темных” и “неграмотных” родителей – постыдно, ничтожно, не достойно человека. Это хлопский стыд”.

Глава семьи был трудолюбивым покладистым и незлобивым человеком. А в отношениях с собственными детьми снисходительным, всепрощающим и добрым. Он не умел и не любил наказывать их за детские шалости и провинности.

Прощал им всяческие прегрешения. И никогда не ругал их, не повышал на них голоса.

И если в доме соблюдались строгость и порядок во всем, то исключительно благодаря матери. Она отличалась твердым, решительным и требовательным характером. Беспрекословное подчинение старшим, почтение к ним и посильный труд по дому – таковы были главные основы ее семейной педагогики.

Когда в доме случались гости, мальчики почтительно вставали, здоровались, с поклоном прикладывая руку к левой стороне груди. А девочки без лишних напоминаний шустро помогали матери накрывать стол.

Скорее всего, требовательность Токуш исходила из ее профессии. Она и своих учеников умела держать в узде, добивалась от них соблюдения дисциплины и послушания. Так что и в школе, и в семье, и среди соседней она пользовалась непререкаемым авторитетом.

Будучи внешне больше похожим на отца, Анарбек в то же время унаследовал по большей части характер матери. При всей внешней покладистости, доброте и мягкости, он становился непреклонным, неуступчивым и жестким, когда речь заходила о вещах принципиальных. Заставить Анарбека делать то, что претило его характеру, его пониманию добра и справедливости, было практически невозможно. Тут он не шел ни на какие компромиссы.

С ранних лет Анарбек отличался от своих сверстников какой-то недетской сосредоточенностью, стремлению к уединению. Он мало участвовал в детских играх, не любил шумные ватаги и уж тем более не вступал ни в какие драки и разборки. Хотя постоять за себя мог.

Когда Анарбек уже учился в школе, однажды задиристый сверстник из параллельного класса решил проявить свою удаль над всегда тихим и скромным Анарбеком. Проходя

мимо него, дал со всего маху щелбана по затылку. Не стерпев подобной наглой выходки, Анарбек неожиданно врезал обидчику кулаком промеж глаз. После того случая ни у этого забияки, ни у какого другого мальчишки, оказавшегося невольным свидетелем этой сцены, желания походя задрать Анарбека, не возникало.

Временами отец, тревожась за сына, постоянно занятого работой по дому, уроками, любимым рисованием или чтением, говорил: “Что ты вечно сидишь дома, шел бы на улицу, побегал, поиграл с мальчишками”. На что тот неизменно сдержанно и спокойно отвечал: “Мне, ата, это неинтересно”.

Когда Анарбеку пришла пора идти в первый класс, отец, проработавший к тому времени много лет на вредных для здоровья подземных работах, вышел на пенсию. Семья переехала из Ак-Тюза в соседнее небольшое, домов в 12-15, село Жаны-Жол. Ниже его, километрах в двух, располагалось более солидное село Кичи-Кемин, где имелась средняя школа с обучением на киргизском языке. А выше, примерно, на таком же расстоянии, находилась центральная усадьба племсовхоза “Ильич” со средней школой, где обучение велось на русском языке.

На семейном совете было решено отдать Анарбека в русскую школу. Родители справедливо полагали, что разговорным киргизским языком он владеет достаточно хорошо, а письменный освоит дома, под их влиянием и наблюдением. К тому же разговорная практика на родном языке будет совершенствоваться в повседневном общении со сверстниками, сельскими мальчишками и девчонками. Знание же русского языка окажется большим плюсом, поможет ему в дальнейшей жизни. Скажем, при том же поступлении после школы в какой-либо фрунзенский или российский вуз.

Как родители и предусмотрели, Анарбек вырос двуязычным человеком. Хорошо владел и родным языком, и рус-

ским. И писал грамотно, четко и доходчиво излагая свои мысли на обоих языках.

Занятия в школе начинались в восемь часов утра. Токуш, поднимала детей в шесть часов, кормила завтраком и отправляла в школу, какая бы погода ни стояла на дворе. Женщина не допускала, чтобы ее дети опаздывали на первый урок, не говоря уже о том, чтобы пропускать занятия в школе. Для нее дисциплина и долг были важнее всего.

Привычка, заложенная в детстве, не поддаваться сиюминутным настроениям, не давать себе поблажки, строго соблюдать дисциплину и подчиняться установленному распорядку, сохранилась в Анарбеке на всю жизнь.

И когда через много лет у него появится своя семья и станут подрастать дети, он так же будет поднимать их рано утром, строго по часам, невзирая на время года, погоду и день недели.

Хотя Курама Бакаев был простым горнорабочим, однако они с Токуш постарались, чтобы все их шестеро детей получили высшее образование. При этом ни один из них не вырос белоручкой. Сельские дети, они сызмальства были приучены ухаживать за домашней скотиной, работать на земле, заготавливать топливо и корм для животных на зиму.

Не отставал от братьев и сестер Анарбек. Возвратясь из школы, наскоро пообедав и сделав уроки, он принимался за работу по хозяйству. Напоминать об уроках и помощи по дому мальчику было не нужно. Ответственность в нем была воспитана с ранних лет. Никогда не считал для себя зазорным убирать в загоне для скота навоз, чистить животных, заготавливать и разносить им корм. С ранней весны и до поздней осени дел хватало и в огороде. Мальчишки вскапывали грядки, сажали картошку, кукурузу, овощи, прореживали и поливали всходы, пололи сорняки, а когда наступала пора, убирали выращенный урожай, сортировали его – что на семена,

что на хранение, а что на еду в ближайшее время. Не отставали от братьев и девочки.

Чем бы Анарбек ни занимался, делал это с душой и охотой, потому что в такие минуты его не покидала мысль: как только он освободится от всех домашних дел и хлопот, сможет приняться за любимое им рисование.

Никто в семье не знал и не мог объяснить, как и откуда в маленьком Анарбеке зародилась эта страсть. Более всего на свете он любил рисовать. Ни у кого в семье, ни у родителей, ни у братьев и сестер подобной тяги и способностей не наблюдалось.

Давно замечено, что вдумчивость, склонность к созерцательности, любознательность, зовущая к познанию окружающего мира – неразрывные спутники чувства, понимания и восприятия красоты. Именно, во многом этими качествами, обнаружившимися в Анарбеке с ранних лет, предопределено было его пристрастие к рисованию. Проявилось оно в мальчишке еще в дошкольные годы. Рисовал он увлеченно и самозабвенно, где только мог и на чем только мог. Если не было под рукой бумаги, красок или карандашей, рисовал палочкой на земле.

Родители, видя увлеченность сына, не скупились, поощряли ее – покупали ему альбомы для рисования, цветные карандаши, акварельные краски. В поселковом книжном магазине эти товары всегда были в свободной продаже, а семейные доходы позволяли отцу и матери стимулировать это увлечение.

Много позже, став уже сам отцом двоих детей, Анарбек при случае признается с несколько запоздалым сожалением жене, что многое из упущенного в самообразовании в школьные годы, важное из того, что не довелось прочитать в детстве и отрочестве, ему пришлось наверстывать в институте и в аспирантуре.

Талант и мастерство юного художника вызывали неподдельное восхищение односельчан. Видя, какой зоркий глаз у сына Курамы и Токуш, как он точно подмечает и верно изображает на листе бумаги окружающих людей, природу и обстановку, местные мастерицы, принимаясь за выделку очередного войлочного ширдака, туш-кийиза или ала-кийиза, звали мальчонку: “Анарбек, иди-ка сюда. Нарисуй нам узор для будущего ковра”.

И юный художник, пунцовый от гордости и удовольствия, с радостью брался за дело. А женщины, наблюдая за его стараниями, не скупилась на похвалы, и после того как он завершал работу, от души благодарили его, вручая в качестве гонорара горсть боорсоков, свежее испеченную лепешку, румяное яблоко или какие-нибудь сладости.

Так что и сегодня в домах многих бывших односельчан Бакаевых можно встретить войлочные изделия с орнаментами и узорами, созданными фантазией и руками юного Анарбека.

Психологи утверждают: детская душа все равно, что чистая глиняная табличка. Что напишешь или нарисуешь на ней, то остается на долгие годы. Вот почему детские впечатления, как положительные, так и негативные, наиболее сильные. Некоторые из них сохраняются в памяти на всю жизнь.

Одним из таких потрясающих и запомнившихся на всю жизнь впечатлений детства Анарбека стало чрезвычайное происшествие в Ак-Тюзе в декабре 1964 года. В результате сильного землетрясения произошел разлом дамбы одного из хвостохранилищ, и более 1,2 миллиона тонн, как его называли местные жители, “черного песка”, содержащего не извлеченный полностью из породы радиоактивный торий и сопутствующие тяжелые металлы, вырвались из заточения и “потекли” вначале в протекающие по соседству речушки Кичи-Кемин и Карьер-Сай, оттуда — в пойму реки Чу, а уже

по ней — далее в Чуйскую долину, распространившись и на территорию соседнего Казахстана.

Разумеется, самого бедствия 14-летний Анарбек видеть не мог. Но в его сознании и в памяти сохранились те тревога и страх, с которыми взрослые делились друг с другом, рассказывая о подробностях случившегося. Сохранилось ощущение общей подавленности и гнетущего настроения. Ни с чем подобным прежде ему сталкиваться не доводилось.

Уже через несколько дней повышенный радиационный фон в районах, прилегающих к пойме реки Чу, наблюдался на протяжении 150-200 километров от места аварии, включая и казахстанские степи. Зараженными оказались более трех с половиной тысяч гектаров земли.

И хотя после этого бедствия несколько лет кряду проводилась дезактивация почвы, Анарбеку и его сверстникам, как, впрочем, и всем другим любителям “тихой охоты”, было категорически запрещено собирать в окрестных лесах грибы, ягоды, лекарственные травы, пить в этих местах родниковую воду. Все это стало враждебным всему живому и опасным для здоровья человека.

Считай, более трех десятков лет прошло с той поры, как в Ак-Тюзе были прекращены активные работы по добыче и переработке радиоактивных и редкоземельных металлов. Однако отголоски долгого эха последствий загрязнения окружающей среды до сих пор продолжают сказываться как на людях, так и на природе.

Одним из результатов этих последствий стала массовая миграция жителей из поселка. В ее кульминационные моменты дело доходило до того, что желающие во что бы то ни стало уехать из Ак-Тюза продавали добротные двух или трехкомнатные квартиры за 200-300 долларов. По сути, практически отдавали даром. За очень короткое время население рабочего поселка сократилось более чем в три раза.

ПРОЩАЙ, МЕЧТА. ЗДРАВСТВУЙ, КазГУ

*Утекает юность, как река,
То, что утекает, не вернется.
От нее лишь подвиг остается,
Память остается на века.*
Расул Гамзатов

Вопроса “Кем быть?” в школьные годы перед Анарбеком не стояло. Конечно же, художником, и никем иным. Другой жизненной стези он для себя не мыслил. Не было для него занятия лучше, чем переносить на бумагу лица друзей, соседей и близких или окружающие село горы. Да и односельчане, и школьные учителя не уставали восхищаться талантом юного художника и в один голос говорили, как это здорово у него получается.

Словом, с раннего детства верил Анарбек в то, что из него получится хороший художник. А потому, получив аттестат зрелости, отправился в Ленинград. Почему-то ему хотелось учиться не в Москве, а именно в этом городе, воспетом Александром Сергеевичем Пушкиным как Петра творенье. Выбор юноши пал на Высшее художественно-промышленное училище им. В. И. Мухиной.

Родившийся в небольшом горняцком поселке и выросший в крохотном, спрятанном в горах Киргизии сельце, 17-летний юноша впервые в жизни оказался в громадном городе, овеянном революционной славой, окруженным всенародной любовью и гордостью за стойкость, несгибаемость и мужество в дни блокады в годы Великой Отечественной войны. В первые дни ему казалось, что все это происходит с ним во сне.

Готовясь к поступлению в вуз, он много читал о Ленинграде, хорошо знал его богатую и замечательную историю, грезил этим городом в своих юношеских мечтах.

Войдя впервые во двор учебного заведения, Анарбек сначала несколько растерялся от вида разноцветной и разношерстной толпы. Юноши и девушки, стоявшие группками, в окружении своих родителей и друзей и старавшиеся казаться уверенными и независимыми, были явно коренными ленинградцами. Конечно же, они знали о всех требованиях, предъявляемых в училище к поступающим, и были в числе фаворитов. Парни постарше в солдатских гимнастерках или матросках с широким отложным воротником – демобилизованные. Этим, судя по их виду, было важнее не поступление, а то, что удалось отслужить в армии или на флоте на несколько месяцев раньше срока.

Вся эта разномастная и разношерстная толпа, гудящая, как встревоженный улей, была подвержена какому-то необъяснимому броуновскому движению, то свиваясь в клубок вокруг что-то объясняющего бородача, то опять распадаясь на отдельные группы и одиночки, к которым принадлежал и абитуриент из Киргизии.

Глядя на все это собрание людей, Анарбек не терял надежды на то, что окажется среди тех счастливицков, кому удастся поступить в это училище.

На дворе стояло лето 1967 года. Года 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции. Этот юбилей страна готовилась отметить с размахом и помпой. Это было первое масштабное для СССР событие после прихода к власти Леонида Ильича Брежнева.

Всего три года назад состоялся знаменательный октябрьский Пленум ЦК КПСС, на котором удалось в результате заговора освободить 70-летнего Н. С. Хрущева от должности первого секретаря ЦК партии и председателя Совета министров СССР.

Советские люди связывали большие надежды с новым руководством во главе с относительно молодым, энергичным и обаятельным Л. И. Брежневым.

К тому времени прошло 22 года после победы над фашистской Германией. Советский Союз уже полностью оправился от тяжелейших ран войны, восстановил порушенное войной народное хозяйство. Страна переживала мощный, как всем тогда казалось, экономический, политический и духовный подъем.

Действительно, за полвека Страна Советов добилась колоссальных успехов, стала мощной индустриальной державой, победила в невиданной прежде по числу жертв и разрушений войне, освободив мир от коричневой чумы, первой проложила дорогу в космическое пространство. Советскому народу, по праву, было чем гордиться. Поэтому подготовка к празднованию 50-летия Великого Октября в городе колыбели социалистической революции шла с особым размахом и воодушевлением.

Приехал Анарбек в Ленинград, когда, уже пошел на убыль, но еще продолжался период белых ночей. Время, о котором никто не сказал точнее гениального Пушкина:

...И, не пуская тьму ночную
На золотые небеса,
Одна заря сменить другую
Спешит, дав ночи полчаса.

С подобным явлением юноша из Средней Азии столкнулся впервые. Оно ошеломило его, потрясло воображение. Привыкший к черным южным ночам, он и вообразить не мог, что ночи могут быть такими светлыми.

Другим, сохранившимся на всю жизнь, ярким событием первого и крайне непродолжительного пребывания в городе на Неве стало посещение Русского музея. Едва сдав документы и заявление о приеме в художественное училище, и

устроившись в общежитии, Анарбек первым делом разузнал, где находится этот музей и как к нему проехать.

Ему не терпелось воочию увидеть полотна, с которыми он до этого был знаком лишь по репродукциям в школьных учебниках, в журналах “Огонек”, получаемых дома по подписке, или по комплектам художественных открыток, издаваемых в те годы огромными тиражами, а потому широко продаваемых во всех газетных киосках и по вполне доступным ценам. Но одно дело видеть шедевры всемирно признанных мастеров кисти в не очень высокого качества репродукциях, и совсем другое – наяву, в оригинале.

Картины великих русских художников Д. Левицкого и О. Кипренского, И. Репина и В. Серова, И. Шишкина и В. Сурикова, И. Левитана и М. Врубеля, И. Крамского и А. Саврасова, многих других, открылись пареньку из далекой Киргизии во всей их первозданной красе. Особенно поразили его воображение картины “Последний день Помпеи” Карла Брюллова, “Волна” Ивана Айвазовского, “Ночь на Днепре” Архипа Куинджи. Перед ними он стоял, как замороженный, забыв о времени и обо всем на свете, пытаясь понять, как же удалось художникам так мастерски изобразить все это.

Именно в залах Русского музея, стоя перед полотнами лучших мастеров кисти прошлого и настоящего, в полной мере осознал Анарбек справедливость вычитанных им в какой-то книге о живописи слов: “Настоящее произведение искусства обладает удивительной способностью не стареть и через сотни лет действовать на душу и воображение человека так же сильно, как это было в дни его появления, а иногда еще глубже и сильнее”.

Конечно, за те полдня, что юноша провел в залах музея, он не смог увидеть и сотой доли сокровищ собранной здесь огромной коллекции. Но понял, что, если поступит в училище, будет навещать сюда постоянно.

Пока Анарбек сдавал вступительные экзамены по общеобразовательным предметам, все шло хорошо. Однако экзамен по специальности безошибочно выявил все недостатки художника-самоучки. И хотя члены экзаменационной комиссии с симпатией относились к этому сдержанному, сохраняющему невозмутимость и достоинство юноше из далекой Киргизии, все же вынуждены были в приеме ему отказать.

Да, признавали они, этот абитуриент хорошо выписывает детали, но он не может подчинить их общей композиции.

Впрочем, не только о композиции, как таковой, но и о перспективе, колорите, тонах и оттенках, теме и сюжете и о многих других тонкостях выбранной им профессии Анарбек имел в то время весьма смутное и расплывчатое понятие.

Разбирая экзаменационную работу Бакаева, экзаменаторы прямо сказали: безусловно, способности у юноши налицо, однако одного умения, которое так радовало и восхищало его школьных учителей, односельчан и домашних, все же недостаточно, чтобы учиться в Ленинградском высшем художественном училище. Ему необходимо было вначале пройти курс обучения в художественном училище у себя дома, во Фрунзе. Кстати, имевшем в те годы в кругу специалистов весьма неплохую репутацию.

В общем, к большому огорчению абитуриента, после недолгого пребывания в Ленинграде ему пришлось покупать обратный билет и возвращаться домой ни с чем. В силу этого попасть во всемирно известный музей “Эрмитаж” в тот первый его приезд в город на Неве ему не довелось.

Вернувшись домой, Анарбек и в мыслях не допускал, что этот год будет для него потерян. Опускать руки, раскисать и жаловаться на судьбу при первой же неудаче было не в его характере. Не откладывая дела в долгий ящик, он наведалься в ряд фрунзенских учебных заведений: вдруг там объявлен дополнительный набор.

Из поездки в Ленинград он сделал для себя пусть и очень неприятный, но суровый и трезвый вывод — хорошего художника из него не получится, к этой профессии он не подготовлен, и не надо строить по этому поводу никаких иллюзий. Значит, следует выбирать для жизни иное поприще. Надо находить иное дело по душе.

Конечно же, его мама Токуш не была знакома с трудами крупного американского специалиста в области человеческих отношений Дейла Карнеги. Она и ведать не ведала о его заповеди: когда судьба вручает вам лимон, постарайтесь сделать из него лимонад. Но вот своих детей она воспитывала и наставляла именно в таком духе: уметь извлекать уроки из неудач, чтобы не наступать на одни и те же грабли дважды.

Она сама была убеждена и сумела передать детям понимание того, что неважно, чем человек занят. Всякую работу кто-нибудь должен исполнять. Кто-то выращивает зерно, кто-то его убирает, кто-то мелет муку, а кто-то печет хлеб. Кому-то нужно учить людей, кому-то их лечить, а кому-то защищать. Важно, как человек относится к делу, насколько продуктивно и качественно работает.

Возможно, эти убеждения несколько расходились с широко пропагандируемым в тот период мнением, что труд должен приносить радость и удовлетворение. Зато ее дети не чувствовали себя ущемленными и обойденными судьбой неудачниками, от того что им приходится заниматься в жизни не тем, к чему они себя готовили с детства.

Время для поступления в какой-либо фрунзенский вуз было Анарбеком упущено. Однако в Министерстве образования республики ему сказали, что в Казахском государственном университете на некоторые факультеты объявлен дополнительный набор студентов. Юноша срочно отправляется в Алма-Ату и подает документы на философско-экономический факультет КазГУ.

Выбор этот был сделан, хотя и вынужденно, но отнюдь не спонтанно. Еще будучи учеником старших классов, Анарбек проявлял повышенный интерес к истории и философии, хотя последний предмет в школьной программе не значился.

И тут неожиданно ему улыбнулась удача. Как обнаружилось, баллов, набранных по общеобразовательным предметам при поступлении в ленинградское училище, оказалось вполне достаточно, чтобы быть зачисленным без экзаменов в университет. Так Бакаев стал студентом КазГУ.

Мамина школа воспитания сыграла важную роль во вхождении его в студенческую жизнь. Анарбек мог без особых хлопот приготовить себе обед, постирать рубашку, пришить оторвавшуюся пуговицу, погладить брюки. В его руках спорилась любая работа. Да и не очень богатым студенческим бюджетом, состоявшим из стипендии и небольших периодических денежных переводов из дома, он распоряжался достаточно грамотно и осмотрительно. Так что голодать и страдать от безденежья ему не приходилось даже на первом курсе.

Поступив в университет, он сразу же определил для себя, что по окончании его будет заниматься не столько преподавательской, сколько научной деятельностью. Решив посвятить себя науке, Бакаев едва ли не с первого семестра стал активным членом научного студенческого кружка. Увлеченно работал над рефератами и научными статьями. Всегда охотно выступал на семинарах и конференциях.

Эти заинтересованность и активность не остались незамеченными в деканате. Вскоре его назначают старостой группы. Однако первый год учебы был омрачен тем, что Анарбек часто болел. Возможно, давало знать о себе прохождения акклиматизации. Хотя Алма-Ата расположена по соседству с Фрунзе, но здесь было заметно прохладнее, а зима, как правило, более морозная и многоснежная. А может быть,

сказывалось то, что организм перестраивался на новый распорядок дня, иные нагрузки, иное меню и характер питания. Наверное, происходили и некоторые возрастные изменения. Однако, как бы там ни было, на первом курсе ему приходилось довольно часто обращаться за помощью к докторам, пропускать занятия, глотать таблетки.

После одного из очередных визитов в поликлинику, осмотревший его врач посоветовал:

- Займитесь, молодой человек, лечебной физкультурой, а еще лучше каким-нибудь видом спорта. Вам бы я порекомендовал что-нибудь из спортивных игр. Скажем, волейбол, ручной мяч или футбол. Главное, побольше движения и физической нагрузки.

Дисциплинированный во всем, Анарбек послушался совета врача, стал появляться на спортивной площадке у общежития, где каждый вечер студенты гоняли мяч. Первые дни он просто наблюдал за игрой со стороны, не решаясь напроситься в одну из команд. Стеснялся выглядеть неумелым и смешным. Признаться, в школе он не был дружен со спортом. Да и какой мог быть спорт в селе, состоящем из полутора десятков дворов.

Но однажды ребята сами обратились к нему: “Что ты все смотришь со стороны, выходи на поле, поиграй”. В демократичной студенческой компании, где все свои, никто не обращал внимания на неумелые и неуклюжие действия новичка. Главное, у него было старание, стремление быть полезным команде. Умение же – дело наживное. Очень важно и то, что спортивная площадка познакомила и сдружила Анарбека со многими ребятами.

Очень скоро и однокурсники стали тянуться к этому выходцу из сельской киргизской глубинки. Им импонировало то, что он был надежный и настоящий. Не боялся признаваться в том, чего не знает, не корчил из себя всезнайку и

бывалого рубаху-парня. Главным же его достоинством было то, что в любой обстановке и при любых обстоятельствах он находил смелость и умел оставаться самим собой.

Как-то быстро и незаметно пролетел первый семестр. Знакомство и сближение с однокурсниками, преподавателями, устройство в общежитии, запись в университетскую библиотеку и получение необходимой в течение семестра литературы, лекции и семинары, конспекты, ежедневные занятия в читальном зале – все это заполняло дни и недели, уплотняло время, убыстряло его бег.

Как курьерский поезд промчались три осенних месяца, а в двадцатых числах декабря началась зачетная, а вслед за ней и экзаменационная сессия. Хотя и поется в студенческой песенке: “От сессии до сессии живут студенты весело”, но лично Анарбеку время сессии понравилось больше досессионного. В дни сессии не нужно каждый день спешить в университет на лекции и семинары. Можно лучше и рациональнее распорядиться своим временем, более вдумчиво поработать с литературными первоисточниками. Что же касается экзаменов, то еще со школьных лет Бакаев относился к ним с невозмутимым спокойствием и не волновался, как многие из его однокашников, перед строгим экзаменатором. Уверенный в своих знаниях, он любил эту возможность пообщаться напрямую, непосредственно с экзаменатором.

Сдав успешно первую сессию, он с легкой душой и ожиданием приятного отдыха отправился домой. Так на долго ему никогда раньше еще не доводилось покидать отчий кров. Успел сильно соскучиться по родителям, братьям и сестрам, по родным местам. Все-таки кто бы что там ни говорил, а он был по сути домашним мальчиком.

Да и домашние тоже успели по нему соскучиться. Встретили, как долгожданного и желанного гостя, не знали, куда посадить, как лучше угостить.

По приезде домой, чуть ли не на второй день направился в свою школу, чтобы встретиться с учителями, пройти по ее классам, посидеть за своей партой. За эти полгода на собственном опыте познал, насколько справедливо наблюдение: что имеем, не ценим. Лишь с последним школьным звонком мы с острой грустью осознаем и понимаем, как дорого нам все, что связано со школой, с одноклассниками, учителями.

Хорошо отдохнув, отоспавшись в спокойной и безмятежной обстановке, от души пообщавшись со школьными товарищами, Анарбек возвратился в университет и с новыми силами принялся за учебу.

После успешной сдачи первой сессии его друзья и соседи по общежитию стали чувствовать себя более уверенно. Уже не так старательно корпели они над учебниками и конспектами. Стали чаще собираться на так знакомые всем, кто был студентом, товарищеские вечеринки с сухим болгарским вином “Гамза”, вошедшим в ту пору в студенческой среде в моду по причине его дешевизны и доступности. Дружественная Болгария щедро поставляла в Советский Союз качественное сухое вино, пятизвездочный коньяк “Плиска”, хорошие сигареты и овощные консервы.

Правда, ни коньяком, ни вином Анарбека прельстить было нельзя. Он вообще не любил шумные застолья с их нескончаемыми разговорами “за жизнь” и спорами о политике, о прочитанном и увиденном, а то и просто ни о чем, затягивавшимися обычно далеко за полночь. Этому делу он предпочитал общение с полюбившимися ему произведениями Никколо Макиавелли, Мишеля Монтеня, Луция Аннея Сенеки, классиков марксизма-ленинизма, трудами по всемирной истории философии.

Он испытывал подлинное наслаждение открывая для себя историю философской мысли древней Греции и древнего Рима, древней Индии и стран Востока. И был благодарен судь-

бе за то, что она распорядилась таким вот образом. Ведь вполне могло стать, что он никогда бы не познакомился с этими работами, не узнал бы бездну такого интересного.

ПЛАНЕТА ЦЕЛИНА

*Встаньте, люди,
верьте, люди,
знайте, люди,
Что потомки о нас память сберегут,
Потому что наша ферма
вечным памятником будет
Неизвестному студенту из КазГУ.
(Из самодеятельной песни
студентов-целинников)*

Перед началом весенней сессии на установленной у входа на факультет доске объявлений появилось броское извещение: “Даешь целину! Все на третий трудовой семестр! Желающие поработать и хорошо заработать летом в студенческом строительном отряде обращайтесь к старосте курса”.

Еще когда Анарбек учился в старших классах, он много читал в газетах, постоянно слышал по радио, сообщения о трудовых успехах молодых покорителей казахстанской целины, строителях ударных комсомольских строек. Подростком он искренне завидовал тем парням и девочкам, которые добровольцами уезжали на всесоюзные комсомольские стройки Сибири или поднимать целинные и залежные земли в степях Казахстана. Романтикой дальних дорог, великих дел и свершений веяло в те годы от одних только названий — Братск, Усть-Илим, Саяно-Шушенск, Енисей, Ангара, Целиноград.

Мальчишки его поколения выросли на идеалах того времени. Чуть ли не каждый день они слышали по радио, а по-

том и сами пели: “Едем мы, друзья, в дальние края, станем новоселами и ты, и я”. А позже по радио так же заразительно и бодро зазвучала другая песня: “У студентов есть своя планета – это целина!”

Конечно же, упустить такой шанс, увидеть своими глазами овеянную славой целину, внести свой посильный вклад в ее освоение, он никак не мог. Тут же отправился записываться. Уж если строить в целинных совхозах жилые дома, клубы, школы, детские сады, зерносклады, кошары и фермы приезжали студенческие отряды из Москвы, Ленинграда, Киева, Новосибирска, Омска, из городов Прибалтики и Закавказья, и даже из зарубежных стран, то нам, казахстанцам, размышлял про себя первокурсник Бакаев, сам Бог велел.

Вскоре Анарбек впервые надел легкую курточку цвета хаки с эмблемой на рукаве, на которой значилось ССО, а в нагрудном кармане курточки рядом со студенческим билетом лежала пурпурная книжечка, в которой значилось: “Товарищ Бакаев А. К. изъявил добровольное желание работать на сельском строительстве в Казахстане и направляется комитетом комсомола КазГУ в Целинный край”.

Руководство стройотряда добилось в деканате, чтобы будущим строителям-целинникам разрешили сдать весеннюю сессию досрочно. Целинные совхозы остро нуждались в строителях. Сами хозяйства не успевали своими силами возводить жилье, помещения для животных, объекты социально-бытового назначения.

Строительный отряд, в котором предстояло трудиться Анарбеку, направили, можно сказать, в самое сердце целины, в один из совхозов Кургальджинского района тогдашнего Целинного края. Конечно, тогда никто еще и не подозревал, что на исходе XX века краевой центр, город Целиноград, станет столицей Казахстана, гордостью республики, прекрасным городом по имени Астана.

По заключенному с районной строительной организацией договору студенты должны были построить и сдать под ключ кошару на 500 голов овец и чабанский дом при ней. В свою очередь, стройорганизация обязалась без задержек обеспечивать студентов техникой, инструментом, строительными материалами. Дирекция совхоза взяла на себя снабжение бойцов отряда продуктами питания по государственным ценам и предоставила на время работы палатки и постельные принадлежности. И работа закипела.

Вот где Анарбеку пригодились полученные в детстве родительские уроки трудового воспитания. В непривычных условиях тяжелого физического труда и неустроенного быта очень быстро выявилась глубинная сущность каждого бойца студотряда. В буквальном смысле этого слова, “вкалывать” на стройке приходилось по десять-двенадцать часов под палящими лучами степного целинного солнца. Жили студотрядовцы скопом в двух просторных армейских палатках. Под продуваемым степными ветрами камышовым навесом соорудили грубо сколоченные из наскоро оструганных досок длинный стол со скамьями. Тут же неподалеку разместили полевую кухню.

Поднимались в шесть часов утра, а в семь все уже были на объекте. Трудились до часу дня. Затем обед и отдых до четырех часов. В самые жаркие часы ребята отдыхали. Кто писал письма, кто читал, кто заносил впечатления и события дня в дневник. Но большинство предпочитали предаваться в это знойное время сну.

Трудолюбивый, не боящийся никакой работы и не привыкший отлынивать от нее, Анарбек быстро втянулся в ритм трудового дня. И хотя по возрасту он был младше большинства своих товарищей по отряду, но сноровистее многих управлялся с носилками, лопатой, киркой, кирпичами. Правда, на первых порах с непривычки болели руки и ныла поясница, а

после ужина хотелось поскорее добраться до постели и вытянуть на ней уставшее за день тело.

Утешало и успокаивало Анарбека то, что, по его наблюдениям, аналогичные трудности начального периода “акклиматизации” испытывали едва ли не все его сокурсники. Даже те, кто были постарше и физически покрепче.

Очень скоро в отряде родились такие строки коллективного творчества:

*Целинный штаб отдал приказ
Степному солнцу жарить нас,
Земля черна, полынь горька,
Родная мама далека.
В руках играет мастерок,
Нещадно солнышко печет.
Не шелохнется ветерок,
По телу пот ручьем течет.*

На всю жизнь запомнилось Анарбеку, как в один из первых рабочих дней потребовалось отправить закрепленный за отрядом самосвал на карьер за песком. Прежде чем выехать, водитель обратился к командиру отряда: “Знаешь что, командир, на всякий пожарный случай дай одного из своих бойцов. Если вдруг в карьере не окажется экскаватора или он будет в ремонте, придется грузить ручную, лопатой”.

Осмотрев испытующим взглядом стоящих рядом ребят, командир Валера Чурилов обратился к Анарбеку: “Конечно, по идее, надо бы послать двух, а еще лучше трех парней, но в кабине самосвала лишь одно место. Моли Бога, чтобы тебе повезло, и экскаватор в карьере все же оказался. Ну, а если нет, придется тебе одному накидать три тонны песка. Надеюсь, справишься”.

Забросив в кузов совковую лопату, юноша полез в кабину. До карьера было километров 8-10. Наслаждаться удовольствием от поездки по бескрайней степи сильно мешала мысль: “А вдруг и впрямь, экскаватора на месте не окажется”. Перспектива одному вручную загружать самосвал песком Анарбека не то что не радовала — пугала. Никогда прежде проходить через подобное испытание ему не доводилось. И он с тревогой думал, справится ли.

На его беду, в тот день ему не повезло. По закону подлости, экскаватора в карьере не оказалось. Пришлось парню брать в руки грабарку и, поплевав на ладони, включаться в работу. В глубине души надеялся, что водитель проявит к нему сочувствие и придет на помощь. Но не тут-то было. Шофер преспокойно вытащил из кабины дерматиновую спинку сиденья, бросил ее под машину и, улегшись на ней, спокойно задремал, давая тем самым понять, что каждый отвечает за свое дело.

Прикинув, что за один захват в совке лопаты оказывается, примерно, три-четыре килограмма песка, Анарбек подсчитал, что ему необходимо произвести порядка 800-1000 бросков.

Чтобы отвлечься от монотонной изнуряющей работы начал считать броски. Однако, не дойдя и до двухсот, сбился со счета и бросил это зряшное дело. Решил, что для того, чтобы скрасить тяжесть нудной однообразной работы, лучше читать про себя стихи любимых поэтов. Подобная “маленькая хитрость” помогла. Действительно, кидать лопату за лопатой песка в объемный кузов самосвала под рифмы Пушкина, Тютчева, Есенина, Симонова, Евтушенко стало, если и не легче, то во всяком случае веселее.

И все же не зря замечено: глаза боятся, а руки делают. Когда отдохнувший водитель вылез из-под машины и заглянул в кузов, то тут же скомандовал: “Кончай, парень, грузить, а то перестараться. Поехали!”

За время погрузки Анарбек намахался лопатой так, что буквально не чувствовал собственных рук. Однако ночью почему-то больше всего болели не мышцы, не предплечья или локтевые суставы, не поясница, а кисти рук.

На следующее утро за завтраком он не мог держать даже ложку и с ужасом думал, как же возьмет на стройке в руки лопату, чтобы набрасывать во вместительную ванну цемент и песок, размешивать все это, готовя раствор, а потом подавать его в замызганных и побитых ведрах ребятам, занятым на укладке стен. Хотел уже попросить у Чурилова отгул, но сдержался, боясь, что парни сочтут его симулянтом или слабаком.

Однако на объекте, к его удивлению, тяжело было только первые минут 15-20. Очень скоро он незаметно для самого себя втянулся в работу. Боль в кистях поутихла, а затем и вовсе почти полностью прошла.

Тот урок Анарбек запомнил на всю жизнь. Из собственного опыта он понял, что если человеку приходится даже очень туго, и ему кажется, что последние силы покидают его, что он ничего не может поделать, он должен, стиснув зубы, собрать всю волю в кулак, и тогда это поможет преодолеть казавшиеся непреодолимыми трудности.

Через каких-нибудь 10-12 дней ребята так освоились на стройке, так втянулись в работу и вошли в трудовой ритм, что после ужина их уже не тянуло в постель. Хотелось посидеть у костра, попеть под гитару и звонкие рулады цикад, которых в степи было великое множество, песни тогдашних кумиров молодежи Булата Окуджавы, Владимира Высоцкого, Юрия Визбора, Юлия Кима, потанцевать под хриплые мелодии донельзя заезженных кассет переносного магнитофона, а то и поиграть с местными парнями в футбол. Благо, далеко ходить для этого было не нужно.

Очень полюбили Анарбеку посиделки у ночного костра с загорелыми и заросшими не очень густыми бородками

друзьями. После знойного дня степь продувает прохладный ветерок. В костре потрескивают сухие ветки, салютуя снопами искр в черное бездонное небо с необыкновенно яркими крупными, как отборные грецкие орехи, звездами. Признанный отрядный гитарист Ермек Иргалиев терзает струны своей выдавшей виды гитары, а вдоволь напахавшиеся за день стройотрядовцы, забыв про усталость, задуховно выводят:

*Возьмемся за руки, друзья,
возьмемся за руки, друзья,
чтоб не пропасть поодиночке.*

— Боже мой, как же это здорово, какое это счастье – жить на земле, иметь таких замечательных и надежных товарищей, заниматься делом, которое приносит тебе моральное удовлетворение, — восторженно думал в такие минуты 18-летний Анарбек.

Нравилось ему наблюдать и за тем, как ранним утром далеко за горизонтом медленно, как бы нехотя, появлялся узкий огненный серп, а затем выплывало огромное, раскаленное даже в этот ранний час солнце, прорезая желтоватое море не остывшего за душную ночь воздуха. Кругом растиралась бескрайняя, ровная, как стол, степь, а сверху бездна серовато-голубого, как сталь, неба.

Никогда прежде юноше не доводилось видеть такие бескрайние степи, как здесь, на целине. В его родной республике, где бы он ни находился, взгляд всегда упирался в горы с заснеженными вершинами. Тут же взору не за что было ухватиться – кругом, куда ни посмотри, бескрайняя степь.

Однажды, пересекая на самосвале пшеничное поле, он не удержался, попросил водителя остановиться, чтобы посмотреть, где же проходят его границы.

Вышел из кабины, но, в какую бы сторону ни посмотрел, всюду желтое море волнующихся под порывами степного

ветра колосьев. Поднялся в кузов – картина та же. Взобрался даже на кабину, вытянулся во весь рост, однако границ поля так и не увидел. Во все стороны до самой линии горизонта стояла набравшая силу и колос пшеница. Такой и запечатлелась в его памяти казахстанская целина.

Чем ближе приближался финиш строительства, тем больше росло нетерпение строителей увидеть в законченном виде построенные ими объекты. Последние две недели они готовы были трудиться весь световой день и даже без выходных, чтобы приблизить торжественную минуту. И вот настал момент, когда предстояло вбить последний гвоздь в последний лист шифера крыши чабанского дома. Эту честь решили разделить на всех. Каждый поднимался по лестнице наверх и легким ударом вбивал гвоздь на свои несколько миллиметров. И, наконец, под дружные крики “гип-гип- ура!” командир отряда вбил его по самую шляпку. Гордые и счастливые донельзя стройотрядовцы, обнимаясь, поздравляли друг друга с победой.

И действительно, было чем гордиться, с чем поздравлять себя и друзей. Ведь еще каких-то два с небольшим месяца назад, когда они приехали сюда, на этом месте ничего не было. А сейчас тут стоит добротная кошара и уютный чабанский домик. И это сделано их руками. Завтра они разъедутся по домам, осенью снова придут в университетские аудитории, а в этом доме, построенном их руками, будет жить семья чабана, и рядом в кошаре будет находиться его отара. Этот их след, их рабочий автограф надолго остался на казахстанской целине.

На следующий день руководство совхоза и чабан, которому предстояло зимовать и жить в этом доме, осмотрели построенные объекты и остались ими довольны. Дирекция совхоза выделила для организации прощального ужина тушу барана, а чабан на радостях хотел даже выставить ящик вод-

ки. Однако его отговорили делать это, сославшись якобы на “сухой закон”. Этот довод убедил щедрого овцевода. Но все же на прощание он заметил: “Хочу, чтобы вы помнили, что теперь в этой степи у вас есть дом, где вам всегда будут рады. Когда ваш “сухой закон” перестанет действовать, приезжайте ко мне. Долг свой отдам сполна”.

На следующий день студотрядовцы разъехались по домам. Загорелый под степным солнцем дочерна, возмужавший за год, ставший самостоятельным, Анарбек вернулся в Кеминский район, чтобы провести оставшуюся часть каникул в кругу родных. После объятий, поцелуев, родительских возгласов радости и удивления, каким стал их сын, после первых сумбурных расспросов о студенческом быте, об учебе, работе на целине Анарбек не без гордости, впрочем, вполне объяснимой и простибельной в тех обстоятельствах, достал из нагрудного кармана парадной стройотрядовской куртки довольно солидную пачку купюр и протянул ее матери, с нарочитой скромностью заметив: “Это я заработал на целине!”

Надо сказать, что зарабатывали студенты за третий трудовой семестр очень даже неплохо, хотя, когда “вкалывали”, забывая о времени, менее всего думали о деньгах. Но это были деньги, действительно, заработанные. И многим студентам потом, в течение учебного года, они были очень кстати. Ведь студенческий бюджет крайне ограниченный. Он не растягивается. И в то же время в него надо столько втиснуть.

По возвращении Анарбека после летних каникул в университет его разыщет дотошный корреспондент из республиканской молодежной газеты “Ленинская смена” и спросит: “Анарбек, с чем у тебя ассоциируется слово “целина”?”

Немного подумав, Бакаев скажет:

— В первую очередь с работой. Считаю, что каждому студенту надо пройти школу студенческого стройотряда. Ведь

в течение учебного года он ведет довольно однообразный и монотонный образ жизни. Лекции, семинары, конспекты, книги, зачеты. Иногда кино, танцы. У самых энергичных еще – спорт. Летние студенческие стройки не зря называют третьим трудовым семестром. Убежден, это необходимый и существенный раздел общего университетского или институтского курса. Здесь мы по-новому увидели своих однокурсников, увидели не такими, какими знали до сих пор. Целина помогает человеку обрести особые качества, без которых его формирование как личности, независимо от избранной специальности, будет неполным. Опыт целинныхстроек многое меняет в жизни и во взглядах студента. Тут в труде, в очень нелегкой, как правило, работе он как бы отвыкает от себя привычного и любимого, подчиняет себя правилу соизмерять, согласовывать свои дела и поступки с ожиданиями и оценками коллектива, бойцов отряда. Именно здесь личное становится неотделимым от общественного. Ты уже не можешь поступить так, что могло бы обидеть кого-то из находящихся рядом с тобой. Студенческая целина учит человека преодолевать усталость, раздражение, высокомерие и снобизм, учит превозмогать обиду и боль. Здесь создается коллектив, к человеку приходит ощущение силы, закладывается чувство уверенности. Боец студенческого стройотряда тоже сдает экзамен. Разница только в том, что здесь оценку тебе ставят не преподаватели, а ты сам себе и еще твои товарищи. Ставят без скидок и компромиссов. Главное же достоинство целины в том, что уезжаешь оттуда, став лучше, чем был до приезда туда.

Говоря об экзамене, Анарбек, конечно же, вспоминал слова из стихотворения, ставшего гимном студентов-целинников, написанного за несколько лет до этого аспирантом факультета журналистики МГУ Кимом Смирновым:

*Пусть улицы встанут,
Где наши отряды пройдут,
Пусть этот экзамен
Нам впишут с тобою в дипломы
...А рельсы зовут,
К горизонтам тревожным зовут,
И в зорях целинных
Палатка становится домом.*

Потом в жизни Анарбека будут другие стройотряды, другие адреса, иные объекты и даже работа в составе международного студенческого строительного отряда в Чехословакии. Но то, первое целинное лето в Кургальджинском районе, останется самым ярким и более всего запомнившимся в его студенческой жизни. Именно тогда он полюбил эту студенческую планету и навсегда оставил на ней частичку самого себя.

Денег, заработанных им в стройотряде, с лихвой хватило на покупку модного костюма, приличного плаща, пальто, летней и зимней обуви. Ведь поступление в университет прошло настолько суматошно и не так, как планировалось, что обзавестись подобающей одеждой заблаговременно ему не удалось. А на первом курсе было уже не до того, чтобы ходить по магазинам. Это сегодня можно без особых забот и хлопот купить все, что душа пожелает. Были бы деньги. А в те годы, о которых идет речь, советские люди, как правило, не покупали, а доставали. Причем, проблема доставания распространялась как на продукты питания, так и на одежду, обувь, товары длительного пользования.

Так что первую студенческую зиму Анарбек проходил в старом школьном пальто и в костюме, купленном на выпускной вечер. Впрочем, это его ничуть не тревожило. Сосредоточенный в себе самом, в своем внутреннем мире, он ни-

когда не придавал особого значения внешним проявлениям атрибутики. Хотя это вовсе не означает, что ему было совершенно безразлично то, как он выглядит. Нет, Анарбек всегда был аккуратным, чистоплотным, никто никогда не видел его в мятой одежде или в не свежей рубашке. Просто уделял он своему внешнему виду ровно столько внимания, сколько это было необходимо, чтобы быть всегда опрятным и аккуратным. И не более того. В жизни, полагал он, есть вещи и поважнее.

Два месяца, проведенных на целине, сдружили и сплотили Анарбека с однокурсниками куда сильнее, чем девять предыдущих месяцев учебы. И будучи уже второкурсниками, они в перерывах между лекциями или в дружеских компаниях вспоминали различные, иногда мучительные, порой комичные, но всегда прекрасные эпизоды и будни трудового семестра. И часто при этом ловили они завистливые взгляды тех, кто не был летом на целине, и кому нечего было вспоминать.

ИЗ ПОКОЛЕНИЯ, ПОМНЯЩИХ “ОТТЕПЕЛЬ”

Мы – принимаем.

Мы должны принять

Угрюмый груз невероятных знаний,

Груз нами не испытанных страданий:

Убийств, предательств... Что перечислять?

Юлий Ким

Годы студенчества Анарбека пришлось на время, когда хрущевская “оттепель”, начало которой было положено в 1956 году XX съездом КПСС, еще не была окончательно заморожена. Советское общество, довольно заметно освободившееся от гнета тоталитаризма и административной тирании, наслаждалось воздухом свободы, а дух вольнодумствующих и свободомыслящих “шестидесятников” все еще витал в атмосфере и будоражил умы молодежи да и людей постарше. Позже этих людей, чья молодость пришлось на период “оттепели” кто-то из наблюдательных и остроумных политологов назовет поколением непоротых.

Представители этого поколения были более раскованны и бесстрашны, более свободолюбивы и самостоятельны в суждениях, потому что их детство и юность совпали со временем “оттепели”, когда был осужден культ личности Сталина, когда были реабилитированы и освобождены из лагерей и тюрем тысячи безвинно репрессированных, когда советским людям стали доступны произведения авторов, запрещенных во времена юности их отцов и старших братьев. Им не требовалось быть смелыми только для того, чтобы открыто говорить о том, что они думают и с чем они не согласны.

Наряду с Булатом Окуджавой, Андреем Вознесенским, Евгением Евтушенко, Робертом Рождественским, кумиром казахстанского студенчества тех лет был поэт и публицист Олжас Сулейменов. Сборники его стихов, едва появившись на прилавках книжных магазинов, раскупались мгновенно, и сразу же становились предметом жарких обсуждений и споров. Особый отклик они находили в умах и душах будущих философов, поскольку несли в себе ярко выраженный философский подтекст.

На третьем или четвертом курсе Анарбек познакомился с эссе Сулейменова “Кактус” (размышления классика Амана на тему “быть и казаться”) и по заведенной еще в школьные годы привычке выписал в толстую общую тетрадь, с которой никогда не расставался, задевшие его за живое строчки: “Я понимаю людей, у которых много вопросов, но я не понимаю людей, у которых на любой вопрос готов обстоятельный толковый ответ. Я боюсь таких людей, они безжалостны. Они уже все решили, у них не бывает падения мысли, не бывает счастья находок, предпоследнего варианта решения. Время рождает новые вопросы. Мы хотим узнать корни противоречий. Домыслить то, что открыто в учебниках, и эти открытия каждый должен открыть еще и еще раз для себя.

Тогда этот закон станет и личной верой”.

Эти слова соответствовали мыслям и чувствам Анарбека, они находили созвучие в его душе. С некоторых пор тема “быть или казаться” стала довольно серьезно интересовать Анарбека. Он все чаще замечал, как много людей вокруг него стараются казаться умными, значительными, влиятельными, говоря более поздним языком, “крутыми”, не будучи таковыми на самом деле.

К этой теме он и потом, став ученым, партийным работником, будет постоянно возвращаться. Уже будучи мужем и отцом двоих детей, он не раз будет затрагивать ее в разговорах с женой Айгуль. К огорчению, нередко придется ему стал-

киваться с людьми, которым было легче казаться, чем быть. В одном из разговоров с женой, размышляя на эту тему, он скажет: “Привычка не столько быть, сколько казаться, жить в соответствии с представлениями своего круга настолько укореняется во многих людях, что некоторые, прожив жизнь, уходят из нее, так и не поняв, кем же они были в действительности и зачем появлялись на свет. Быть собой – это очень нелегкая задача. Но в этом наша человеческая суть. Только так истинные ценности могут вытеснить из жизни ложные. Только при этом условии человек сможет проявить свое своеобразие, уникальность, неповторимость”.

Всю свою сознательную жизнь, начиная с ранних школьных лет, Анарбек стремился быть самим собой. Это стремление стало едва ли не девизом его жизни. Конечно, в том возрасте он не мог еще объяснить и сформулировать четко свою позицию. Понимание того, что человеку, который умеет быть, незачем заботиться о том, чтобы казаться, придет много позже. Но уже со школьного возраста он последовательно шел к тому, чтобы истинные ценности побеждали и вытесняли из его окружения все ложные.

Наверное, этим, в первую очередь, объясняется то, что у него было много союзников, которые симпатизировали ему. Где бы он ни работал, к нему тянулись люди, он притягивал их своей открытостью, цельностью, естественностью. Именно это позволило ему сохранять собственное достоинство, ровно относиться ко всякому человеку, независимо от его социального и общественного положения.

ПРОШУ СЛОВА

Аскар Какеев, академик АН КР, экс-министр образования

С Анарбеком Курамаевичем Бакаевым я познакомился в тот год, когда он после окончания аспирантуры и успешной защиты кандидатской диссер-

тации стал работать в Институте философии и права Академии наук республики. Он привлек мое внимание тем, что его диссертация была посвящена актуальным проблемам нашей жизни и общества, важным вопросам современной философии. Эти вопросы находились и в сфере моих научных интересов.

Через некоторое время мне стало известно, что, освоившись на новом месте, обретя уверенность в качестве научного сотрудника ИФиП, Бакаев приступил к работе над докторской диссертацией. Однако серьезно и основательно поработать над ней ему не позволили обстоятельства. Весьма незаурядный и перспективный ученый, он был вынужден уйти из науки.

В тот перестроечный период партия остро нуждалась в омоложении и освежении кадрового потенциала. В руководящие органы, как в центре, так и на местах, широко вовлекались умные, талантливые, эрудированные специалисты новой формации, обладающие организаторскими навыками и способностями.

Всеми этими качествами в полной мере обладал Анарбек Курамаевич. Вот почему, проработав в системе Академии наук менее четырех лет, он был переведен во Фрунзенский горком партии, где за сравнительно короткое время, прошел путь от инструктора до заведующего отделом. При этом, заметим, он не имел за собой ни влиятельной поддержки, ни разветвленного и могущественного клана, что в наших условиях, к сожалению, весьма существенно.

Однако и в горкоме он долго не задержался. Вскоре его перевели в ЦК компартии Киргизии, где он также довольно быстро вырос от инспектора до пер-

вого заместителя заведующего отделом организационно-партийной работы.

Именно в ЦК наши жизненные пути-дороги вновь пересеклись. В то время я работал заместителем заведующего отделом науки и учебных заведений, и мне довелось узнать его ближе.

Больше всего меня поражало в нем то, что внешне сдержанный, малоразговорчивый, не играющий роль этакого своего в доску рубахи-парня, он быстро становился душой коллектива, к мнению которого прислушивались и более старшие по возрасту и должностному положению люди.

Этот феномен я объясняю тем, что Бакаев никогда и нигде ни под кого не подстраивался, не старался выслужиться перед вышестоящим, не ронял собственного достоинства и не унижал чужого, в любой ситуации и в любом должностном кресле, как бы высоко ни поднимался, оставался самим собой. Ровным и уважительным к людям, всегда готовым прийти на помощь тому, кто в ней нуждался.

Таким он был в ИФиП Академии наук, таким оставался, работая в партийных органах, таким его запомнили те, кто с ним работал в бытность его министром образования. Не изменился он и позже, когда стал генерал-майором, а некоторое время спустя генерал-лейтенантом, министром национальной безопасности.

Его широкая эрудиция и интеллект, подлинная заинтересованность в окружающих его людях, уважительное к ним отношение, а также тонкое чувство юмора и некоторый артистизм позволяли ему быть замечательным и непревзойденным тамадой во время дружеских застолий.

Когда я вспоминаю Анарбека Курамаевича Бакаева, передо мной встает человек передовых мыслей

и идей, способный ученый, которому не довелось реализовать свой потенциал, свой талант, справедливый, чистосердечный руководитель, достойный гражданин Кыргызской Республики.

Когда Бакаев остро переживал и не терпел, чтобы при нем попиралась справедливость, незаслуженно и облыжно обвиняли в чем-либо знакомого ему человека.

Эпизод, о котором пойдет речь, произошел с автором этих строк, бывшем в тот период редактором газеты «Вечерний Бишкек».

Хотя перестройка шла в стране три года, и со всех высоких трибун провозглашались гласность и плюрализм мнений, партийные лидеры Киргизии стремились всячески ограничить открытые и смелые выступления печати, преследовали стремившихся вырваться из пут партийной цензуры журналистов.

Отношение партийной верхушки к новым веяниям лучше всего характеризовали слова тогдашнего первого секретаря ЦК КП Киргизии Абсамата Масалиева. Выступая на одном из съездов народных депутатов СССР, он говорил что гласность, свобода слова – это болотные огоньки, на которые ловятся наивные и доверчивые журналисты.

Осенью 1987 года в республиканском ЦК партии состоялось совещание главных редакторов газет, издаваемых в столице. Совещание преследовало одну цель – приструнить зарвавшегося редактора городской вечерней газеты и заодно приструнить других руководителей печатных СМИ, предостеречь их от желания приобщиться к гласности и свободе слова. Главным образом выступали заведующий отделом пропаганды и агитации и секретарь ЦК, курирующий вопросы идеологии.

Редактору “Вечерки” вменяли в вину то, что он публикует письма читателей, мнения которых идут вразрез с мнением партийного руководства, увлекается публикацией материалов

агентства печати “Новости”, которые рассчитаны не на советского читателя, а на западного и потому пишутся с определенным уклоном.

Словом, это был очередной разнос, которых в те годы в стенах партийных комитетов было немало. Традиционно считалось, что мнение партийного работника – это истина в последней инстанции, и какому-либо сомнению или обсуждению не подлежит.

Но неожиданно после выступления секретаря ЦК с места поднялся присутствовавший на совещании первый заместитель заведующего отделом оргпатработы. Собравшиеся решили, что Бакаев подольет масла в огонь, начнет со своей стороны поучать журналистов, обрушится на них с критикой. Однако то, что он начал говорить, приятно их удивило и вызвало явное неудовольствие у его коллег по ЦК.

Признав справедливыми некоторые положения выступлений завотделом и секретаря ЦК, Анарбек Курамаевич вдруг заявил, что лично ему городская “Вечерка” очень нравится. И судя по всему, не только ему одному. Ведь тираж этой газеты 120 тысяч экземпляров. Во всей Киргизии выше тираж только у республиканской “Советтик Кыргызстан”. Но, во-первых, она распространяется не в одном городе, а по всей республике, а во-вторых, в ходе подписной кампании за ее распространение строго спрашивают со всех партийных комитетов на местах. Да и то, что в редакцию «Вечерки» ежегодно поступает 14-15 тысяч читательских писем, говорит о том, что публикации газеты находят отклик в сердцах и умах фрунзенцев.

Дальнейшее выступление Бакаева вселило надежду в редакторов газет в том, что в партийный штаб республики стали приходить люди новой формации, кадры перестроечной эпохи. Люди не только самостоятельно мыслящие, но и не боящиеся высказывать свои мысли, если даже они идут вразрез с мнением властей предрежащих.

А говорил он о том, что, к сожалению, советские люди приучены к тому, что о некоторых происходящих в стране острых событиях они узнают не из официальных источников, а от западных радиостанций, таких, как Би-Би-Си или “Голос Америки”. Что партийные работники в центре и на местах приучены настолько не доверять собственному народу, что делят информацию, исходящую из СССР, на ту, что рассчитана на внутреннее потребление и на Запад. Таким образом, получается, что в стране существуют две правды – одна на экспорт, а другая для отечественного потребителя.

Перестройка, говорил Бакаев, требует, чтобы партийные работники, отказывались от безапелляционности, от административно-командных методов доказательства своей точки зрения. Люди за последние годы, убеждал своих оппонентов Анарбек Курамаевич, заметно изменились. Для них гласность, плюрализм мнений не просто слова. В работе с ними уже не приемлемы грубость, окрик, попытки осадить несогласного нажимом и запретами. То, что еще вчера срабатывало, казалось, надежно и безотказно, сегодня явно устарело и не продуктивно.

Под конец своего выступления он призвал присутствующих больше доверять друг другу и с большим уважением друг к другу относиться.

А когда совещание закончилось и все стали расходиться, Бакаев подошел в коридоре к расстроенному редактору “Вечерки”. Принародно пожал мне руку и ободряюще заметил: “Не бери в голову. За одного битого двух не битых дают. Сам ведь знаешь, у вас в газете сложился лучший творческий коллектив в республике. Советую вам не изменять самим себе. Продолжайте вести избранную вами линию. Читатели вас поддерживают. — А на прощание напутствовал. — Если вам удастся продержаться и выстоять еще год-полтора, будущее будет за вами. Помяните мое слово: многие из тех, кто вас сегодня пытаются согнуть и поломать, к тому времени сами уйдут или будут вынуждены перестроиться”. Слова его оказались пророческими.

О его обостренном чувстве справедливости говорит и такой факт. Однажды ему довелось присутствовать на важном мероприятии, участниками которого оказались многие высокопоставленные чиновники республики. При встрече они шумно приветствовали друг друга, обменивались долгими рукопожатиями. И создавалось впечатление, что никто из них не замечал одиноко стоявшего в сторонке Турдакуна Усубалиевича Усубалиева. Увиденное буквально потрясло Бакаева. Ведь когда-то любой из присутствующих здесь почитал за честь поздороваться с опальным акскалом за руку, удостоиться его улыбки или хотя бы доброго взгляда. Но вот этот уважаемый человек оказался не у власти, попал в опалу, и вчерашние подхалимы и лизоблюды разом отвернулись от него. При виде одинокого, всеми оставленного Усубалиева Анарбек испытал чувство жгучего стыда. Он тут же подошел к аксакалу, уважительно поздоровался, и пока продолжалось мероприятие находился рядом с ним.

Описываемое мероприятие запомнилось Бакаеву более всего тем, что они с Усубалиевым очень душевно, тепло и хорошо поговорили. У собеседников нашлось достаточно много тем, которые одинаково волновали обоих.

Спустя несколько лет, когда Анарбека назначили председателем Комитета национальной безопасности, семья получила квартиру на правительственной даче, где продолжал жить оставшийся не у дел бывший руководитель республики. В знак признания больших заслуг Усубалиева перед Киргизией за ним сохранили небольшой коттедж. И каждый вечер, совершая прогулку перед сном, Анарбек Курамаевич приурочивал ее по времени с такой же ежевечерней прогулкой Усубалиева, и они вдвоем, неспешно прогуливаясь по темным аллеям обширного фруктового сада, обменивались мнениями о ситуации в стране и в мире, философствовали о прошлом и настоящем, размышляли о будущем Кыргызстана.

ТРОПА В НАУКУ

*Все умирает на земле и в море,
Но человек суровой осужден:
Он должен знать о смертном приговоре,
Подписанном, когда он был рожден.
Но сознавая жизни быстротечность,
Он так живет – наперекор всему, -
Как будто жить рассчитывает вечность
И этот мир принадлежит ему.*

Самуил Маршак

Поскольку с детской мечтой стать профессиональным художником Анарбеку пришлось расстаться, то, став студентом, он, с присущими ему основательностью и серьезностью, окунулся в науку. Еще будучи студентом первого курса, юноша стал активным участником научного студенческого кружка, под крышей которого объединились наиболее пытливые и способные парни и девушки, проявившие интерес к научным исследованиям. Многие из кружковцев стали впоследствии серьезными учеными, кандидатами и докторами наук.

Но и в этой элитной студенческой среде ребята довольно быстро заметили лидерские качества Анарбека, оценили его основательность и серьезность. Несмотря на то, что он был в кружке едва ли не самым младшим по возрасту, на втором курсе его избрали руководителем этого научного сообщества.

В те далекие студенческие годы будущие политэкономы и философы проводили научные конференции, выступали с

докладами и сообщениями, учились конструктивно и доказательно полемизировать, отстаивать собственную точку зрения, освободиться от преклонения перед ложными научными авторитетами.

Естественным продолжением приобретенной в студенческие годы страсти к научным изысканиям стало то, что Анарбек, став после окончания университета в 1972 году преподавателем политэкономии на кафедре философии Киргизского медицинского института, через два года поступил в аспирантуру Института философии и права Академии наук республики.

Научным руководителем его был шеф по кафедре в медицинском институте, доктор философских наук, профессор Табылды Абдылдаев. Человек, весьма своеобразный и требовательный, когда речь заходила о марксистско-ленинской философии. В свое время о его строгости к студентам во Фрунзе ходили легенды. Будущим медикам он не давал ни малейших поблажек и никакого спуска. Некоторые студенты были готовы даже уйти из института из-за того, что не могли сдать экзамен по философии.

Поговаривали даже, что сам ректор КГМИ, один из крупнейших специалистов и признанный авторитет в отечественной кардиохирургии, академик Иса Коноевич Ахунбаев, просил несговорчивого Абдылдаева поубавить суровости на экзаменах, чтобы у студентов оставалось больше времени на занятия основными дисциплинами. Знание ими исторического материализма, убеждал Ахунбаев доктора философии, вряд ли поможет их будущим пациентам, а вот высокий профессионализм и компетентность в специальности – вне всякого сомнения.

Однако даже эти, казалось, неотразимые доводы на Абдылдаева не действовали. Редко кому из студентов удавалось сдать бескомпромиссному профессору зачет или экзамен с первого захода.

Столь же требовательным и строгим Табылды Абдылдаевич был и к своим аспирантам. При этом для него не существовало ни выходных, ни праздничных дней. Очередную встречу с аспирантом для обстоятельного разбора хода работы над диссертацией он мог назначить первого января, седьмого ноября, первого мая. Порой создавалось впечатление, что ему даже доставляло некоторое удовлетворение приглашать молодого человека на встречу с собой именно в такие дни.

Единственным человеком, который за все три года учебы в аспирантуре не получил ни одного замечания от своего научного руководителя, был Анарбек Бакаев. Все, что требовал от него Абдылдаев, все задания и поручения он исполнял точно и в строго установленные сроки. Важным признанием успехов аспиранта стало то, что на последнем году его учебы в аспирантуре появился приказ за подписью вице-президента Академии наук республики Н. И. Захарьева: “За успешную работу над кандидатской диссертацией, написание и опубликование ряда научных статей, активное участие в общественной жизни коллектива, а также в распространении научных знаний среди населения установить аспиранту Института философии и права АН Киргизской ССР Бакаеву А. К. стипендии им. В. И. Ленина в размере 125 рублей в месяц с 1 апреля 1977 года”.

Надо сказать, что 125 рублей по тем временам были очень даже неплохие деньги. Ведь инженер на заводе или младший научный сотрудник, пришедшие на предприятие или в НИИ со студенческой скамьи, получали 105-110 рублей в месяц.

ПРОШУ СЛОВА

Жаныш Рустенбеков, *экс-посол Кыргызстана в Казахской Республике.*

С Анарбеком Бакаевым мы познакомились в 1977 году. Тогда я работал первым секретарем Ле-

нинского (г. Фрунзе) райкома комсомола. Анарбек в то время учился в аспирантуре Института философии и права и был избран секретарем институтского комитета комсомола.

Уже в ту пору о нем ходила слава как об очень толковом и грамотном специалисте и активном комсомольце. Могу засвидетельствовать, что он буквально сходу освоил комсомольскую работу. Благодаря его энергичной поддержке и прямому участию мы провели научную конференцию по проблемам молодежи и воспитания молодых кадров. Причем, при ее подготовке Анарбек занимался не только организационной работой, но и выступил с одним из основных докладов. Его выступление было ярким и запоминающимся. Да и сама конференция имела, что называется, хорошую прессу и вызвала широкий резонанс не только в молодежной научной среде.

С этого момента мы стали регулярно привлекать его к общественной работе и делам районной комсомолки. Особенно ему нравилось работать со студентами, проявляющими интерес к занятиям наукой. Помню, с какой страстью и увлечением он взялся руководить студенческой группой, решившей принять участие во Всесоюзном конкурсе работ по общественным наукам. Знаю, что в память об этом участии в семейном архиве Бакаевых хранится Грамота. ЦК ВЛКСМ и Министерство высшего и среднего специального образования СССР, говорится в ней, награждают Бакаева Анарбека Курамаевича аспиранта Института философии и права АН Киргизской ССР за научное руководство студенческой работой, а также по итогам V Всесоюзного конкурса по общественным наукам, истории ВЛКСМ и международного молодежного движения, посвященного 50-ле-

тию присвоения комсомолу имени В. И. Ленина.

Активность Бакаева была столь высока, а его потенциал настолько велик, что очень скоро его ввели в состав райкома, а на очередном съезде комсомола республики избрали членом ЦК ЛКСМ Киргизии и делегатом 18 съезда ВЛКСМ.

Людям, жившим в тот период и еще сохранившим память о тех временах, едва ли стоит объяснять, как нелегко соглашались вышестоящие органы на то, чтобы делегатом Всесоюзного комсомольского съезда был избран молодой ученый из Киргизии. В те годы ставка повсюду и везде делалась, по большей части, на молодых активистов из числа рабочих и колхозников.

Говоря об Анарбеке, хочу, прежде всего, отметить его высочайшую ответственность. Если ему поручалось какое-либо дело, можно было не сомневаться: оно будет выполнено в лучшем виде и в полном объеме. Ему можно было доверять, как себе самому.

Окончив аспирантуру и став научным сотрудником, он не отошел от общественной работы. Выражаясь современным языком, он был креативен, коммуникабелен, постоянно и много работал над собой. Несмотря на свою огромную эрудицию, он никогда не стеснялся спрашивать у других, если сталкивался с чем-то для себя непонятным. И в то же время всегда был готов прийти на помощь другим, если видел, что кто-то оказался в затруднительном положении. При этом делал это очень тактично, без тени какого-либо снобизма, превосходства и высокомерия.

Примерно в том же году, по нашей рекомендации, Бакаева пригласили на работу в ЦК ЛКСМ республики. Руководство молодежной организации видело

в нем весьма серьезного и перспективного общественного деятеля.

Анарбек, будучи к тому времени старшим научным сотрудником, обратился за советом к директору Института философии и права академику Асылбеку Алтымышбаеву. Умудренный большим жизненным опытом, академик заявил прямо:

— Не советую уходить из института. Ты, Анарбек, ученый по складу ума и по подходу к делу. Твое призвание — заниматься наукой. На этом поприще тебя ждет большое будущее. Ну, а если общественная работа все же пересилит, возьмет в тебе верх, то этим ты всегда успеешь заняться. Это дело от тебя никуда не уйдет.

Так оно впоследствии и получилось. Алтымышбаев оказался прав. Не прошло и трех лет, как в 1981 году мы стали с Анарбеком Курамаевичем коллегами, начали вместе работать в аппарате Фрунзенского горкома партии. Это позволило нам лучше узнать друг друга, и мы стали закадычными друзьями. Но это уже другая большая и очень интересная страница нашей жизни.

Возвращаясь к рассказу о Бакаеве-аспиранте, отметим, что с присущими ему пунктуальностью, обязательностью и скрупулезностью, он работал и над кандидатской диссертацией. Посвящена она была весьма актуальной на тот момент проблеме — методологическим аспектам взаимоотношений естественного и искусственного в условиях научно-технической революции.

В своем исследовании автор раскрывал содержание понятий “естественное” и “искусственное”, определял их содержание место и роль в философской

науке, показывал взаимосвязь и сложность взаимоотношений естественного и искусственного в эпоху НТР, характер взаимодействия и взаимовлияния человека и внешней среды.

Высокая внутренняя дисциплина, организованность, трудолюбие и работоспособность помогли Бакаеву, несмотря на его достаточно большую загруженность общественной работой, успешно защитить диссертацию ранее установленного научным советом и его научным руководителем срока. При этом его работа, была настолько качественной и фундаментальной, что Высшая аттестационная комиссия без каких-либо замечаний и требований к диссертанту безо всяких проволочек утвердила ее и присудила Анарбеку ученую степень кандидата философских наук.

После защиты диссертации молодой ученый остался в Институте философии и права. Здесь он проработал четыре года младшим, затем старшим научным сотрудником, а под занавес — ученым секретарем института. Главное же, здесь он повстречал девушку, которая впоследствии стала его женой, матерью его детей, с которой он счастливо, в любви и согласии прошел по жизни до конца своих дней.

АЙГУЛЬ

*С любимыми не расставайтесь!
С любимыми не расставайтесь!
С любимыми не расставайтесь!
Всей кровью прорастайте в них.
И каждый раз навек прощайтесь!
И каждый раз навек прощайтесь!
И каждый раз навек прощайтесь!
Когда уходите на миг.*

Александр Кочетков

Когда Анарбек после аспирантуры пришел в ИФиП, ученым секретарем института работал Анатолий Андреевич Лемешенко. Конечно же, тогда новоиспеченный младший научный сотрудник и предположить не мог, какую важную роль этот человек сыграет во всей его дальнейшей судьбе.

Будучи человеком глубоко порядочным, преданным делу и друзьям, Лемешенко проникся искренней симпатией к молодому специалисту с первых же дней его прихода в институт и на правах старшего товарища взял его под свою опеку.

В секторе, куда определили Анарбека, работала молодой аспирант Айгуль Чыныбаева. После окончания факультета физико-математических и естественных наук университета Дружбы народов им. Патриса Лумумбы в г. Москве по специальности математика, она, получив диплом с отличием, возвратилась во Фрунзе. Проработав преподавателем на механико-математическом факультете национального университета, она затем поступила в аспирантуру того же Института философии и права. Ее научным руководителем стал один

из ведущих ученых-философов республики, профессор Арон Абрамович Брудный.

На первый взгляд, может показаться странным, что математик по образованию Чыныбаева стала аспиранткой Института философии и права. Однако ее интересы выходили за рамки чистой математики и лежали как бы на стыке двух наук. Ее кандидатская диссертация была посвящена проблемам гносеологических функций математики как языка науки. Гносеология же является одним из разделов философии, изучающим источники, формы и методы научного познания.

Росла и воспитывалась Айгуль в интеллигентной, но в то же время патриархальной семье, где чтились семейные устои и традиции, возводилось в культ почитание старших.

Мама, Рахима Кидибаева, заслуженная учительница Киргизской ССР, кавалер ордена Октябрьской революции, работала в знаменитой на всю республику фрунзенской средней школе № 5. Из стен этой школы вышли сотни учеников, ставших впоследствии крупными государственными и общественными деятелями, видными представителями киргизской творческой, научной, педагогической интеллигенции.

Отец, Даут Чыныбаев, известный в республике финансист, работал в Министерстве финансов, а позже в Нацбанке. В семье было четверо детей. Два сына и две дочери. Дети воспитывались в атмосфере любви, но одновременно с этим и в определенных рамках строгости и послушания. Естественно, все получили высшее образование.

Поскольку родители много работали, у каждого из детей были свои обязанности по дому. Один отвечал за посещение рынка и продовольственных магазинов, снабжение продуктами, на другом лежало приготовление пищи, кто-то следил за чистотой и порядком в доме. Словом, белоручками и лентяями дети не росли.

Училась Айгуль в самой престижной в ту пору во Фрунзе 61-й средней школе. Возглавляемая опытным педагогом-

новатором Ефимом Борисовичем Якиром, эта школа первой в республике получила статус специализированной, с физико-математическим уклоном. Многие подростки мечтали стать ее учениками. Однако учиться в ней было насколько престижно, настолько и не легко. Далеко не все, поступившие в эту школу, оказывались способными учиться в ней, соответствовать высоким требованиям, предъявляемым учителями к своим ученикам. Но тем, кому удавалось окончить ее, имели больше оснований рассчитывать на успех при поступлении в вузы, чем их сверстники из других школ города. Учась в десятом классе, она стала победительницей на республиканской олимпиаде по математике и была направлена в Ленинград на Всесоюзную математическую олимпиаду. Как призеру всесоюзной и победительнице республиканской олимпиад ей была дана рекомендация самим вице-президентом Академии наук СССР, возглавлявшим без малого двадцать лет Сибирское отделение АН СССР, академиком Михаилом Алексеевичем Лаврентьевым для поступления в любой вуз страны с физико-математическим профилем.

Так получилось, что именно в тот год впервые был произведен отбор талантливых юношей и девушек для учебы в Университете Дружбы народов. До этого сюда принимали только студентов из зарубежных стран Азии, Африки, Латинской Америки.

Приехавшая в республику специальная комиссия по результатам собеседований отобрала одиннадцать человек. Из них только трое были выпускниками средней школы, а остальные – студентами ведущих вузов республики. В числе трех оказалась и Айгуль, которая сразу же приняла предложение и подала документы членам комиссии, хотя ее родители все же с немалым опасением восприняли решение дочери. Ведь представители университета проводили собеседования не только с будущими студентами, но и их родителями. Разговор шел о моральной, психологической и поли-

тической устойчивости молодых киргизстанцев в процессе учебы и повседневного общения с иностранцами, а также их дальнейшей работы за рубежом. Ведь после окончания университета практически 90 процентов выпускников направлялись за рубеж.

Следует отметить, что в те годы об Университете Дружбы народов мало что было известно, и советских юношей и девушек в первом наборе было менее 20 процентов от общего числа студентов.

Приехав в Москву, все одиннадцать представителей Киргизии вынуждены были сдавать вступительные экзамены и участвовать в общем конкурсе. По результатам экзаменов и собеседований в вуз поступила одна Айгуль. Так она стала первой абитуриенткой из Киргизии, поступившей в университет Дружбы народов.

В те годы существовала добрая традиция, передаваемая студенчеством из поколения в поколение. Студенты московских вузов из Киргизии образовывали землячество, члены которого регулярно общались между собой, собираясь на разного рода торжества. Во время одной из таких встреч привлекательная, живая и общительная Айгуль познакомилась со студентом Московского института народного хозяйства им. Г. В. Плеханова Муратбеком Мукашевым.

Муратбек родился и вырос в селе Кегети Чуйского района, неподалеку от Фрунзе в многодетной семье директора сельской школы. Как и Айгуль, юноша был воспитан в рамках строгих патриархальных обычаев и правил. Почитал родителей, братьев и сестер, старших. Не терпел лжи и фальши. У Айгуль и Муратбека были общие взгляды на жизнь, они одинаково оценивали те или иные поступки. Годы студенчества запомнились обоим совместными походами в кино, театр, на концерты отечественных и зарубежных артистов эстрады, прогулками по вечерней красавице-Москве.

Посчастливилось им слушать, что называется, вживую

оперы, в которых заглавные партии исполняли Галина Вишневская, Тамара Синявская, Ирина Архипова, Мария Биешу, Владимир Атлантов, Владислав Пьявко, смотреть балеты с участием Натальи Бессмертной, Екатерины Максимовой, Михаила Лавровского, Владимира Васильева.

Довелось им побывать на концертах Муслима Магомаева, Иосифа Кобзона, Валерия Леонтьева, Софии Ротару, а также таких звезд зарубежной эстрады тех лет, как французка Мирей Матье, чех Карел Готт, француз бельгийского происхождения Сальваторе Адамо, югословы Джордже Марьянович и Радмила Караклаич, венгр Янош Коош, болгары Лили Иванова и Эмил Димитров, полячка Марыля Родович.

Будучи студентом пятого курса, Муратбек стал достаточно прозрачно намекать на то, что пора бы им четко определиться с дальнейшей судьбой. Однако Айгуль твердо заявил, что пока она не окончит университет, а затем и аспирантуру, ни о каком замужестве не может быть и речи. К обоюдному сожалению, молодым пришлось расстаться.

Учась уже в аспирантуре во Фрунзе, Айгуль познакомилась с молодым архитектором Ишенбаем Кадырбековым. Но и этому союзу не суждено было перерасти в семью. Ишенбая тоже не устраивала перспектива ждать, пока Айгуль завершит учебу в аспирантуре и работу над кандидатской диссертацией.

Как видим, несмотря на строгость семейного воспитания и неизбежность принципов, заложенных в девушке родителями, она не была затворницей, эдаким “синим чулком”. Айгуль росла живым и непосредственным человеком, пользовалась вниманием у молодых людей.

Кстати, впоследствии и Муратбек, и Ишенбай стали известными в республике людьми, видными в своих сферах специалистами, влиятельными фигурами на политической арене Кыргызстана, заметными общественными деятелями. Спус-

тя не одно десятилетие они сохранили с Айгуль добрые человеческие отношения, чувство уважения и признательности друг к другу.

Вряд ли найдется на земле человек, который бы хоть раз в жизни не говорил о любви и не признавался кому-либо в этом чувстве. Не счесть, сколько ей посвящено стихов и песен, романов и кинофильмов. Пожалуй, о любви написано и сказано больше, чем о каком-либо другом явлении. Но от этого она не перестает быть такой же непостижимой, как и во времена Овидия, Петрарки, Шекспира или Пушкина. Как мудро заметил поэт: “И море, и Гомер – все движется любовью”.

Спроси любого из нас, что такое любовь, почему она вдруг возникает у человека к одному индивиду и оставляет совершенно равнодушным при встрече с другим? Почему у одних она вспыхивает при первой же встрече, нередко с первого взгляда, а у других возникает после продолжительного знакомства, медленного привыкания и узнавания?

Сегодня вряд ли кто сможет сказать, какое впечатление произвела Айгуль на Анарбека при их первой встрече. Никогда не говорил об этом жене и он сам. Но вот что касается самой девушки, то она поначалу не обратила на него особого внимания. И уж менее всего примеряла его к себе как будущего спутника жизни. Да, стройный. Да, симпатичный, Да, не лишен некоторого внутреннего обаяния. Да, пользуется репутацией незаурядного специалиста и перспективного ученого. Но какой-то он не по годам чересчур серьезный, малоразговорчивый, сосредоточенный в себе самом. Спросишь о чем-нибудь, однозначно ответит, а чтобы самому подойти, поговорить, просто пошутить – не дождешься.

Как это ни покажется странным, но первым человеком, у кого зародилась мысль о том, что было бы неплохо соединить брачными узами Анарбека и Айгуль, оказался их непосредственный шеф Анатолий Лемешенко.

С большой симпатией относящийся к своим сотрудникам, высоко ценивший их за человеческие и профессиональные качества, он видел и понимал, что молодые люди идеально подходят друг для друга. А потому стал предпринимать, на первый взгляд, незаметные, но последовательные действия для их сближения и более тесного знакомства. Как гооврит-ся, сыграл роль свахи.

Так, если намечалась командировка в один из регионов республики, Лемешенко старался послать туда Анарбека и Айгуль вместе. Направлялась лекторская группа по обслуживанию отдыхающих на побережье озера Иссык-Куль, в состав ее непременно включали Чыныбаеву и Бакаева.

Как-то понадобилось Айгуль в процессе работы над диссертацией отправиться в Москву. Новейшие статьи о результатах исследований по разрабатываемой ею теме можно было найти только в библиотеке имени В. И. Ленина.

Ежедневно аспирантка приходила в главное книгохранилище страны, как на работу: появлялась ко времени открытия и покидала читальный зал перед самым его закрытием.

Каково же было ее удивление, когда через несколько дней она увидела, как за соседний столик усаживается Анарбек. После приветствий и обязательных в таких случаях расспросов выяснилось, что Лемешенко нашел какой-то уважительный предлог и сумел убедить руководство института в необходимости послать в Москву Бакаева.

Ну, а уж если сотрудников института посылали в уборочную страду на сельхозработы для оказания шефской помощи труженикам села, то в их числе и в одной группе неизменно оказывались Анарбек и Айгуль.

В советские времена ежегодно с приходом осени, когда в хозяйствах Чуйской долины наступал “пик” уборочной страды, тысячи жителей столицы – рабочие, инженеры, научные работники, студенты – выезжали, как тогда было принято говорить, “на свеклу”. Все понимали и замечали абсурдность

положения, когда люди, имея высокую инженерную или иную квалификацию, обладая учеными степенями, были вынуждены неделями, а то и месяцами выполнять примитивную, неквалифицированную работу на картофельных, свекловичных или хлопковых полях.

Однако никто по такому поводу не думал роптать и возмущаться. Во всяком случае открыто и громогласно. Все понимали суровую необходимость подобной помощи: сельским труженикам своими силами до “белых мух” выращенный урожай было не убрать. В те годы сахарной свеклы в Киргизии выращивали столько, что ее переработкой от одного уборочного сезона до другого были загружены на полную мощность шесть сахарных заводов, а валовое производство сахара в республике превышало 300 тысяч тонн. На среднестатистического киргизстанца производилось более 80 килограмм сахара.

Как специалист в области политэкономии да и просто как здравомыслящий человек, Бакаев не мог не видеть всей абсурдности и бесхозяйственности подобного “шефства”. Ведь ему и его коллегам за те недели, что они месили грязь на свекловичных плантациях, сохранялась заработная плата в полном объеме с выплатами за научные степени и звания.

— Использовать нас на копке корнеплодов и очистке их от грязи и ботвы – все равно, что забивать гвозди микроскопом, — говорил Анарбек в кругу коллег.

Однако едва ли было кому по силам изменить в ту пору сложившуюся порочную практику. Бал в экономике правили не законы рынка, а рычаги командно-административной системы.

Но в тот период Анарбеку и Айгуль грех было сетовать на то, что их привлекали на сельхозработы. Совместный труд на уборке свеклы способствовал их сближению.

Вот так постепенно, исподволь шло узнавание ими друг друга. Так что любовь, возникающая со временем между ними,

была не любовью с первого взгляда, а чувством, вызревающим постепенно, как добрый осенний плод,

Когда дело стало клониться к свадьбе, не все близкие высказывали одобрение по поводу ее избранника. Опасения близких невесты были небеспочвенны. Уж слишком разнились уклады и образ жизни сельских и городских жителей. Да и системы ценностей находились подчас на разных полюсах и не всегда совпадали.

Однако все эти доводы на Айгуль действовали мало. За год совместной работы и общения с Анарбеком она достаточно хорошо изучила характер этого человека и, как ей казалось, поняла его. А потому сделала свой выбор окончательно и бесповоротно.

Между прочим, и родители Айгуль, прежде чем давать согласие на этот союз, поинтересовались мнением академика Алтмышбаева о Бакаеве. Характеристику директор института выдал своему на тот период уже старшему научному сотруднику самую лестную. Хоть сейчас представляй его к высокой государственной награде. Главным достоинством Анарбека академик назвал его редкостную порядочность и надежность. Отметил также большие способности, трудолюбие и работоспособность. А в завершение разговора заключил: “Если бы у меня была дочь на выданье, и Анарбек попросил бы у меня ее руки, я бы благословил их, ни секунды ни раздумывая. Придет время, и мы будем гордиться, что были близки с этим человеком”.

Вот так в 1978 году Анарбек и Айгуль стали мужем и женой.

ПРОШУ СЛОВА

Арон Брудный, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки Кыргызстана.

Мы познакомились с Анарбеком Бакаевым давно, когда он молодым специалистом пришел в наш

Институт философии и права в Академии наук. Через год он женился на моей аспирантке Айгуль Чыныбаевой.

Я отнюдь не сентиментальный человек. Но очень скоро полюбил этого парня. Он был открытый, обаятельный, располагал к себе всех, кто с ним общался. Мы часто обсуждали с ним научные, да и не только научные проблемы. Он был широко эрудированным молодым человеком, и с ним было приятно общаться, откровенно беседуя на самые различные темы. Так было и тогда, когда он был сотрудником нашего института, и позже, когда он стал партийным, а затем крупным государственным деятелем.

Особенно мне импонировало в нем то, что на какую бы высоту он ни поднялся по служебной лестнице, умел оставаться самим собой — ровным в обращении с товарищами, скромным и непритязательным в повседневном быту, преданным, искренним и любящим в семье, прямым и честным по отношению к делу и коллегам.

И вот что я хочу еще о нем сказать. Чем больше я узнавал Анарбека, тем больше меня привлекали в нем такие незаурядные качества, как внутреннее достоинство, верность друзьям и близким, умение молчать, а если говорить, то сугубо по существу затрагиваемой проблемы, способность быстро схватывать самую суть обсуждаемого вопроса, редкая прозорливость и дальновидность.

Так случилось, что, когда он еще только начинал работать под моим началом, совершенно случайно стал свидетелем сугубо частного, конфиденциального разговора. Знаю, что многим из сотрудников института хотелось бы знать его содержание. Одна-

ко Анарбек никогда и нигде даже малейшим намеком не показал, что является одним из обладателей этого секрета.

Вряд ли открою Америку, если скажу, что он был перспективным работником во многих направлениях. В свое время его приглашали на весьма заманчивую, обещающую неплохой карьерный рост должность в ЦК комсомола республики. Именитый и влиятельный в тот период в республике ученый предлагал ему изменить направление его научных исследований, обещая поддержку и покровительство. От всего этого Анарбек отказался.

И без высокого покровительства он достаточно быстро завоевал авторитет и большое доверие в научных, молодежных, общественных кругах, был избран делегатом на важный всесоюзный молодежный форум, неоднократно участвовал в союзных семинарах председателей советов молодых ученых и специалистов.

Думаю, редко кто бы в его годы сохранил в подобных условиях трезвый ум и ясную голову, не зазнался. Бакаев не задрал нос, не возгордился, не вознесся. Я замечал, с какой легкой иронией он отнесся к тому, чем было принято гордиться и восхищаться в те годы.

Не могу не отметить, каким тонким чувством юмора он был наделен. И если бы не его природная скромность и выработанная им самим сдержанность, он мог прослыть большим острословом и остроумцем. Одним словом он умел выразить глубинную суть человека и сразить его наповал.

Хочу привести лишь один пример. Как-то его спросили, какого он мнения об одном важном и популяр-

ном тогда сановном лице. Анарбек промолчал, лишь слегка пожав плечами. Тогда спрашивающий стал настаивать: “Ну, скажите, хотя бы в двух словах”.

— Зачем в двух? – возразил Бакаев. – Можно и в одном.

— Что вы имеете ввиду? – загорелся собеседник.

— Это – сатана, — невозмутимо ответил Анарбек.

С полной убежденностью могу засвидетельствовать, что эта оценка была не только исчерпывающей в своей точности и справедливости, но и чрезвычайно мужественной. Ведь никто не мог дать гарантии, что содержание данного разговора не станет известно вельможному чиновнику, и тот не захочет изрядно подпортить будущее молодого ученого.

Людям моего и несколько более молодого поколения памятно повальное увлечение в 70-80-х годах прошлого столетия приключенческой и детективной литературой. Вспоминаю, как однажды я дал Анарбеку почитать сборник весьма модных на тот период зарубежных детективов. Каково же было мое удивление, когда он возвратил мне его на следующий день. Первым делом я восхитился скоростью его чтения. Однако в разговоре выяснилось, что ему было просто-напросто неинтересно дочитывать некоторые произведения до конца, поскольку он уже на ранней стадии чтения догадывался, кто злодей и каким образом его изобличат. Нередко думаю, что если бы он избрал стезю автора детективных романов, то и тут бы имел несомненный успех.

И все же для меня главное не это. Куда важнее то, что в научно-философском аспекте его суждения, оценки, его точка зрения вызывали большой интерес. О философских проблемах он высказывался, как

правило, нетривиально, тонко, с хорошим знанием трудов классиков марксизма-ленинизма. Особенно поражало меня его знание трудов Маркса.

Надо сказать, что и в те годы, впрочем, как и сейчас, многие из тех, кто мнят себя философами и обществоведами, Маркса знают плохо, понимают его с трудом. Но вот у Анарбека произведения этого философа находили какое-то созвучие и четкое понимание. Этим, скажу откровенно, в республике мало кто из философов может похвастаться.

В ОБОЙМЕ ПАРТИЙНОЙ НОМЕНКЛАТУРЫ

*Когда клубится страх крошечный
и тьму пронзает лай погонь,
благословен любой, посмевиший
не задувать в себе огонь.*

Игорь Губерман

В 1980 году Анатолия Лемешенко пригласили на работу во Фрунзенский горком партии. Вместо него ученым секретарем ИФиП назначили Бакаева.

В те годы партийные комитеты всех уровней – районные, городские, областные — были подлинной школой и кузницей руководящих кадров. По большей части, именно из партийных комитетов выдвигались люди на должности руководителей министерств и ведомств, республиканских и областных учреждений, директоров заводов, управляющих крупных строительных трестов, руководителей высших и средних учебных заведений, главных редакторов средств массовой информации, председателей колхозов и директоров совхозов. Так что, как в самих партийных комитетах, так и в их резервах шла постоянная и нескончаемая ротация кадров.

Нет ничего удивительного в том, что с приходом Лемешенко в горком очень скоро в списке горкомовского резерва кадров оказалось имя Анарбека Бакаева. А в 1981 году его по рекомендации и настоянию Анатолия Андреевича, работавшего заведующим отделом агитации и пропаганды, назначают инструктором этого отдела.

В те времена редко кто из переходящих на работу в партийный комитет выигрывал от этого в заработной плате. По большей части теряли. Так произошло и с Анарбеком. В бытность ученым секретарем ИФиП он получал 320 рублей в месяц, а с приходом в горком стал получать 210.

Сказать, что это мало трогало и беспокоило Бакаева, значит, погрешить против истины. Но решение Анарбека, перейти на партийную работу, было вызвано двумя основными причинами.

Во-первых, в горком партии Бакаев перешел в значительной мере благодаря тому, что его пригласил на эту должность человек, которого он искренне уважал, во всем доверял ему и считал в определенной мере своим учителем.

А во-вторых, как человек творческий и ищущий, он хотел испытать себя на новом поприще, в новом деле. И, по чести говоря, он верил в себя и был убежден, что и здесь у него будут неплохие перспективы роста. Так оно и произошло. Менее чем через два года Бакаев был назначен заместителем заведующего организационным отделом.

В тот период аппарат Фрунзенского горкома был укомплектован очень сильными и перспективными молодыми работниками. Первым секретарем был авторитетный в городе и в республике К. Молдобаев, вторым – многоопытный Ф. Чупров, секретарем по идеологии — выпускница философского факультета МГУ, кандидат философских наук Р. Отунбаева, заведующими отделами и инструкторами работали О. Абакиров, Ш. Атаханов, К. Нанаев, Дж. Шаршеналиев, А. Лемешенко, Дж. Рустенбеков, Дж. Сааданбеков, который после назначения Р. Отубаевой заместителем председателя Совмина республики был назначен на ее место секретарем горкома партии по идеологии.

Все они впоследствии стали крупными общественными и политическими фигурами республики, оставили заметный след в развитии, как столицы, так и Кыргызстана в целом.

К. Молдобаев требовал, чтобы его работники меньше времени проводили в кабинетах, а больше бывали в первичных партийных организациях, в трудовых коллективах, держали руку на пульсе жизни, знали, чем живут рядовые горожане.

Так и повелось. Днем аппаратчики находились в трудовых коллективах, а по вечерам занимались аналитической деятельностью, составлением отчетов и справок по запросам ЦК или Совмина, подготовкой вопросов на бюро, написанием разделов для докладов на пленумах. Работали тогда в парторганах, не считаясь со временем. Засиживались до девяти-десяти часов вечера. Суббота считалась рабочим днем. А во времена, когда в партийных организациях города проходила отчетно-выборная кампания или в горкоме шла подготовка к пленуму, партийно-хозяйственному активу или отчетно-выборной конференции, когда приближался очередной всенародный праздник, будь то Первое мая, Седьмое ноября, или же какое-либо всенародное торжество, работать приходилось и по воскресеньям.

Если не было срочных текущих дел, то субботы и воскресенья Анарбек посвящал работе с документами, анализировал, как выполняются решения бюро горкома, пленумов, активов.

Именно вот это умение скрупулезно, вдумчиво и аккуратно работать с документами, его аналитический ум послужили первопричиной того, что в 1984 году Бакаев был назначен заведующим общим отделом горкома.

С новым назначением объем работы у него заметно возрос. Но как бы поздно Анарбек ни возвращался с работы домой, Айгуль терпеливо ждала его, быстро разогревала ужин, и за вечерним чаем они вели неспешные разговоры о событиях прожитого дня, о том, как идут дела у них на работе, обменивались мнениями о прочитанном или увиденном по телевидению. Им было хорошо и комфортно вдвоем и все-

гда важно услышать мнение друг друга по тому или иному вопросу.

Когда Анарбек перешел на работу в горком, Айгуль очень скоро вошла в ритм его жизни, привыкла к тому, что зачастую он приходил домой с кем-либо из друзей. А потому, как хозяйку, ее невозможно было застать врасплох. В холодильнике у нее всегда был запас продуктов и полуфабрикатов, которые можно было очень быстро приготовить.

Так что очень скоро Айгуль в кругу друзей и коллег стала пользоваться репутацией очень хорошей, приветливой и хлебосольной хозяйки, которая может быстро накрыть на стол и вкусно накормить, когда бы и кто ни пришел в их теплый и гостеприимный дом.

Несмотря на определенные издержки партийной работы в сугубо житейском, семейном плане, годы работы в горкоме Анарбек всегда вспоминал с теплотой и благодарностью. Они позволили ему лучше узнать город и его людей, понять, чем живут и дышат коллективы промышленных предприятий, строительных и транспортных организаций, госучреждений, школ, техникумов, институтов. Новая работа расширила его кругозор, заставила глубже вникнуть в вопросы экономики, промышленности, капитального строительства, городского хозяйства. Именно эти годы помогли ему осознать и почувствовать город своим.

АЙПЕРИМ И ИСКЕНДЕР

*Не погрузится мир без нас
В былое, как в потемки.
В нем будет вечное сейчас,
Пока живут потомки.
Самуил Маршак*

Последнее двадцатилетие XX века оказалось чрезвычайно богатым на явления огромной значимости для всех граждан Советского Союза. Но для Анарбека Бакаева он был насыщен еще и событиями личного характера, украсившими его жизнь всеми цветами радуги, внесшими в его и без того плотную и напряженную жизнь новые заботы и хлопоты.

Выйдя замуж, Айгуль несколько лет не решалась заводить ребенка, боясь, что научная работа не позволит ей в полной мере уделять ему внимание. Однажды этот фактор даже сыграл крайне отрицательную роль. Когда проходили дни Киргизии в Бельгии, и Анарбека с Айгуль включили в состав делегации как молодых ученых, им не дали совместную визу на въезд в эту страну. Объяснение было простым: вы муж и жена, детей у вас нет, а значит, нет ничего такого, что бы удерживало вас в бедной стране, какой была в глазах бельгийских чиновников Киргизия. Не исключено, что вы решите навсегда остаться в нашей стране.

Вот так пришлось Айгуль ехать без мужа в Бельгию, а Анарбеку через некоторое время — на аналогичные дни Киргизии — без жены в Данию.

В 1983 году в семье появился первенец. Айгуль родила дочку. Назвали ее Айперим.

За 385 лет до этого события гениальный английский поэт и драматург Вильям Шекспир в бессмертной комедии “Виндзорские насмешницы” прозорливо заметил, что весь мир — театр, все люди в нем — актеры, всяк исполняет свою роль. Понятно, сколько людей, столько и ролей. Но все мы, за редчайшим исключением, исполняем еще роли мужей и жен, родителей и детей. У кого-то это получается хорошо, у кого-то похуже, а у некоторых вообще из рук вон плохо. Уж ничего тут не поделатъ. Есть гениальные актеры, есть просто талантливые, а есть и бездарные, ни на что не годящиеся. Такова жизнь.

Анарбек, как и все роли, которые выпали ему в жизни, роль мужа и отца исполнил в полной мере и блестяще. Он нередко повторял в кругу близких и друзей, что дети - это самый драгоценный дар, которым природа и Всевышний одаряют нас.

Наблюдая за собственной дочерью, поражался Анарбек тому, как мудро продумала все и устроила природа, какими поистине неограниченными возможностями наделила младенцев, каким огромным потенциалом снабдила для последующей жизни. Насколько любознательны, наблюдательны и восприимчивы к познанию окружающего мира дети.

Когда родилась Айперим, Анарбек работал в горкоме партии. В партийных органах того времени у работников не существовало такого понятия, как нормированный рабочий день. А в тот приближавшийся к переломному период, когда генеральные секретари ЦК КПСС менялись в силу объективных и субъективных обстоятельств чуть ли не каждый год, рабочее напряжение в горкомах и райкомах партии было чрезвычайным.

В те годы Советский Союз переживал чрезвычайно трудный период. Страна испытывала острейший дефицит в самых насущных товарах народного потребления. Равновесие между спросом и предложением было нарушено настолько, что с прилавков магазинов сметалось буквально все.

Именно в те годы получила хождение в стране байка об удивлении иностранцев образом жизни советских граждан: в ваших магазинах ничего нет, пустые полки, но к кому ни приходи в гости – стол всегда накрыт и холодильники забиты продуктами.

Для Анарбека и Айгуль серьезным подспорьем в те непростые и нелегкие времена было то, что в столичном горкоме при буфете был организован продовольственный распределитель, где раз в неделю работники аппарата могли покупать продукты первой необходимости. Это освобождало молодую хозяйку от необходимости бегать по магазинам, выстаивать в бесконечных очередях.

Обязательный и исполнительный Анарбек с рождением дочери пересмотрел свой распорядок. Как бы ни был он загружен делами, старался пораньше оказаться дома. По заведенному едва ли не с первого дня ритуалу Анарбек сам купал свою дочку.

История с купанием младенца повторится через пять лет, когда в семье родится мальчик. По традиции, пока ребенку не исполнится год, ежевечерне купать его будет отец.

Когда Айперим исполнилось два года, Анарбека перевели в отдел организационно-партийной работы республиканского ЦК партии. Как-то, году в 1986 или 87, работая уже первым заместителем заведующего отделом, он оказался в Москве на краткосрочных курсах, периодически проводившихся ЦК КПСС для работников республиканских ЦК, крупных крайкомов и обкомов.

Перед отъездом домой гостям из периферийных регионов устроили некое подобие выездной торговли дефицитными промышленными товарами. Конечно, Анарбек ни кого из родных не забыл, всем купил подарки. Но вот когда дело дошло до покупок для Айперим, товарищи по курсам не удержались от вопроса: “Анарбек, прости, а сколько у тебя детей?”

— Одна дочка, — последовал ответ.

— А мы, глядя на количество приобретаемых тобой детских вещей, грешным делом, подумали, что у тебя их, по меньшей мере, пять.

Анарбек с удовольствием занимался воспитанием дочери. Как только выпадало свободное время, он гулял с ней, перед сном обязательно читал ей сказки.

В конце лета 1987 года в жизни Бакаевых произошло еще одно важное событие – Анарбек был принят слушателем Академии общественных наук при ЦК КПСС, и где-то через 3-4 месяца учебы его утвердили инструктором ЦК КПСС и семье предоставили квартиру в хорошем районе на Юго-западе Москвы.

В марте 1988 года в семье появилось прибавление. Родился мальчик. Назвали его Искендером. Увлекавшийся историей, Анарбек, еще будучи студентом, решил для себя, что если у него когда-нибудь родится сын, то назовет его Искендером, или на греческий лад Александром. Что означает мужчина-защитник, смелый, отважный воин.

История знает немало мужчин с честью оправдывавших это имя. Александр Пушкин, Александр Грибоедов, Александр Герцен Александр Македонский, Александр Невский, Александр Суворов.

Вскоре семья в полном составе вылетела в Москву. Начался новый и весьма плодотворный этап в их жизни.

С наступлением лета Бакаевым выделили дачу в подмосковном пансионате “Поляны”. Скромные, но уютные коттеджи в сосновом бору. По заведенной у работников ЦК традиции, все домочадцы на лето выезжали на дачу. Некоторые отцы семейств предпочитали каждый день ездить отсюда на работу, другие приезжали сюда лишь на выходные.

Ближайшими соседями Бакаевых по даче оказались с одной стороны семья будущего председателя Ассамблеи народов России Рамазана Абдулатипова, принятого в аппарат

ЦК КПСС практически в одно время с Анарбеком, а с другой – будущего премьер-министра Армении.

Особенно близко Анарбек сошелся с Абдулатиповым. И когда им случалось бывать на даче вместе, они любили прогуливаться в сосновом лесу, обмениваясь мнениями о происходящих в стране и мире событиях, сверяя собственные точки зрения.

Безусловно, главным в их духовном сближении было то, что они являлись единомышленниками, близкими по духу людьми, одинаково остро переживали за прошлое, настоящее и будущее своей страны.

Абдулатипов, как и Бакаев, после университета, получив диплом преподавателя общественных наук, занимался научно-преподавательской деятельностью. Главным направлением его исследовательских интересов были анализ и прогнозирование межнациональных отношений.

С Бакаевым Абдулатипов был откровенен и прям, не осторожничал и не боялся высказывать открыто, что думает о том или ином руководителе, о конкретном факте. Таким же доверием отвечал своему товарищу и Анарбек. Впрочем, в установившейся и всемерно культивируемой в те годы обстановке гласности люди их поколения собственным поведением и отношением к открытости и свободе как бы утверждали в жизни принципы свободомыслия, открытости, свободы слова.

В те дни они еще не догадывались о предстоящих испытаниях, о развале великой страны и войне в Чечне. Но им и без этого было о чем поговорить.

К примеру, Анарбек не мог не видеть всей справедливости горьких слов Рамазана, когда он категорично не соглашался с заявлениями партийного руководства страны о том, что национальный вопрос в СССР успешно решен. Это заявление, горячился взрывной, темпераментный Абдулатипов, противоречит очевидным фактам повседневной жизни и простому здравому смыслу.

Среди всеобщего дефицита, ставшего кошмарной реальностью бытия народов нашей страны, с горечью продолжал далее собеседник, особенно пагубно сказывается и, боюсь, еще долго будет сказываться в будущем нехватка трех вещей. Это дефицит здравого смысла в экономике. Это дефицит морали во внутренней политике. Это дефицит социальной, в том числе и межнациональной, справедливости в повседневной жизни миллионов граждан

Уже тогда Бакаев и Абдулатипов с тревогой отмечали, что открытые шлюзы гласности, предоставленные свободы далеко не всеми людьми воспринимаются адекватно и достойно. Запомнились Анарбеку выстраданные слова его собеседника: “В последние годы мы очень много начали говорить о свободе. Но свобода тоже требует своего упорядочения. Если она не базируется на нормах права и морали, то такая свобода оборачивается для народа, для общества отсутствием всякой свободы”. Наверное, говоря это, Абдулатипов думал о своем народе, о том, куда могут его завести лидеры, рвущиеся к безграничной свободе, но не усвоившие элементарных норм демократии. Впрочем, разве одни только чеченцы находились в этой зоне риска?

Памятными для Анарбека, как и для многих советских людей, стали 12 дней конца мая и начала июня 1989 года. Дни, когда в Москве проходил Первый съезд народных депутатов СССР. Он открылся 25 мая. Прямая трансляция дебатов, от которых захватывало дух, почти на две недели приковала к экранам телевизоров едва ли не все взрослое население страны.

Ход и характер Первого съезда стали своеобразным зеркалом, в котором в полной мере отразилась ситуация в обществе, состояние и брожение умов, уровень демократической и политической культуры.

Разумеется, все это не могло оставить равнодушным Ба-

каева, будоражило его, пробуждало в нем повышенный интерес. И все же более всего его взволновало то, что на этом съезде, впервые после долгих лет замалчивания острейшей проблемы, с государственной трибуны был поднят со всей остротой национальный вопрос. Некоторые делегаты съезда, вопреки утверждениям и настроениям официальной власти, в полный голос заговорили о межнациональных противоречиях, о судьбе малочисленных народов, накопившихся обидах, многочисленных фактах дискриминации и ущемлений по национальному признаку, тяге некоторых народов к национальной обособленности.

Уже тогда в городах Ферганской долины то тут, то там вспыхивали стычки между молодыми людьми разных национальностей. Время от времени массовые побоища вспыхивали то в Андижане, то в Фергане, то в Джала-Абаде, то в Намангане, то в Коканде или в тогдашнем Ленинабаде.

Местные власти всякий раз пытались свести все объяснения к разборкам хулиганствующих групп за сферы влияния в местах проживания. Однако подлинные причины и мотивы подобных разборок были хорошо известны и органам власти на местах и сотрудникам спецслужб. В действительности давало о себе знать высоковольтное напряжение между представителями титульных наций и национальных меньшинств — чаще всего, из-за не состыковок в социальных и кадровых вопросах.

Бакаев стал живым свидетелем того, что Первый съезд народных депутатов совершил определенный переворот в умах и сознании даже его коллег по ЦК КПСС.

И все же главным итогом Первого съезда стало, пожалуй, то, что он отменил шестую статью Конституции, проще говоря, упразднил монополию Компартии на власть.

Но в тот момент мало кто мог предположить, что этим самым положено начало огромному событию исторической важности, что этим решением съезд войдет в историю как

могильщик всевластия Коммунистической партии. И время это было не за горами.

Пока же после съезда жизнь потекла по привычному и размеренному руслу. В очередной отпуск Бакаеву предоставили путевку в санаторий Кисловодска. Путевка на два лица. Но поскольку Искендер был еще маленький, Айгуль осталась с ним дома, а Анарбек, нисколько не смущаясь и не сомневаясь, отправился в санаторий с Айперим.

В тот год все, кто находился в санатории в одно время с Бакаевым, запомнили его надолго. Он был единственным из отдыхающих мужчиной, приехавшим с шестилетней дочкой. И когда, спустя несколько лет, он уже с женой вновь приехал в этот санаторий, медицинские работники и обслуживающий персонал с восхищением рассказывали Айгуль, каким чутким и заботливым отцом оказался ее муж, как он трогательно опекал и следил за Айперим в свой первый приезд. Ничего подобного ни до, ни после им наблюдать не доводилось.

Московский период жизни выросший Искендер почти не помнит. Слишком мал он был еще тогда. А для Айперим наиболее запоминающимися эпизодами той московской, еще с отцом, жизни были походы с ним в театры, цирк и в музеи. Именно он помог ей открытыми глазами взглянуть на шедевры русского и мирового изобразительного искусства.

Первым музеем для нее стала Третьяковская галерея. За несколько дней до культпохода отец показал ей в журналах несколько картин Шишкина, Васнецова, Левитана. А затем, чтобы не утомлять ребенка физически и эмоционально, “не перекармливать” ее, провел дочь по залам, где висели уже знакомые ей картины.

Со временем такие посещения стали более продолжительными и насыщенными. За “Третьяковкой” настал черед музея имени А. С. Пушкина, музея искусств народов Востока.

И сам Анарбек, работая в ЦК КПСС, не забывал о своем детском и юношеском увлечении. Время от времени брал в

руки кисти, краски и становился к мольберту. И даже не без успеха участвовал в традиционной выставке творческих работ сотрудников аппарата ЦК и членов их семей, выставив на суд зрителей два пейзажа. Один был связан с красотами Иссык-Куля, второй – Подмосковья. О чем до сих пор в семейном архиве хранится поощрительный диплом.

Культпоходы с отцом по музеям и картинным галереям сегодня 22-летний Искендер не припоминает. Но вот в том, что он неплохо играет в шахматы и уверенно чувствует себя на теннисном корте, прямая заслуга отца. Он был первым учителем подраставшего сына на этом поприще.

ПЛЕНУМ, ИЗМЕНИВШИЙ МИР

*Что ни век, нам ясней и слышней
сквозь надрыв либерального воя:
нет опасней и нету вредней,
чем свобода совсем без конвоя.*

Игорь Губерман

В обойму партийной номенклатуры Бакаев попал на излете застойного времени. А вскоре в застойный воздух страны, как свежий ветер, ворвалось слово «перестройка». В ноябре 1982 года умер Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев.

Перестройка востребовала и вывела на арену молодых, энергичных, перспективных и деятельных работников. А потому не было ничего удивительного в том, что наряду со многими перспективными кадрами под ее знамена был призван и Анарбек Бакаев.

В конце ноября 1985 года утром, едва Бакаев пришел на работу, в его кабинете зазвонил телефон правительственной связи, так называемая “тройка”. Звонил заведующий отделом оргпартрabоты ЦК Иван Васильевич Шимкин. После короткого приветствия он сразу перешел к делу:

— Анарбек Курамаевич, с вами хочет поговорить Абсамат Масалиевич. Без пяти десять я жду вас у себя. Подходите ко мне, и мы поднимемся к первому. Только не опаздывайте. — И положил трубку.

Последнее предупреждение было совершенно излишним. Со школьных лет Анарбек выработал в себе привычку никогда и ни при каких обстоятельствах никуда не опаздывать.

В семье и друзья даже подшучивали над ним по этому поводу, спрашивая, уж нет ли в нем немецких генов. Пунктуальность у него была поистине немецкая.

В подобных случаях в партийных органах было не принято спрашивать, по какому вопросу тебя хочет видеть первый секретарь. И Бакаеву оставалось лишь ломать голову и строить догадки, зачем же он понадобился первому секретарю ЦК.

Точно в назначенное время он был у Шимкина, и тот сразу же повел его на седьмой этаж, где находился кабинет Масалиева.

В приемной их уже ждал помощник первого секретаря. Он незамедлительно провел пришедших в кабинет и тут же вышел, плотно прикрыв за собой дверь.

Поднявшись навстречу из-за рабочего стола и приветливо поздоровавшись с вошедшими за руку, Масалиев шутливо обратился к Анарбеку:

— Ну, что, джигит, не надоело еще сидеть в горкомовских кабинетах? — И тут же перешел на деловой тон. — Хотим перевести тебя инспектором отдела организационно-партийной работы ЦК. Думаем поручить тебе кураторство столичной партийной организацией. На этом участке нам нужен человек, знающий не только партийную работу, но и город Фрунзе, его людей, промышленность, экономику. Как смотришь на это?

Бакаев догадывался, что разговор этот отнюдь не стихийный, и, скорее всего, с руководством горкома этот вопрос уже решен. Но, все же, соблюдая неписанные правила партийной этики, сказал:

— Если в ЦК так решили, я благодарю вас, Абсамат Масалиевич, за высокое доверие и готов принять ваше предложение, но как посмотрит на все это Карыбек Молдобаевич?

— Беспокоиться не надо. С Молдобаевым мы переговорили. Он одобряет и поддерживает наш выбор, — успокоил собеседника Масалиев и в заключение разговора добавил. —

В одиннадцать часов состоится заседание бюро. На нем мы утвердим тебя в новой должности, а пока идите с Иваном Васильевичем в отдел, он покажет твое рабочее место.

Как человеку, проработавшему четыре года в аппарате Фрунзенского горкома, Бакаеву не требовалось время для какой-либо раскочки и ознакомления с новым характером деятельности. Придя в ЦК, он сразу же включился в работу. Да и в отделе он себя новичком не чувствовал: едва ли не со всеми его сотрудниками, включая руководство, ему приходилось постоянно общаться.

Приход Анарбека Курамаевича в отдел ЦК заметно облегчил работу по подбору и выдвижению кадров на руководящую работу. Не секрет, что многие выдвиженцы были именно из столицы. С одной стороны, люди здесь были более подготовленными. А с другой, им, как правило, не требовалось подыскивать жилье, что в те годы было тоже немаловажным фактором.

За годы работы в горкоме Бакаев достаточно хорошо изучил кадровый потенциал столицы, был если не близко, то достаточно хорошо знаком с теми, чьи кандидатуры рассматривались при выдвижении на тот или иной пост.

Его знание людей было тем более важно, что после смены всего секретариата ЦК вторым секретарем был избран, а если быть точным, назначен решением Москвы, инспектор ЦК КПСС Г. Н. Киселев. Секретарем по промышленности стал недавний первый секретарь Грозненского горкома Чеченской Республики Н. И. Семенов. А вскоре И. В. Шимкина назначили заместителем министра внутренних дел, и отдел оргпартиработы ЦК возглавил М. Ф. Василенко, направленный в Киргизию “на укрепление” из Ставропольского крайкома партии.

Время прояснило, что переводили Бакаева из Фрунзенского горкома в ЦК с дальним прицелом. В должности инспектора он проработал немногим больше года. В 1986 году

его назначили первым заместителем заведующего отделом оргпартрabоты. Этот отдел традиционно и с полным основанием называли отделом номенклатурных кадров. Все значимые кадровые назначения и перемещения производились в республике с ведома и под контролем этого отдела. Поэтому заведующий отделом М. Василенко и его первый зам. Анарбек Бакаев нередко допоздна засиживались в просторном кабинете Михаила Федоровича, обсуждая, кого из кандидатов на ту или иную номенклатурную вакансию предложить для рассмотрения и обсуждения членам бюро, скрупулезно взвешивая все “за” и “против” каждого претендента.

Уже за много лет до этого партийные органы в центре и на местах испытывали дефицит компетентных и профессиональных кадров. И Анарбек Курамаевич в откровенных беседах с Василенко, который был честным, не способным на низость и подлость, думающим человеком, говорил о том, что давно им обдуманно и выстрадано.

В частности, серьезной ошибкой Бакаев считал то, что, объявив КПСС партией рабочих и крестьян, с некоторых пор непонятно кем и зачем были искусственно установлены квоты на прием в нее новых членов. Согласно им на 4-5 рядовых рабочих и колхозников можно было принять лишь одного представителя из научной, культурной или иной относящейся к интеллигенции среды. Причем, это негласное и неписанное правило должно было строго соблюдаться повсеместно. Чтобы обойти его, требовалось добиться высочайшего соизволения ЦК. Получилось так, что голова с мозгами оказалась внизу, а наверх были поставлены мозолистые, но зачастую не очень умелые и квалифицированные руки.

В результате в партийных органах доработались до того, что вначале в низах, а потом и на более высоком уровне стали все чаще и все сильнее возникать проблемы с достойными кандидатами на выдвижение и назначение на ответственную номенклатурную должность.

Возведенная в ранг непререкаемой истины и доведенная до абсурда идея диктатуры пролетариата привела к непомерному и не всегда заслуженному возвеличиванию “гегемона” и обесцениванию того, что составляет умственную силу и культуру страны и нации. Этот путь, доказывал Бакаев собеседнику, губителен для нашего общества.

В принципе соглашаясь с ним по этому и ряду других наболевших вопросов партийного и хозяйственного строительства, Василенко неизменно задавал сакраментальный вопрос:

— А что, Анарбек, мы можем с тобой сделать? И ты, и я неоднократно ставили этот вопрос перед нашими руководителями. Знаю, не только они, секретари компартий других союзных республик обращались в ЦК КПСС с просьбой пересмотреть сложившееся положение, дать больше самостоятельности регионам, позволить им самим решать, как и за счет кого увеличивать рост партийных рядов. У них такая же ситуация, как и у нас. А в Москве и слушать нас не хотят. Мол, дай вам волю, вы вмиг начнете ломать установившуюся традицию. В Москве продолжают заигрывать с пролетариатом и колхозным крестьянством, а шишки на голове приходится считать таким, как мы с тобой.

Вот так, поговорив о наболевшем и определив, что же можно сделать в создавшемся положении, чтобы не усугублять его, орговики расходились по домам

По долгу службы Бакаеву приходилось периодически оформлять личные дела на ответственных работников, направляемых в Академию общественных наук при ЦК КПСС. И каждый раз ловил себя на мысли, что очень хотел бы оказаться на месте одного из них. При этом его меньше всего волновали соображения карьеры. Поступление в академию давало бы ему возможность вплотную заняться работой над докторской диссертацией. Став партийным функционером,

как Анарбек сам иронично называл себя “партайгеноссе”, он начисто лишился возможности заниматься наукой.

Настойчивость и целеустремленность и тут помогли ему достичь намеченного. Однако, став слушателем АОН, он так и не обрел возможности заниматься наукой.

УНИВЕРСИТЕТЫ ЦК КПСС

...Занятие важными общественными делами есть наилучшая школа для развития в человеке всех истинно человеческих достоинств; известно, из двух людей, одинаково одаренных от природы, тот будет иметь более широкий взгляд на жизнь, кто более привык к занятиям, требующим подобного взгляда...

Николай Чернышевский

На исходе 1987 года Бакаев был зачислен в Академию общественных наук. В тот год одновременно с ним сюда были приняты шесть представителей Киргизии. В их числе оказались Чолпон Баекова, ставшая позже первым председателем Конституционного суда Кыргызской Республики, Евгений Семененко, будущий министр труда и социальной защиты, Валентин Богатырев, который впоследствии будет ряд лет возглавлять Институт стратегических исследований при президенте страны. Однако из всей шестерки только Бакаеву не удалось проучиться спокойно весь отпущенный на учебу срок.

Хотя к тому времени перестройка уже все заметнее пробуксовывала и все больше вызывала критики и нареканий советских граждан, тем не менее продолжала оставаться в центре внимания мировой общественности, и все еще значительная часть населения Страны Советов связывала с ней определенные надежды.

Повсеместно сверху донизу шла ротация и омоложение кадров. Особое внимание обращалось на подготовку перс-

пективного кадрового резерва для союзных республик. Конечно же, молодой кандидат философских наук из Киргизии, успевший успешно поработать в столичном горкоме и в республиканском ЦК, обратил на себя внимание преподавателей АОН своей незаурядностью, самостоятельностью мышления и не показной скромностью. И вскоре, по их рекомендации, он оказался в поле зрения сторонников перестройки в аппарате ЦК КПСС.

Спустя менее четырех месяцев после поступления в АОН, Бакаев был вынужден отказаться от учебы в академии. Совмещать работу инструктора отдела организационно-партийной работы ЦК КПСС, на должность которого он был незадолго до этого утвержден, с учебой в было невозможно.

В аппарат ЦК КПСС он попал в чрезвычайно интересное, насыщенное поисками и свершениями время. О духовной атмосфере, царившей в обществе в те годы, можно в какой-то мере судить по словам одной публицистической статьи. Причем, слова эти в полной мере отвечали мыслям и чаяниям миллионов людей, отражали общественное настроение: “Пожалуй, впервые за очень многие годы, даже десятилетия мы взглянули на самих себя не только откровенно и непредвзято, но и во взаимосвязи всех сторон нашего развития.

Снова в чести поиск истины, правды, а не выгоды, снова в цене смелость объективных исследований, а не конъюнктурные поветрия. Поучительный вывод для всех нас на будущее: без правды жизни, без научных истин и художественных открытий нет и не может быть полноценной, многообразной духовной жизни, нет и не может быть по-настоящему действенной, боевой идеологической работы”.

ПРОШУ СЛОВА

Лидия Иманалиева, Чрезвычайный и Полномочный Посол Кыргызской Республики в Австрии
Волею судеб мы с Анарбеком в одни годы рабо-

тали в комсомоле, но лучше узнала я его когда он стал работником горкома партии. С первых дней нашего знакомства я увидела в нем глубоко интеллигентного, очень порядочного и обаятельного человека. Для меня это было совершенно неувидительно, что Анарбек очень быстро пошел в гору по служебной лестнице.

Мы нечасто, может быть, общались, однако, виделись хорошие мгновения, будь то получение первой квартиры, рождение долгожданного первенца или весть о новом назначении. Меня всегда поражали его скромность, высокая эрудиция и тонкое чувство юмора.

В том, что я стала дипломатом, именно Анарбек сыграл решающую роль.

В 90-е годы прошлого столетия Анарбек занимал высокий пост в ЦК Компартии Киргизии, а я работала секретарем по идеологии Кеминского райкома партии. В один из холодных декабрьских вечеров в моем кабинете раздался телефонный звонок. Звонил Анарбек. Он спрашивал с нескрываемым удивлением: «Лида, ты, что, польским языком владеешь?» Я со смехом ему отвечаю: «Анарбек, я 14 лет задавала себе вопрос, на черта я учила польский, сдавала по нему госэкзамен, получала свидетельство (сейчас его называют сертификатом) в российском университете, если теперь сижу в сельском районе и совершенствую свой кыргызский язык!» Тут, говорит Анарбек, звонят из сектора кадров ЦК КПСС и заявляют, что у вас секретарь далекого горного райкома владеет польским языком и называют твою фамилию! Оказывается, начинался набор кандидатов для учебы в Академиях общественных наук (АОН) братских социалистических стран, но с обязательным

знанием языка страны пребывания. Анарбек задает вопрос: «Ты, как, попробуешь?» Я отвечаю: «Анарбек, дорогой, там знаешь сколько желающих! Только в Литве, Беларуси и Украине столько партработников, которых польский - родной язык!» «А, ты, попробуй, не сдавайся!» – посоветовал Анарбек. И как в воду глядел

А уже через полгода, и у меняли у Анарбека круто изменилась судьба. Я уже была аспиранткой Варшавской АОН ЦК ПОРП, а Анарбек работал в Центральном Комитете КПСС, причем, в отделе, который занимался и учебными парткадрами как в СССР, так и за рубежом, и был опять-таки моим куратором, постоянно мне оказывал помощь - будь то организация моей практики в АОН ЦК КПСС, консультаций с видными учеными, доступ к спецматериалам и т.д.

После окончания аспирантуры я вернулась на родину и начала свой путь в стенах МИД Кыргызстана – от заместителя заведующего отделом до первого замминистра.

Со становлением Кыргызстана независимым государством Анарбеку поручаются ответственные государственные посты, где он трудился, как повелевала ему совесть и беззаветная любовь к Отчизне. Тем не менее, у Анарбека всегда хватало времени позвонить, поинтересоваться моими делами, порадоваться моим успехам, помочь дать дельный совет.

Придя в аппарат ЦК КПСС, Бакаев, конечно же, не мог знать, какой срок пребывания в новой должности ему отпущен. А потому не стал долго раскачиваться и осматриваться на новом месте. В отделе ему изначально поручили кураторство над сферой партийного образования республик Средней Азии и Казахстана, Закавказья, а также города Новоси-

бирска. Пользуясь предоставленной возможностью, начал не только активно знакомиться с деятельностью ведущих партийных учебных заведений Алма-Аты, Ташкента, Душанбе, Баку, Еревана, Тбилиси, Новосибирска, но и стремился ближе узнать эти города, увидеть и понять, чем и как живут народы братских союзных республик. Ему хотелось самому вникнуть, разобраться в плюсах и минусах организации в различных регионах Союза среднего и высшего образования, сравнить с тем, как поставлено это дело в его республике.

Понимая, что рано или поздно ему придется возвращаться на родину, Анарбек старался поглубже уяснить то, что может пригодиться ему дома. Особенно его привлек опыт отбора и подготовки способной молодежи в знаменитой на весь Союз физико-математической школе в новосибирском академгородке при госуниверситете.

С присущей ему дотошностью он знакомился с трехступенчатой системой физико-математических и химических олимпиад, позволявшей привлекать в ФМШ способных старшеклассников по всей территории Сибири, Дальнего Востока, и частично даже Казахстана и республик Средней Азии.

Прагматик и реалист по характеру и складу ума, он все же не терял надежды, что настанет время, когда и при главном на тот момент вузе его республики Киргосуниверситете будет создана школа, подобная новосибирской ФМШ.

В Грузии Бакаеву довелось непосредственно встречаться с широко известным в ту пору педагогом-новатором, школьным учителем Шалвой Александровичем Амонашвили, увидеть в действии его метод воспитания детей. Запомнились слова незаурядного педагога: “Педагогический процесс тогда хорош, когда в нем воспитание идет впереди обучения, ибо вызванные им к действию духовные силы будут впитывать знания как пищу, необходимую для дальнейшего духовного роста и становления личности школьника”.

Не мог забыть Анарбек и уроки Амонашвили по его уста-

новлению союза с семьями своих учеников, что способствовало созданию целостной и целеустремленной воспитательной среды.

Работа в аппарате ЦК КПСС приносила Бакаеву огромное удовлетворение еще и потому, что за этот сравнительно короткий период (неполные четыре года) ему посчастливилось познакомиться со многими замечательными людьми, высокопрофессиональными специалистами в избранном ими деле. Одним из них оказался Сергей Константинович Черненко, ректор Новосибирской высшей партийной школы, сын бывшего с февраля 1984 до марта 1985 года Генерального секретаря ЦК КПСС К. У. Черненко.

Бакаеву Сергей Константинович импонировал своей эрудицией, не показным демократизмом, внутренней порядочностью и интеллигентностью. Похоже, и Анарбек понравился С. К. Черненко. При всякой встрече они проводили немало времени в откровенных душевных беседах. И далеко не только о проблемах образования и науки.

Надо полагать, в ЦК КПСС на Бакаева имели особые виды, связывали с ним определенные далеко идущие планы. Иначе чем объяснить то, что его старались обкатать в разных отделах, дать ему возможность проверить, испытать себя в различных сферах деятельности.

В 1990 году его перевели в общий отдел ЦК КПСС на должность главного референта. С одной стороны, это было очевидным признанием того, что и в аппарате ЦК разглядели способности Анарбека к анализу и обобщению поступающих в ЦК документов, его умение лаконично и четко формулировать и излагать сложные понятия. А с другой стороны, работа в общем отделе позволяла ему глубже ознакомиться с деятельностью едва ли не всех отделов ЦК. Ведь в общий отдел стекались решения, постановления, справки, записки и другие документы из всех отделов. Однако время, о котором идет речь, было столь динамичным, так стремительно

менялась ситуация, что проработать на новом месте ему довелось меньше года.

Период работы Анарбека в ЦК КПСС был омрачен большим семейным горем. Годы труда Курамы Бакаева под землей в условиях повышенной радиации не прошли бесследно. И хотя он, едва отработав необходимый для выхода на пенсию срок, расстался с шахтой и переехал в сельскую местность, коварная болезнь, спустя несколько лет, настигла его. Врачи обнаружили серьезный и неподдающийся лечению недуг. Чтобы продлить бывшему горняку жизнь, пришлось ампутировать ногу. Однако это не помогло. Когда Анарбек по вызову матери приехал к больному отцу, спасти его уже ничто не могло.

Не на много пережила мужа и Токуш. Менее чем через два года покинула сей бранный мир и она.

Относительно ранняя смерть отца и матери на всю жизнь осталась острой болью в сердце Анарбека. Постоянно перебирая в памяти последние разговоры с медленно угасающим отцом, сын казнил себя за то, что в самый ответственный момент оказался далеко от дома. Может быть, думал он, будь я в это время рядом с родителями, и смог бы чем-то помочь им, нашел бы средство, чтобы продлить им жизнь.

ЖАРКАЯ ВЕСНА И ГОРЬКОЕ ЛЕТО 90-го ГОДА

Процесс обновления страны и коренных перемен в мировом сообществе оказался куда более сложным чем можно было предположить. Однако то, что сделано, должно быть оценено по достоинству.

Общество получило свободу, распрямилось политически и духовно, и это – самое главное завоевание, завоевание, которое мы до конца еще не осознали, а потому что еще не научились пользоваться свободой.

М. С. Горбачев

Необратимые процессы перемен в обществе набирали обороты. 15 марта 1990 года участники третьего Съезда народных депутатов СССР избрали первого Президента Советского Союза. Им стал Генеральный секретарь ЦК КПСС Михаил Сергеевич Горбачев. Однако в тот момент никто еще и думать не мог, что Горбачев станет первым и последним Президентом СССР, и что менее чем через год и девять месяцев само это великое государство перестанет существовать на политической карте мира.

Перемены в обществе были заметны хотя бы уже по тому, что среди депутатов не было прежнего единодушного одобрения выдвинутой кандидатуры. Несмотря на прохладный март, судя по всему, кандидату на пост Президента порой было жарко от выступлений ряда народных избранников. Находились среди них и такие, кто откровенно выступал против Горбачева.

Аргументируя свою позицию ссылками на ухудшение социально-экономической обстановки, обострение межнаци-

ональных отношений, усиление нападков на армию, медлительность с решением некоторых острых политических вопросов.

Размышляя над происходящими в стране событиями и переменами, Бакаев переживал двойственные чувства. С одной стороны, его не могло не радовать то, что люди становятся более открытыми, не боятся открыто высказывать недовольство тем, что мешает продвижению вперед, отказываются от единодушия и послушной готовности беспрекословно голосовать за любые предложения верхов. Всем сердцем принимал он набирающую силу гласность, свободомыслие, плюрализм мнений.

Но, с другой стороны его раздражало и тревожило отсутствие у многих, даже относящих себя к интеллектуальной элите, элементарной политической культуры. Некоторые народные депутаты, выступая с трибуны Съезда, позволяли себе запелляционный, оскорбительный по отношению к оппонентам тон, вели себя бестактно и некорректно, не гнушались при помощи намеков и подтекста бросать тень на репутацию своих коллег или членов правительства, а то и брали на себя роль последней инстанции, вынося вердикт по тому или иному решению.

Особенно грешили этим работники средств массовой информации. Гласность, свободу слова многие из них восприняли как вседозволенность. Свободу мысли и слова они подменили свободой языка – говори все, что ни попадя, ни за что при этом не отвечая.

Конечно же, не могли обойти стороной кардинальные перемены и Киргизию. Одним из важных свидетельств таких перемен явилось то, что в дни, когда в Москве шли выборы первого Президента СССР, во Фрунзе главная русскоязычная газета республики “Советская Киргизия” вынесла на всенародное обсуждение проект основных положений Концепции перехода Киргизской ССР на самоуправление и самофинансирование.

В преамбуле документа отмечалось, что за годы Советской власти Киргизская ССР превратилась в индустриально-аграрную республику. Созданный за этот период производственный потенциал обеспечил необходимые предпосылки для развития социальной сферы, роста народного благосостояния. Осуществлена культурная революция, сформированы квалифицированные рабочие кадры, творческая и техническая интеллигенция.

Однако сложившаяся за десятилетия чрезмерно централизованная система управления народным хозяйством СССР в современных условиях не обеспечивает дальнейшего успешного экономического и социального развития республики. Начиная с X пятилетки произошло замедление темпов экономического роста и эффективности общественного производства. В последние годы наблюдается нарастание диспропорций в народном хозяйстве, выявилась тенденция к снижению относительного уровня экономического и социального развития республики

Экономическая самостоятельность Киргизской ССР имеет цель привести государственно-правовой механизм, методы и практику управления социальным и экономическим развитием республики в соответствие с содержанием изменяющихся экономических и политических отношений в стране, для которых характерны становление гражданского общества, правового государства, регулируемой рыночной экономики, социальной ориентированности.

Киргизская ССР принимает на себя основную ответственность за благополучие, социальный прогресс, повышение уровня и качества жизни своего народа и всех граждан. При этом она остается приверженной идеям совместного движения с другими советскими республиками по пути социального и экономического прогресса, эффективного использования потенциала Союза ССР, открытости для межреспубликанского и международного сотрудничества.

С самым пристальным вниманием, с карандашом и блокнотом в руках принялся Анарбек за изучение проекта Концепции и первоочередных мер по подготовке и переходу Киргизии с 1 января 1991 года на самоуправление и самофинансирование, поскольку не исключал того, что возвратится в республику для работы в высших эшелонах управления.

Невнимание к социальным, демографическим и региональным факторам, замечал Бакаев, неизбежно ведет к незаметной, на первый взгляд, но постепенно набирающей силу межнациональной напряженности. Неминуемо начинается поиск “виноватых”, возникает неподвластное разуму желание выместить на ком-то накопившиеся злость и обиду, вспыхивают немотивированные, казалось бы, ссоры, стычки, междоусобицы.

Как и у всякого киргизстанца, острой тревогой и болью отозвались в сердце Анарбека кровавые события лета 1990 года в Ошской области. Днем начала массовых беспорядков, приведших к многочисленным жертвам, стало 4 июня. Тогда на поле колхоза имени Ленина Кара-Суйского района прогремели первые выстрелы, пролилась первая кровь.

Непосредственным формальным поводом междоусобицы послужило стремление группы киргизской молодежи захватить участок земли, принадлежащей колхозу с преимущественно узбекским населением для строительства индивидуальных домов.

По выражению классика отечественной литературы Чингиза Айтматова, произошла “варфоломеевская ночь” между киргизами и узбеками, до этого многие десятилетия жившими друг с другом в мире и согласии. Что же вдруг случилось? Почему зло и обида затмили разум и благоразумие? Кто подогрел гнев и направлял ярость обезумевшей толпы в русло погромов, пожаров, проявления актов вандализма и насилия? В те трагичные дни были убиты и ранены сотни

ни в чем неповинных людей. В Бишкеке и в Оше был объявлен режим чрезвычайного положения, введен комендантский час.

Хотя Бакаев в самые тяжелые дни межнационального кризиса находился далеко от своей республики, он со всей отчетливостью представлял, что творится на его малой родине, остро сопереживал перипетии тех дней, постоянно поддерживал связь с родными, близкими, друзьями, коллегами по партийной работе. Тревожился Анарбек и по поводу того, что неподалеку от входа в здание ЦК компартии Киргизии отдельные представители оппозиции разбили палаточный городок, в котором дневали и ночевали противники Абсамата Масалиева с требованием его отставки. К этому человеку Бакаев относился с симпатией и уважением. И вовсе не потому, что тот пригласил его в свое время на работу в аппарат ЦК. Просто этот руководитель импонировал ему своей принципиальностью и честностью, преданностью долгу и делу, которому посвятил жизнь.

Потом, когда Анарбека Бакаева назначат председателем КГБ, в числе первоочередных задач он выделит ознакомление с материалами, касающимися Ошских кровавых событий. Ему важно было проанализировать, где недоработали, в чем ошиблись его коллеги и могли ли они предотвратить этот конфликт. Это ему было необходимо для того, чтобы подобное не повторилось.

А для этого требовалось выработать систему кардинальных мер, которые изначально не позволили бы ситуации дойти до столь опасного накала. Свои предложения он внесет и президенту. Однако дальнейшее покажет, что и первый и второй руководитель государства слишком мало уделяли этому внимания.

Еще не улеглись до конца межнациональные страсти и не утихла боль потерь из-за Ошских межэтнических конфлик-

тов, как осенью того же 1990 года в политической жизни республики развернулись события в буквальном смысле судьбоносные. Конечно же, в те дни Анарбек и предположить не мог, что эти события круто изменят и его собственную судьбу.

В октябре Верховному Совету республики предстояло избрать первого президента Киргизской ССР. И хотя с началом перестройки был положен конец практике советских лет, когда из десятилетия в десятилетие выборы повсеместно проводились без выбора, поскольку электорату постоянно предлагалось выбирать лучшего из одного, но по первоначальному сценарию предусматривалось, что на сессии Верховного Совета будет рассматриваться только один претендент.

На должность президента намечалось выдвинуть кандидатуру тогдашнего первого секретаря ЦК компартии Киргизии Абсамата Масалиева. Всем тогда казалось, что этот многоопытный партийный лидер наиболее подходящая фигура, чтобы стать первым президентом Киргизии. Тем более, что за полгода до этого, 10 апреля, депутаты Верховного Совета республики избрали Масалиева своим председателем.

Сторонники лидера коммунистов не сомневались в том, что он будет избран главой государства. И если бы не Ошские кровавые события, скорее всего, так бы оно и случилось. Однако трагедия жаркого лета, приведшая к гибели множества мирных граждан, сильно подорвала в глазах рядовых киргизстанцев авторитет руководства республики.

Учитывая это, окружение бывшего на тот момент председателя Совмина республики Апаса Джумагулова убедило его выдвинуть в качестве альтернативной свою кандидатуру на пост президента. Не останавливало их даже то, что ранее глава правительства заявил о своей поддержке Масалиева. Узнав, о намерении Джумагулова втайне выдвинуть в качестве альтернативы собственную персону в борьбе за пост

президента, попытать счастья на этой арене решил и амбициозный Джумгалбек Аманбаев, занимавший в тот период должность первого секретаря Иссык-Кульского обкома партии. Подключение последнего к выборной борьбе спугало все карты и помешало Масалиеву стать первым президентом Киргизской ССР. Именно Аманбаев отнял у Масалиева те депутатские голоса, которых тому не хватило для победы.

В первом туре никому из претендентов не удалось набрать более половины парламентских голосов. Во второй тур вышли Масалиев и Джумагулов. Партийный лидер попытался было уговорить своего оппонента сойти с арены выборной борьбы. Однако Джумагулов отказался сделать это, сославшись на то, что его сторонники вряд ли поймут и поддержат подобный шаг.

В ходе повторного голосования ситуация повторилась. Вновь ни одному из кандидатов не удалось склонить на свою сторону более половины парламентариев. Тогда у кого-то из депутатов возникла спасительная идея предложить писателю Чингизу Айтматову баллотироваться на пост президента страны.

Всемирно известный литератор, поблагодарив парламентариев за высокое доверие, все же отказался от подобной чести и предложил в свою очередь кандидатуру народного депутата СССР президента Академии наук республики академика Аскара Акаева. И хотя на тот момент в политических кругах и среди депутатов он не пользовался широкой известностью, сказался авторитет Айтматова. Акаева срочно вызвали из Москвы, где в это время проходил съезд народных депутатов СССР, и на следующий же день в первом туре участники сессии Верховного Совета Киргизской ССР дружно проголосовали за него. Так волею случая ученый-физик, весьма далекий от политики и проблем управления государством, стал первым президентом республики.

МИНИСТР ОБРАЗОВАНИЯ

Просвещение – это сама жизнь, и оно не заканчивается, пока жив человек. Формальное образование может прекратиться с окончанием школы, просвещение же становится более интенсивным по мере приобретения нами жизненного опыта и более глубокого осознания своего места в мире. Независимо от того, сколько нам лет или насколько мы продвинулись в интеллектуальном плане, мы всегда должны спрашивать себя: каково мое понимание внутренней, полной смысла жизни, насколько я счастлив?

Ребе (рабби) Менахем Мендл Шнеерсон

31 декабря 1990 года, за несколько часов до наступления Нового года, небольшая семья Бакаевых собралась за праздничным столом возле украшенной разноцветными стеклянными шарами и сверкающей гирляндами елки. Уже с вечера начали поступать звонки от друзей и родных и сам Анарбек стал звонить друзьям и коллегам поздравляя их с наступающим Новым годом.

К этому времени Искендер уже сладко спал в своей кровати. Ближе к одиннадцати часам его примеру последовала и Айперим. Айгуль и Анарбек остались за праздничным столом у включенного телевизора вдвоем, ожидая традиционного новогоднего обращения к народу Президента страны.

Перестройка, размышлял Анарбек, закончилась к прошлой осени. А глубинные перемены еще не произошли. Вот уже несколько месяцев мы существуем в историческом проме-

жутке. Промежуток опаснейшим образом затягивается. По всему политическому горизонту – глухой завал. Все теряют, но никто не находит. Всех — и левых, и правых, и центристов — волнует один вопрос – что же дальше? Иначе говоря, врежемся мы в твердое дно головой в течение наступающего года, или опять удастся проскочить?

Бакаев прекрасно понимал, что чуда в наступающем году ждать не приходится, что нет у руководства государства чудодейственных рецептов мгновенного вывода страны из затаенного политического и экономического кризиса. И все же с затаенным интересом ждал новогоднего обращения М. - Горбачева. Ведь уже по настроению Президента, по его интонации, взгляду можно строить определенные догадки, делать некоторые выводы.

За несколько минут до того, как новый год заступит на смену старому, на экране телевизора появился Президент страны. В тот момент никто, включая его самого, не подозревал и не догадывался, что это последнее подобного рода обращение Горбачева к народу, что наступивший год окажется последним годом существования СССР, а на руинах развалившегося Союза вырастут 15 суверенных государств, гражданам которых придется пройти через многие лишения и нелегкие испытания.

А пока же Михаил Сергеевич говорил о том, что мы провозжаем исключительно трудный для всех нас год. Конечно, трудности в переходный период неизбежны, особенно когда к новому разворачивается такая гигантская страна, как наша. К этому добавились просчеты и ошибки уже последнего времени. Ошибки руководства страны, наши с вами недоработки. Будущий год, продолжал Горбачев, особый. На него падает решение вопроса о судьбе нашего многонационального государства. Для всех нас, советских людей, нет более святого дела, чем сохранение и обновление Союза, в котором вольно и хорошо жилось бы всем народам. Мы сейчас,

может быть, как никогда остро чувствуем, что нельзя нам жить, отгородясь друг от друга. Да и выйти из кризиса, подняться на ноги, твердо пойти по дороге обновления мы сможем только сообща. Именно в Союзе, его сохранении и обновлении – ключ к решению огромных, судьбоносных задач, стоящих перед нами в 1991 году.

Безусловно, все, что говорил Президент в Новогоднем обращении к народу, было правильным и справедливым. Но это уже не могло спасти страну от развала. Часы истории в тот момент уже начали отмерять последний год существования великой державы.

Судьбоносные события происходили в этот период и в Киргизии. После поражения Абсамата Масалиева в ходе президентских выборов и его отбытия в Москву, первым секретарем ЦК Компартии Киргизии и членом Политбюро ЦК КПСС был избран Джумгалбек Аманбаев.

В феврале 1991 года Аманбаев оказался в Москве. Прилетел то ли на заседание Политбюро, то ли на очередной Пленум ЦК КПСС. Разыскав по телефону Бакаева, он после недолгих расспросов и предисловий сказал: “Надо бы, Анарбек, встретиться. Есть серьезный разговор”.

При встрече Аманбаев без обиняков спросил: как Бакаев смотрит на то, чтобы возвратиться в республику. А на вопрос Анарбека, в каком качестве ему предлагают вернуться, ответил, что хотел бы видеть его в должности секретаря ЦК по идеологии. Немного подумав, Бакаев принял это предложение.

Однако по приезде в Бишкек Бакаев встретил на удивление более чем прохладный прием в ЦК, в том числе и у первого секретаря. Оказалось, что несмотря на то, что среди членов бюро и секретарей ЦК были люди, работавшие ранее с Анарбеком и хорошо знавшие его человеческие и деловые качества, тем не менее они не поддержали решение своего шефа. На этой должности они хотели бы видеть кого-

нибудь из своих. Короче, как часто бывает в подобных случаях, верх взяли корпоративные и приятельские интересы.

На очередном пленуме ЦК, где решался вопрос о секретаре по идеологии, кандидатуру Бакаева, не имевшего совершенно никакой поддержки у новой местной верхушки, забаллотировали. К такому повороту событий Анарбек не был готов. В Бишкек он летел с полным убеждением, что вопрос об избрании его секретарем ЦК на всех уровнях согласован и решен.

В подавленном состоянии он позвонил домой жене, сообщил, что его “прокатили”, и он в ближайшие же дни вылетает домой. Однако, хотя члены семьи всегда и во всем поддерживали своего главу, на этот раз они были рады тому, что все так сложилось. За эти годы они привыкли к жизни в Москве, полюбили этот город. К тому же, по чести говоря, их мало вдохновляла перспектива снова паковать довольно внушительный багаж и переезжать в Бишкек.

Но, как давно замечено, мы предполагаем, а Бог располагает. Узнав о результатах работы пленума ЦК, президент республики Аскар Акаев срочно затребовал личное дело Анарбека Бакаева. Впрочем, это было пустой формальностью. Жизненные пути этих двух ученых пересеклись еще задолго до того, как Акаев стал известным в республике человеком.

Трудно сказать, что сыграло здесь главную роль – паразитическое сходство фамилий, то, что оба оказались земляками (оба родились, выросли и окончили школу в Кеминском районе, хотя и в разных селах), или сходство характеров и родство душ. Но еще когда Акаев работал во Фрунзенском политехническом институте, а Анарбек в горкоме партии, они дружили семьями, и их дети вырастали в совместных играх. Позже Акаеву и Бакаеву довелось поработать некоторое, правда, очень короткое, время в ЦК. Тогда первый возглавлял отдел науки и учебных заведений, а второй был первым заместителем заведующего отделом организационно-партийной работы.

А когда Анарбек работал уже в ЦК КПСС, и они с семьей уезжали летом на дачу, московскую квартиру оставляли приезжавшим в отпуск Акаевым.

Словом, на следующий день Анарбек был уже на приеме у главы государства. После взаимных приветствий и подробных расспросов о семье и планах на будущее Акаев неожиданно предложил собеседнику возглавить республиканское Министерство образования.

— Мне, — объяснял свое решение президент, — для проведения демократических реформ очень нужна слаженная и дружная команда единомышленников. Нужны, молодые, прогрессивно мыслящие, прошедшие хорошую школу кадры. Ты, Анарбек, за годы работы в ЦК КПСС смог неплохо изучить, как поставлена и организована система образования в различных республиках. Думаю, нам очень пригодится твой опыт в процессе реформирования школьного и высшего образования в Киргизии.

Все, кому довелось работать и общаться с Акаевым, единодушно отмечали: уж что-что, а убеждать собеседников, когда того требовали обстоятельства, он умел. Так случилось и на этот раз. Но здесь, справедливости ради, следует заметить, что Бакаев сравнительно легко поддался на уговоры, потому что в бытность инструктором ЦК КПСС сам нередко втайне примерял на себя эту ношу. Внутренне, психологически он был подготовлен к этому и даже желал этого, поскольку отчетливо представлял, что бы он мог сделать, окажись в этой должности.

В общем, итогом беседы стал указ президента от 20 апреля 1991 года о назначении Анарбека Курамаевича Бакаева министром народного образования Республики Кыргызстан.

Будучи убежденным и последовательным сторонником всестороннего и глубокого образования, Бакаев имел достаточно ясное представление, в каком направлении должны двигаться реформы в республике в этой сфере. И с первых

же дней пребывания на посту министра начал строить планы не только на ближайшую, но и более отдаленную перспективу. В тот момент он и предположить не мог, что пробудет он в этой должности всего чуть более четырех месяцев.

В преддверии нового учебного года в одном из интервью журналисту республиканской газеты Бакаев отмечал: “Проблема содержания образования была всегда одной из основополагающих в деле обучения и воспитания. Решая ее, неизбежно задумываешься о том, какие компоненты необходимо включить, в какой последовательности их расположить для достижения конечной цели – формирования личности в соответствии с требованиями времени. Наше министерство рассматривает содержание образования как одно из важнейших средств, обеспечивающих создание единой и многообразной школы на принципах демократизации и гуманизации образования. Сегодня в республике с участием педагогов и широкой общественности идет активное и заинтересованное обсуждение новых моделей школы, концепции начального образования, программы поиска, воспитания и обучения одаренных детей. От того, насколько успешно мы будем продвигаться в достижении намеченного, зависит развитие демократических процессов и наше будущее.

Эти обстоятельства заставляют нас в ближайшие годы перейти на новый базисный учебный план. Его центральной идеей является выработка гибкого механизма конструирования учебных планов, органично сочетающих цели общества и государства в области образования, учитывающих культурно-национальные, региональные и местные запросы, образовательные потребности личности”.

По мысли Бакаева, базисный учебный план должен определять минимум основных учебных циклов без жесткого распределения по традиционной схеме учебных предметов, предусматривать предельно допустимую нагрузку школьников по годам обучения и создание условий для дифференци-

ации образовательного процесса и его гуманитаризации.

Другой аспект реформы образования, по мнению министра, заключался в том, что новое содержание образования необходимо строить не только с учетом требований и достижений научно-технического прогресса, но и на основе общечеловеческих ценностей, национально-культурных традиций.

С большим интересом изучал он опыт москвичей, которые первыми на бывшем пространстве Союза начали крутые структурные преобразования в этой системе. Вместо городского комитета образования здесь учредили департамент, а вместо тридцати с лишним руно и роно – десять окружных управлений. Главное же, со сменой вывесок менялись функции, задачи новых структур.

На первом плане у роно был контроль за школами, а главной его фигурой – инспектор, следящий за тем, как выполняет школа то, что предписано ей сверху. Это единая для всех школ программа, единые учебники, единое количество предметов и распределение часов между ними, единые требования к содержанию и планированию уроков, строго разграниченные статьи школьных расходов.

Бюрократическая система отнимала у школы всякую свободу выбора, изначально ввергая ее в жесткие рамки.

Москвичи первыми попытались в корне изменить ситуацию, дать школе самостоятельность, отказаться от рутинных способов управления ею, дотошной опеки и контроля сверху. На место инспектора-контролера пришел профессиональный, высококвалифицированный советник. Да и сами школы стали разными, ориентированы по разным профилям, с углубленным изучением тех или иных предметов.

Бакаев был глубоко убежден, что будущее именно за такой системой образования. При этом его особой заботой и болью с самого начала были и оставались проблемы сельской школы. Сам проучившийся 10 лет в небольшой сельс-

кой школе, он хорошо знал все ее серьезные минусы. В силу многих причин большинство школ в сельской глубинке находились в довольно тяжелом положении.

Если общество ставит перед собой трудную, но чрезвычайно важную задачу социально-экономического обновления села, нам остро необходимы, был убежден министр, различные модели образовательных систем на селе. Жизненно необходимо ликвидировать разрыв между сельской и городской школой, между уровнем образования, получаемого молодежью в городе и на селе.

Серьезно тревожило министра и то, что все областные центры вдруг воспылали желанием иметь у себя университеты. И даже не по одному, а по два-три. Естественно объяснялись эти поползновения исключительно заботой о молодежи.

Бакаев был убежден, что скоропалительно создаваемые университеты из ложно понимаемых престижных соображений, особенно на периферии, обречены влачить жалкое существование. Создаются они, как правило, на пустом месте, в лучшем случае на крайне слабой базе существовавших пединститутов.

У этих поспешно созданных вузов не было ни мало-мальски пригодных для занятий помещений, ни отвечающих требованиям времени профессорско-преподавательских кадров, ни библиотек с требуемым запасом литературы, учебников и учебных пособий. Как показала практика, не оказалось в регионах и подготовленных, конкурентоспособных абитуриентов.

Очень скоро стали сбываться самые худшие опасения министра образования. Скороспело открытые университеты стали во множестве плодить чудовищно невежественных специалистов. Получив университетский диплом, такие выпускники в силу их невостребованности и профессиональной непригодности либо тут же пополняли отряды безработных,

либо были вынуждены идти в продавцы, парикмахеры, массажисты, словом заниматься далеко не тем, к чему себя готовили пять лет в вузе.

Таким образом, Киргизия как бы собственным примером подтвердила справедливость слов Карла Маркса: “Невежество — это демоническая сила, и мы опасаемся, что оно может послужить причиной еще многих трагедий”.

К сожалению, Бакаеву не удалось добиться того, чтобы в Киргизии высшее образование оставалось действительно высшим. Впрочем, что можно было требовать от человека, который пробыл в должности министра образования республики чуть более четырех месяцев?

Но даже такой чрезвычайно короткий срок пребывания Бакаева в этой должности надолго запомнился некоторым работникам высшей школы республики. Ведь этот период совпал со временем вступительных экзаменов в вузы. Нужно ли говорить, что в эти дни взяточничество среди членов экзаменационных комиссий, преподавателей университетов и институтов обретаet беспрецедентных размеров. Расценки за успешную сдачу вступительных экзаменов и зачисление в вуз знают все абитуриенты и их родители. За три-четыре недели вступительных экзаменов из кошельков желающих стать студентами юнцов и их родителей перекочевывали в карманы вузовских преподавателей, деканов, ректоров огромные деньги. Никого в республике не удивляло, что после вступительной кампании в вузах университетские и институтские преподаватели обзаводились новыми иномарками или меняли мебельные гарнитуры в своих квартирах.

Находясь на партийной работе, будь то в горкоме, ЦК Компартии Киргизии или в ЦК КПСС, Бакаев всегда ясно осознавал всю серьезность последствий коррупции для страны и глубинную сущность этого социального зла. Особенно его возмущало и угнетало процветание коррупции в системе высшей школы.

Чтобы хоть как-то снизить порог коррупционности при поступлении в вузы, министр образования буквально накануне сдачи вступительных экзаменов потребовал во всех средних и высших учебных заведениях поменять персоналии в приемных комиссиях. А там, где это возможно, ввести в их состав преподавателей из других учебных заведений.

Это решение вызвало яростное сопротивление преподавателей и негативную реакцию у определенной части родителей, чьи отпрыски поступали в институты. Ведь подобный шаг разрушал коррупционные пирамиды, нарушал все договоренности, достигнутые ранее между поступающими и членами приемных комиссий.

Ректоры большинства вузов обратились с соответствующей петицией в правительство республики, обвиняя министра образования в самоуправстве. Дело дошло до того, что Бакаева пригласил на беседу глава правительства. Объясняя премьер-министру свою позицию, Анарбек Курамаевич с нескрываемой болью и горечью говорил:

— Посмотрите, каких специалистов мы готовим. Человек за взятку поступил в университет или институт. За взятки же сдавал зачеты и экзамены, переползая таким образом с курса на курс. И через пять лет такой вот горе-специалист приходит, ладно, если на производство или в аграрный сектор. А если в больницу или в школу? Не потому ли руководители республики, члены правительства при более-менее серьезных проблемах со здоровьем едут лечиться в кремлевскую больницу, не доверяя отечественным эскулапам? Или чему, скажите на милость, такой учитель может научить детей? Не тут ли корни того, что выпускники наших школ обладают низким уровнем знаний и крайне ограниченным кругозором? Но так же не может и не должно продолжаться бесконечно. Когда-то нужно положить этому конец. Ведь теперь основную массу специалистов мы должны будем готовить у себя дома. Надежда на вузы Москвы, Ленинграда, Киева,

Харькова, Омска, Томска, Новосибирска осталась в прошлом.

— Все, о чем вы, Анарбек Курамаевич, говорите, справедливо. Я с вами полностью согласен, — поддержал собеседника премьер. — Но посмотрите, какой общественный резонанс вызвало ваше решение. Мы не можем не считаться с мнением руководителей вузов и родителей абитуриентов. И потом, согласитесь и вы со мной, сейчас не время лишний раз будоражить людей, вызывать их возмущение. Можете поверить, что ваше новшество мы поддерживаем, но вводить его нужно не так вот сплеча, а постепенно, исподволь приучая к этому и работников высшей школы, и будущих абитуриентов.

То, о чем говорил тогдашний глава правительства, для Бакаева было не ново. За долгие годы работы в партийных органах он повидал немало руководителей, для которых главным были не интересы общества, не само дело, а его видимость. А еще больше — личное спокойствие и благополучие.

В общем, идея нового министра поддержки в республике не нашла, а сам он запомнился многим работникам вузов наивным Дон Кихотом, вступившим в борьбу с ветряными мельницами.

Ну, а коррупция в университетах и институтах республики не прекратилась. Взятки на вступительных экзаменах и в ходе экзаменационных сессий брать не перестали. Более того, кое-где ставки даже повысились.

ГКЧП – НЕУДАВШАЯСЯ ПОПЫТКА ПЕРЕВОРОТА

*Будучи поставлен у власти, не ставь
на должности при себе лукавых людей;
ибо в чем они погрешат, за то обвинят
тебя, как начальника.*

Солон

*Чем менее достойны дурные граждане
получаемых ими почетных должностей,
тем более они становятся небрежными и
исполняются глупости и наглости.*

Демокрит

В понедельник 19 августа 1991 года едва ли не все крупнейшие телевизионные каналы и радиостанции мира сообщили сенсационную новость. Находящийся на отдыхе в своей черноморской резиденции в Форосе Президент СССР Михаил Сергеевич Горбачев “в связи с невозможностью по состоянию здоровья” исполнять свои обязанности был смещен с должности и исполнение обязанностей главы государства перешло к вице-президенту Геннадию Янаеву.

Для управления страной был создан Государственный комитет по чрезвычайному положению (ГКЧП). Кроме Янаева, в него вошли: премьер-министр СССР Валентин Павлов, первый заместитель председателя Совета обороны СССР (возглавлял этот Совет сам Горбачев) Олег Бакланов, министр обороны страны, маршал Советского Союза Дмитрий Язов, председатель КГБ СССР Владимир Крючков, министр внутренних дел СССР Борис Пуго, президент Ассоци-

ации государственных предприятий и объектов промышленности, строительства, транспорта и связи СССР Александр Тизяков, председатель Крестьянского союза страны Василий Стародубцев. Несложно заметить, что в состав пресловутого ГКЧП вошло практически все высшее руководство страны и ее силовых структур.

По сути это была попытка государственного переворота. О том, какой резонанс она вызвала в цивилизованном мире, свидетельствует уже то, что, узнав об этом, президент США Джордж Буш (старший) немедленно прервал отдых в Кеннебанкпорте (штат Мэн) и срочно возвратился в Вашингтон для проведения консультаций с представителями высшего руководства по поводу событий в СССР.

Бакаев находился еще дома, когда узнал о ГКЧП. На вопрос жены, что он думает о происходящем, Анарбек убежденно ответил: “Ничего путного у этих авантюристов из их затеи не получится. Янаев не тот человек, который способен возглавить страну в такой сложный и ответственный момент. Нет таких людей и в его ближайшем окружении. Народ их не поддержит”.

Хотя в Заявлении самозванного советского руководства прямо указывалось, что решения ГКЧП обязательны для неукоснительного исполнения всеми органами власти и управления, должностными лицами и гражданами на всей территории Союза ССР, в первые моменты страна пребывала в растерянности. Руководители союзных республик и отдаленных от центра российских регионов не знали, как им быть, что делать, кого слушать и кому подчиняться.

Едва узнав о случившемся, руководитель администрации Президента Эднан Карабаев незамедлительно позвонил Акаеву на дом. После привычных утренних приветствий на вопрос главы государства:

— Что произошло? Чем вызван ранний звонок?

Карабаев ответил: “Приезжайте скорее, случилось ЧП!”

Едва разговор закончился, как руководителя президентской администрации обожгла мысль, что Акаева могут попросту перехватить по дороге оппозиционно настроенные к нему руководители ЦК компартии республики. Карабаев срочно выехал навстречу Президенту.

Партийная верхушка узнала о выступлении ГКЧП гораздо раньше главы государства и уже получила нужные санкции и заверения заговорщиков из центра о том, что армия и силовые структуры на их стороне. А потому они были заранее уверены в положительном для членов ГКЧП исходе затеянной авантюры. Эта уверенность была столь высока, что вечером того же дня члены бюро ЦК и некоторые высокопоставленные чиновники из правительства устроили небольшой банкет.

Узнав от Карабаева о демарше “гекачепистов”, Аскар Акаев в тот же день выступил с Обращением к народу Кыргызстана. Президент республики отмечал, что обращается к своему народу со словами, проникнутыми тревогой, беспокойством и вместе с тем – надеждой на торжество разума и демократии. И заявил, что, как и прежде, он будет проводить курс на укрепление гражданского мира и национального согласия, на повышение уровня жизни населения, на разгосударствление и приватизацию государственных предприятий, на поддержку активного и инициативного предпринимательства, на социальную защиту пенсионеров, молодежи многодетных семей.

Далее он заверял, что сделает все для защиты государственного суверенитета республики, для обеспечения общественного порядка и законности и призывал кыргызстанцев сохранять в это трудное время спокойствие, разум и мудрость, единство и сплоченность, уважение к Конституциям и законам СССР и республики.

Обтекаемое, нейтральное обращение, которое однозначно не поддерживает действия ГКЧП, но и ни в малейшей

степени не осуждает их. Но даже и такое заявление требовало определенного мужества, поскольку члены ГКЧП и представители КГБ СССР требовали однозначных заявлений о прямой поддержке их акции.

В этот же день, 19 августа в девять часов утра Акаев срочно созывает у себя экстренное совещание с участием вице-президента Германа Кузнецова, председателя Верховного Совета республики Медеткана Шеримкулова, руководителя администрации Президента Эднана Карабаева, председателя КГБ республики генерал-лейтенанта Джумабека Асанкулова и министра внутренних дел генерал-майора Феликса Кулова. Обсуждается вопрос: как быть, какую позицию занять, поддержать ГКЧП или осудить его действия как антиконституционные и противозаконные?

Акаев занял выжидательную позицию, справедливо рассудив, что, прежде чем принимать окончательное решение, не лишне выслушать мнения всех присутствующих. Пользуясь этим, генерал-лейтенант Асанкулов, считавшийся сторонником и надежной опорой Президента, перешел на сторону оппозиции и ринулся в решительное наступление, заявив: “По данным наших служб, народ повсеместно поддерживает ГКЧП. Особенно рабочие промышленных предприятий, военные, сотрудники правоохранительных органов. Считаю необходимым поддержать ГКЧП”.

Однако эту точку зрения разделяли не все. В частности, твердое несогласие с такой позицией высказал обычно сдержанный и осторожный в подобных вопросах спикер парламента Шеримкулов.

Разговор пошел на повышенных тонах. Усмиряя разгорячившихся оппонентов, Акаев дал понять, что не разделяет симпатий отдельных лиц к членам ГКЧП.

Пока собравшиеся у главы государства обсуждали сложившуюся в стране обстановку и определяли свое отношение к ней, в это самое время ЦК компартии Киргизии прини-

мает постановление о полной и безоговорочной поддержке ГКЧП. Следом за ним аналогичные решения выносят областные, городские и районные комитеты партии. На сторону путчистов встали руководители КГБ, воинских подразделений, прокуратуры республики. Положение становилось угрожающим.

После провала путча кое-кто назвал нерешительным поведение Акаева в первый критический день. Однако Президент, не заявляя определенно и однозначно о своем отношении к ГКЧП, медля и выжидая в создавшейся патовой ситуации, имел свой расчет. 19 августа, когда все было еще так неопределенно и неясно, у достаточно мощной на тот момент партийно-государственной оппозиции появился реальный шанс взять у Горбачева реванш. Спешить с открытыми заявлениями, значило сильно рисковать слабыми ростками демократии. А потому без громких заявлений и призывов глава государства исподволь делал свое дело.

Прежде всего, Президент страны 20 августа своим указом отстраняет Асанкулова от должности председателя КГБ и поручает временно исполнять обязанности главного чекиста страны вице-президенту Г. Кузнецову. Главное же, он укрепляет свой союз с Демократическим движением Кыргызстана, ставшим на тот период его самой надежной опорой.

Собравшиеся под знамена этого движения люди понимали, что именно с Акаевым связаны в Кыргызстане демократические преобразования и свободы. Уход этого человека будет означать поражение в республике этих свобод и демократии.

Сторонники Президента сформировали бригады, готовые в критические моменты блокировать автомагистрали, чтобы в город не прошла военная техника. Были предусмотрены действия по выводу из строя взлетно-посадочных полос на гражданском и двух военных аэродромах.

В эти драматичные и крайне напряженные дни Анарбек

Бакаев не мог и предполагать, что в недрах этих событий вызревают важные перемены в его личной жизни, что пройдет каких-то полмесяца и линия его судьбы совершит крутой поворот.

Уже к исходу дня 21 августа всем стало совершенно ясно, что пугч провалился, затея горстки участников антигорбачевского заговора совершить государственный переворот не удалась.

Вечером того же дня при попытке бежать из Москвы организаторы авантюрного заговора были арестованы. И в этот же день поздно ночью М. Горбачев, находившийся все дни пугча практически под домашним арестом в своей черноморской резиденции Форосе в полной изоляции от внешнего мира, прилетел в Москву.

22 августа глава государства сделал заявление для телевидения и радиовещания страны. Он подчеркнул, что полностью владеет ситуацией, связь со страной, прерванная в результате авантюрных действий группы государственных лиц, восстановлена. В ближайшие сутки он приступит к полному исполнению своих обязанностей Президента.

На следующий день в газете “Известия” была опубликована статья, в которой отмечалось: “Отказавшись от бывшей шестой статьи Конституции, КПСС отказалась от присвоенного некогда “права” быть правящей независимо от волеизъявления народа. Однако оставалась правящей по итогам выборов: как партия большинства в Верховном Совете СССР и как партия, к которой принадлежит Президент СССР. 19 августа, в день пугча, эта партия завершила свой исторический путь. Когда Янаев сообщил, что хунта ГКЧП создана без консультации с Политбюро, стало ясно, что это уже не правящая партия. Когда Политбюро двое суток молчало по поводу захвата своего Генерального секретаря, избранного съездом, ясно стало, что это вообще больше не партия. Так оно обстоит де-факто. Какой вывод будет сделан де-юре,

надеемся, скоро узнаем”.

24 августа в Бишкеке состоялся внеочередной пленум ЦК компартии Киргизии. Его участники осудили коллаборационистскую по сути деятельность бюро ЦК в дни государственного переворота, когда под угрозу существования были поставлены демократические завоевания, политические реформы, конституционные гарантии независимости республики.

Бывшие секретари ЦК, Дж. Аманбаев, А. Сулайманкулов, Т. Айтбаев, В. Артемов и А. Жунусов, которые менее пяти месяцев назад по существу выразили Бакаеву недоверие и отказались выдвинуть его кандидатуру на должность секретаря ЦК Компартии Киргизии по идеологии, были отправлены в отставку и выведены из состава ЦК.

Заменять их новыми фигурами на сей раз не пришлось.

Вскоре ЦК КПСС принял трудное, но честное решение о самороспуске.

Невольно думаешь, что само провидение пришло на помощь Анарбеку, когда предохранило его от присоединения к компании, члены которой не обладали политическим чутьем и даром предвидения и противопоставили себя, свои принципы, интересам республики и общества.

Трудно сказать, как бы повел себя Бакаев, “улыбнись” ему удача весной и стань он тогда секретарем ЦК. Пошел бы на поводу у большинства, поддался общему устремлению или предостерег бы товарищей по секретариату и бюро ЦК от опрометчивого и поспешного шага? Впрочем, прошлое не знает сослагательного наклонения. А потому надо исходить из реалий и фактов. Что произошло, то произошло.

ТРУДНОЕ ПРОЩАНИЕ С СССР

*Есть одна загадочная тема,
к нашим относящаяся душам:
чем безумней дряхлая система,
тем опасней враз ее разрушить.*
Игорь Губерман

Хотя демарш “гекачепистов” завершился полным их крахом, попытка переворота все же ускорила распад Союза. Правда, более чем за год до этого первыми о своем выходе из СССР заявили Латвия и Литва. Позже их примеру последовала Эстония.

Однако пугч, даже точнее, сама возможность его организации в самом штабе руководства страны окончательно убедила союзные республики в том, что сверхцентрализация власти пагубна и опасна для их существования. И они срочно стали искать способы и меры самозащиты.

На исходе августа в Бишкеке состоялась внеочередная сессия Верховного Совета Кыргызстана. На ней была принята Декларация о независимости республики. Одновременно сессия приняла закон о всенародных выборах Президента Кыргызстана, которые намечено провести 12 октября. Кандидатом на пост номер один был назван Аскар Акаев. Депутаты дружно проголосовали также за решение о прекращении деятельности КПСС на территории республики и передаче имущества партии в собственность государства. Таким образом, компартия была лишена права участвовать в предстоящих президентских выборах.

8 декабря 1991 года лидеры трех республик: России —

Борис Ельцин, Украины – Леонид Кравчук и Белоруссии – Станислав Шушкевич, собравшись на совет трех в Беловежской пуще, заявили о прекращении существования СССР и подписали Соглашение о создании Содружества Независимых Государств (СНГ). Вот так, чуть-чуть не дожив до своего 69-летия, распалась великая держава - Советский Союз.

Как трезвомыслящий политик партийный и государственный деятель Бакаев, конечно же, понимал неизбежность крушения великой державы. Видел и осознавал он, что руководители всех республик категорически против того, чтобы реанимировать Советский Союз в его прежнем виде.

Но просто как человек и гражданин Анарбек Курамаевич остро сожалел и глубоко переживал от сознания того, что на планете перестало существовать такое государство, как СССР. Исчезла великая страна, в которой он прожил 41 год, которой привык по праву гордиться, и во многих уголках и республиках которой имел немало добрых и отзывчивых друзей.

Бакаев не мог смириться с мыслью, что его однокурсники, товарищи по университету и по студенческому строительному отряду, коллеги по ЦК КПСС и по компартиям бывших союзных республик вдруг стали для него иностранными гражданами, впрочем, как и он для них.

Не соглашался он с теми, кто, ссылаясь на ход истории, говорил о неизбежности распада империи. Сохраняя со школьных лет постоянный интерес к истории, Бакаев давно сделал для себя вывод, что развал любой империи – явление далеко не всегда однозначно положительное. В разговорах с Айгуль он нередко сетовал на то, что большинство союзных республик, их экономики, а главное, население совершенно не подготовлены к существованию в условиях нежданно-негаданно свалившейся на них независимости, что в этих скороспелых возникших суверенных государствах найдется немало доморощенных «активистов», обуруваемых страстью

поуправлять собственными народами.

Развал Советского Союза, приход к власти подобных “активистов”, был убежден Анарбек, принесет много бед и несчастий бывшим советским гражданам.

Время показало, что он оказался провидцем. Впрочем, эти предсказания базировались вовсе не на интуиции, а на хорошем знании истории и страны, в которой он жил и которую любил, несмотря на все ее несовершенства.

Горький осадок на душе оставался и от сознания того, что 17 марта 1991 года в большинстве союзных республик был проведен всенародный референдум. На голосование был вынесен единственный вопрос: “Считаете ли вы необходимым сохранение Союза Советских Социалистических Республик как обновленной федерации равноправных суверенных республик, в которой будут в полной мере гарантироваться права и свободы человека любой национальности?”

В референдуме приняли участие без малого 149 миллионов граждан. А это человек. Из них около 114 миллионов, или 76,4 процента участников референдума, проголосовали за сохранение СССР. Проголосовали за это и Анарбек с Айгуль, да и все их родные и близкие, имевшие право голоса.

Слабым утешением служило создание нового объединения независимых республик. Догадывался Бакаев, что президенты трех славянских республик, развалив Союз, были вынуждены тут же предложить суррогатную замену.

В своих переживаниях и сомнениях Бакаев был не одинок. Это внешне распад великой державы произошел безболезненно и просто. Без каких-либо конфликтов, катаклизмов и кровопролития. В действительности же развал СССР обернулся серьезной трагедией для миллионов и миллионов вчерашних советских граждан.

Являясь аграрно-промышленной республикой, Киргизия поставляла партнерам разнообразные электротехничес-

кие и физические приборы, пресс-подборщики и другие сельскохозяйственные машины, металлорежущие станки, цветные металлы, автомобильные радиаторы и инструменты, электродвигатели, погружные насосы, электроизоляционные материалы, электрический кабель, штепсельные разъемы, шерстяные, шелковые и хлопчато-бумажные ткани, швейные и трикотажные изделия, автомобильное и оконное стекло, уголь, хлопковое волокно, шерсть, табак, мясо.

В свою очередь из разных концов Союза в Киргизстан ввозилась продукция предприятий черной и цветной металлургии, радиоэлектронной, электротехнической, автомобильной, тракторной, станкостроительной, нефтяной, химической, полиграфической, лесной и других отраслей промышленности.

Спустя несколько лет после гибели СССР Аскар Акаев в интервью корреспонденту “Независимой газеты” говорил: “Я видел, что распад Советского Союза будет очень тяжелым для Кыргызстана. Очень тяжелым. Потому что Кыргызстан получал только прямых ежегодных субсидий все годы, по крайней мере в 70-80-е, на уровне 10 процентов валового внутреннего продукта. 10 процентов! Причем самые большие субсидии получил уже я, став Президентом республики, у Горбачева – 13 процентов на 1991 год. Но это только прямые субсидии по Кыргызстану. Я в то время подсчитал – у меня даже записи сохранились, — что общий объем таких субсидий Кыргызстану достигал 30 процентов, если учитывать скрытое субсидирование через энергоносители и другое сырье, через союзные главки и ведомства. Как гражданин, как депутат я прекрасно понимал, что Кыргызстан как самостоятельное государство, конечно, будет иметь очень трудную стартовую позицию”.

С распадом СССР Кыргызстан не только утратил эти ежегодные субвенции, но и, что значительно хуже по своим последствиям, все наработанные многими десятилетиями

экономические и хозяйственные связи, были в одночасье нарушены. Это привело к тому, что многие промышленные предприятия оказались парализованными, поскольку прекратились поставки комплектующих, материалов, металла.

Особенно остро переживал Бакаев то, что в числе наиболее пострадавших от развала великой страны оказались люди старших поколений, пенсионеры и старики, на чьи плечи выпала самая трудная доля по зарождению промышленности и сельского хозяйства страны, самая жестокая и разрушительная в истории человечества Великая Отечественная война, тяжелейшие годы послевоенного восстановления порушенного хозяйства.

Наверное миллионы и миллионы бывших советских граждан были готовы подписаться под словами, которые скажет спустя немало лет после этого драматического события Владимир Путин, будучи президентом России: “Кто не сожалеет о развале СССР, у того нет сердца”.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КГБ

*Совесть, благородство и достоинство –
вот оно, святое наше воинство.*

*Протяни ему свою ладонь,
за него не страшно и в огонь.*

Лик его высок и удивителен.

Посвяти ему свой краткий век.

*Может, и не станешь победителем,
но зато умрешь как человек.*

Булат Окуджава

В начале сентября Бакаева пригласил к себе глава государства. Министр образования ничуть не удивился этому приглашению. Только что начался новый учебный год, первый год, встречаемый Бакаевым в таком качестве. За неполные четыре месяца пребывания в должности министра он успел в какой-то мере вникнуть во множество стоящих перед образовательной системой проблем и готов был поделиться своей тревогой, мыслями и планами на этот счет с Президентом.

В разговоре Аскар Акаев первым делом вновь вернулся к недавним драматическим событиям 19-22 августа, когда конституционные и демократические завоевания народа оказались под прямой угрозой реакции.

Министр образования приготовился к тому, что сейчас Президент поведет речь о том, что после этих событий школа уже не имеет права учить детей общественным дисциплинам так, как она делала это еще год назад, что школьным учителям и вузовским преподавателям необходимо творчески подходить к переосмыслению учебников истории и обществоведения.

Однако, к большому удивлению Анарбека Курамаевича, ничего подобного не произошло. Ни словом и ни намеком Президент не затронул проблемы образования. Но неожиданно для собеседника он с горечью и глубоким сожалением стал говорить о непредсказуемом поведении в те тревожные дни бывшего председателя КГБ республики.

— Мы очень рассчитывали на Джумабека Асанкуловича, — делился своими мыслями Акаев. — Он был весьма опытный, знающий дело и авторитетный специалист. Я всегда считал его патриотом республики. К сожалению, обнаружилось, что я серьезно заблуждался на этот счет.

Слушая президента, Бакаев терялся в догадках: “Куда же это клонит Аскар Акаевич? Ну, хорошо, обманул его надежды и ожидания генерал Асанкулов, но я-то здесь при чем?”

И тут словно холодным душем окатило Анарбека Курамаевича, когда глава государства предложил ему занять пост председателя Комитета государственной безопасности республики. Первая мысль была: “Какой из меня военный, да к тому же чекист? Ведь я совершенно не знаком со спецификой этой весьма сложной и ответственной работы”. Уж чего-чего, а трезвости в самооценке и самоиронии Бакаеву было не занимать. И потом, он ведь знал, каково отношение большинства граждан к этому ведомству.

Все это он напрямую высказал президенту, делая все же основной упор на то, что он не знаком со спецификой предлагаемой работы. Но Акаев возразил: он тоже никогда не думал, что будет управлять государством. И вовсе не готовил себя к подобной деятельности. “Мне сейчас очень нужны порядочные, преданные делу и стране добросовестные люди, подлинные соратники, на которых я мог бы положиться, убеждал он Анарбека. Особенно на таком важном и ответственном участке, каким является государственная безопасность. Нам предстоит серьезно поработать, чтобы изменить, гуманизировать вчерашний КГБ. На этом посту се-

годня нужен человек, который способен организовать работу комитета как бы с чистого листа, строго в рамках закона и в интересах народа Кыргызстана, в тесном контакте и взаимопонимании с законно избранной властью. Уверен, ты с этой задачей справишься. Ну, а мы, в свою очередь, тебя будем поддерживать, оказывать всяческую помощь”.

Глядя прямо в пытливые глаза собеседника, Бакаев сказал: — Вы, Аскар Акевич, меня почти убедили. Но мне нужно подумать.

Вечером Анарбек рассказал жене о встрече с президентом и о состоявшемся разговоре с ним. Айгуль, научившаяся за долгие годы общения и совместной жизни понимать настроение мужа даже без слов, уже по одному его взгляду, сказала:

— Ты же, Анарбек, в душе согласен принять предложение и готов на перемены в нашей жизни. Конечно, я понимаю, что с новым твоим назначением нам придется в чем-то пересмотреть нашу жизнь, отказаться от каких-то привычек. Но, как и всегда, я буду тебя во всем поддерживать. В этом можешь не сомневаться.

— А я и не сомневаюсь, — как бы подвел черту под разговором муж.

6 сентября 1991 года указом Президента страны Анарбек Курамаевич Бакаев был назначен председателем Комитета государственной безопасности республики, а на следующий день – членом Госсовета при Президенте. Такого председателя это ведомство прежде никогда не знало.

ПРОШУ СЛОВА

Арон Брудный, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки Кыргызстана.

Признаться, я несколько не удивился, когда со временем Анарбек выдвинулся в первые ряды тех,

от кого зависело решение вопросов, важных для самого существования суверенного Кыргызстана. Но и, повторюсь, достигнув больших высот в служебной карьере, он оставался самим собой – скромным, выдержанным, ироничным, немногословным.

Иногда он приходил ко мне посоветоваться, услышать мое мнение по тому или иному вопросу. Но я всегда чувствовал, что у него есть своя собственная точка зрения по данной проблеме, а ко мне он пришел, чтобы сверить свою позицию с моей. Лишний раз удостовериться в том, что в своих рассуждениях и выработке решения он на правильном пути.

Как мне кажется, повлиять на его взгляды, сдвинуть с устоявшихся убеждений не мог никто. Конечно, скоропалительных, поспешных выводов он не делал никогда и необдуманных решений не принимал. Но если он что-то решил, то это уже твердо. Это был редкой цельности и последовательности человек. Во всем. И в работе, и в отношениях к родным, близким, друзьям, и в проявлениях чувств к жене и детям, и в своих воззрениях на жизнь, на происходящие вокруг нас метаморфозы.

Несмотря на достаточно солидную разницу в возрасте между мной и Анарбеком, я могу смело признаться, что кое-чему учился у него, зачастую прибегал к его советам и помощи.

Вступая на совершенно новую для себя стезю, Бакаев отчетливо сознавал, какую нелегкую ношу он берет на свои плечи. Ситуация как внутри страны, так и вокруг нее сложилась чрезвычайно сложная. Чтобы в этих условиях утвердить демократию, гласность, требовались серьезные усилия всех силовых ведомств в деле соблюдения законности, прав лич-

ности и вместе с тем сохранения правопорядка.

Безусловно, он испытывал определенное чувство сомнения и тревоги. Однако его поддерживало, вселяло надежду и уверенность в конечном успехе то, что, с одной стороны, он чист в глазах соотечественников, поскольку ничем не запятнал свое имя, и негативный имидж возглавляемого им ведомства лично к нему не имеет никакого отношения. А с другой стороны, именно ему, а не кому-то другому поручено разгрести авгиевы конюшни выпавшего на его долю тяжелого наследства.

Он был убежден, что необходимо ломать сложившуюся за многие десятилетия систему. Необходимо решительно отказываться от того, что органы КГБ были поставлены на обслуживание прежде всего правящей партии, а точнее – ее руководящей верхушки. Органы госбезопасности отражали волю партийного лидера, его умонастроения и прихоти. Продолжать следовать этой практике, считал Бакаев, было бы непростительной ошибкой.

ПРОШУ СЛОВА

Амангельды Муралиев, *экс-премьер-министр Кыргызской Республики*

Анарбек Курамаевич Бакаев возглавил Комитет государственной безопасности в очень сложное и ответственное время. Прошло лишь шесть дней, как республика заявила о своей независимости. В этот период все члены правительства во главе с президентом страны напряженно работали над программами перестройки экономики в совершенно новых, непривычных и не знакомых для всех нас условиях. Положение усугублялось тем, что у суверенной республики еще не было собственных законов, а старые, принятые еще при Союзе, уже не имели ни силы, ни смысла.

Не следует забывать и о том, что после провалившегося демарша ГКЧП и без того крайне невысокий авторитет органов госбезопасности упал в глазах широкой общественности даже не до нулевой, а до отрицательной отметки.

В это трудное время, приняв предложение президента страны стать председателем КГБ, Бакаев показал себя мудрым руководителем и дальновидным политиком. На совершенно новом и незнакомом для себя поприще он проявил очень большую гибкость и тактичность в проведении радикальных перестроечных процессов в таком специфическом и консервативном на тот момент ведомстве.

Огромной заслугой и достижением его стало то, что большинство сотрудников спецслужб, среди которых было немало опытных, прослуживших не одно десятилетие чекистов, довольно быстро приняли его в свои ряды, признав за этим сугубо штатским человеком право возглавлять Комитет госбезопасности. Ему удалось, сохраняя преемственность поколений сотрудников спецслужб, обновить их ряды притоком молодых образованных специалистов.

Реорганизацию назначения и функций КГБ он начал с упорядочения штатного расписания. Сотрудников, достигших предельных сроков службы, оформляли на пенсию, на их место приходили люди молодого и среднего возраста, показавшие себя людьми новой формации.

Остро запомнилось мне заседание правительства, на котором обсуждались факты коррупции, злоупотреблений некоторыми руководителями служебным положением, и особенно о нецелевом использовании иностранных кредитов.

Кое-кто из присутствовавших членов прави-

тельства по установившейся привычке хотел превратить заседание в пустую формальность. Мол, поговорили, по-товарищески пожурили провинившихся, поставили наиболее злостным нарушителям на вид, или в худшем случае объявили выговор, и на том успокоились до следующего заседания на подобную тему.

Однако Бакаев, к удивлению многих, проявил неожиданную жесткость и принципиальность. По всему было видно, что шел он на это заседание не просто отбывать время, а хорошо подготовленным. Я был приятно удивлен тем, что этот кандидат филологических наук неплохо разбирался в экономике.

В частности, он обращал внимание присутствовавших на то, что в республике появились первые признаки рыночных отношений, людям дали некоторую свободу предпринимательской деятельности, ослабили государственный контроль. И сразу же возникли неприятные сопутствующие вещи. Главное же, у нечестных и не обремененных моральными устоями личностей появилась возможность быстро обогащаться, не затрачивая при этом соответствующего личного труда. Появился большой отряд перекупщиков, которые, покупая в магазинах или у крестьян продукцию по одной цене, тут же перепродают ее значительно дороже.

Однако основное внимание в своем выступлении он уделил коррупции. Коррупция, говорил Бакаев, стала в республике проблемой национальной безопасности. От ее решения зависит не только будущее Киргизии, но и сам факт существования ее как независимого государства.

Выступая, он оперировал конкретными цифрами и неопровержимыми фактами. А потому все его

сентенции и выводы обретали вес и силу, выглядели вескими и убедительными. Это сегодня разговоры об этом явлении навязли у всех в зубах, а тогда выступление председателя КГБ было для многих непривычным.

Как человек, относящийся к любому поручаемому ему делу с высокой мерой ответственности, он за сравнительно короткое время успел вникнуть в существо стоящих перед возглавляемым им ведомством проблем, а потому, завершая свое выступление, предложил ряд конкретных антикоррупционных мер.

Во-первых, по его мнению, следовало создать и укрепить “антикоррупционные вертикали” исполнительной власти сверху донизу.

Базовыми принципами такой вертикали должны стать, прежде всего, реальность и прозрачность бюджета, совершенствование налогового законодательства и нормативно-правовых актов в области борьбы с экономическими преступлениями, а также разграничение и четкое определение полномочий органов всех ветвей власти в противодействии этому общественному злу.

Во-вторых, считал Бакаев, необходимо разработать грамотные, а главное, выполнимые антикоррупционные законы, не оставляющие лазеек для проникновения коррупции во властные структуры.

В-третьих, Анарбек Курамаевич обратил внимание на необходимость реализации двух групп мер. С одной стороны по недопущению криминала в политику и сферу управления, противодействию его сращивания с органами исполнительной власти, а с другой — по решительному избавлению правоохранительной и судебной системы от недобросовест-

ных, запятнавших себя неблагоприятными делами работников.

К сожалению, практически все положения его давнишнего выступления не только не потеряли своей актуальности и по настоящее время, а обрели еще большую злободневность.

Помню и другие его принципиальные выступления и высказывания. Порой острые, нелицеприятные в отношении некоторых министров и руководителей ведомств. Но они всегда были справедливыми, проникнутыми, прежде всего, заботами об интересах дела, были наполнены смыслом того, что именно члены правительства должны быть примером порядочности, честности, работать на государство, а не на удовлетворение личных амбиций и интересов.

Если бы меня попросили выделить две главные отличительные черты в характере Анарбека Курамаевича, я бы назвал природную скромность и строгую принципиальность.

В этот период коренным образом стала меняться деятельность спецслужб России. Ведь став правопреемницей Союза, Россия оставалась как бы ядром, объединяющим новые суверенные государства. По-прежнему на Россию равнялись большинство вчерашних союзных республик, с ней связывали свое будущее.

Ни для кого не было секретом, что за несколько десятилетий на Западе сформировался довольно страшноватый образ советской контрразведки, в которой всегда работали квалифицированные специалисты, с честью выполнявшие профессиональный долг.

Однако с распадом СССР государство и общество стали другими. Люди стали более раскрепощенными, менее подозрительными, перестали видеть в каждом иностранце шпи-

она и потенциального врага. В системе КГБ исчезли организационные рудименты, занимавшиеся борьбой с инакомыслием, подготовкой и распространением дезинформации, порочащей неугодных власти политиков, деятелей науки и культуры.

Плюс ко всему, изменилась географическая и политическая карта мира. Расширились экономические и политические контакты. Наметилось сближение и объединение усилий в области научных исследований, начался поиск общих взглядов по военно-стратегическим проблемам. Возникли новые формы и методы спецслужб, как с той, так и с другой стороны. Впервые за многие десятилетия этим службам пришлось во многих сферах выйти из тени.

В определенной мере упрощало и облегчало деятельность “шпионских” ведомств и то, что начало развиваться партнерство российских спецслужб с разведывательными и контрразведывательными службами других государств с целью защиты мирового сообщества от контрабанды компонентов и технологий оружия массового поражения, наркобизнеса, международного экстремизма и терроризма.

Впрочем, ко всем этим слухам, как и к скептицизму кадровых чекистов, сам Бакаев относился с философским пониманием и олимпийским спокойствием. Во-первых, в цивилизованном мире сплошь и рядом подобные ведомства и даже министерства обороны возглавляют штатские лица. А во-вторых, рассуждал он, если я буду каждое свое распоряжение или приказ, каждый свой поступок сверять с духом и буквой Конституции и законами страны, если во всем стану руководствоваться здравым смыслом и интересами дела, люди меня поймут. А это послужит лучшим фундаментом для установления здорового, делового климата в коллективе и взаимопонимания с подчиненными.

К тому же, считал он, у него есть и неоспоримые преимущества. С одной стороны, его сознание и мышление не

зашорены, свободны от стереотипов и устоявшихся схем, которые довлеют над профессионалами. А с другой, — безусловно, среди старых сотрудников немало честных и грамотных специалистов, которым надоела рутинная и бюрократизм, ввевшиеся во все поры системы. Они наверняка поддержат своего руководителя, если он начнет преобразования, которые продиктованы временем и реалиями меняющейся жизни, отвечают запросам дня.

Во время первой встречи с коллективом, когда руководитель администрации президента Эднан Карабаев представлял вновь назначенного председателя, обращаясь к присутствующим Анарбек Курамаевич, подчеркивал:

— Давайте исходить из того, что все мы — люди из одного мира, из одного общества, из одной и той же советской системы. И я менее всего склонен освобождаться от старых работников и набирать новых. Не хочу и не могу брать на себя ответственность быть для кого-то судьей или обвинителем. Но я думаю, все люди, каждый из нас, со временем меняются. Сегодня, когда общество встало на путь демократизации, жизнь требует от нас пересмотра прежних позиций, правил привычек. Сегодня нам меньше всего нужны любые проявления “охоты на ведьм”. Жизнь неоднократно и весьма убедительно демонстрировала, к каким трагичным последствиям это приводит. Главное, о чем я убедительно прошу всех и каждого, в любом деле видеть конкретного живого человека, думать, что от нашего решения зависит судьба его самого и его близких. Мы должны всегда и во всем исходить из принципа верховенства законов и прав человека. Давайте не будем забывать, что всеобщего единообразия и единомыслия не существует в природе вообще.

Понимаю, что на первых порах между нами неизбежны определенные разногласия, взаимонепонимание, а то и недовольство друг другом. Это вполне естественно. Тому, у кого станут возникать вопросы к избранной стратегической линии

деятельности комитета, мы будем разъяснять наши позиции. Но не теоретически, не наработанными десятилетиями методами, а силой неопровержимых фактов и строгих аргументов. Чтобы в результате человек сам пришел к осознанию первопричин сложившихся трудностей и реальных путей их разрешения.

Конечно же, потребуется определенное время, чтобы вникнуть в специфику и особенности возложенных на меня обязанностей. Но кое-какие первоочередные меры хочу назвать уже сейчас. Прежде всего, комитет госбезопасности полностью освобождается от функций политического сыска. Основными направлениями его деятельности становятся разведка и контрразведка, а также действительная и действенная защита прав, свобод и безопасности кыргызстанцев.

Хочу сразу сказать, что я сторонник беспартийности работников КГБ. Сотрудники спецслужб не должны состоять в рядах какой-либо партии и заниматься политической деятельностью, пока они служат в органах госбезопасности. Хотя прекрасно понимаю, что вне политики нет в мире ни одной спецслужбы. Но в демократических странах они проводят политику государственных органов, выбранных волеизъявлением народа. В нашей президентской республике это прежде всего Президент, по поручению которого наши органы должны заниматься реализацией политики государства, а не какой-то политической партии.

Давайте следовать принципам здравого смысла. Под этими принципами я имею в виду прежде всего то, что не позволительно идеологию или какие-то мировоззрения и убеждения, которых придерживается та или иная партия, то или иное политическое движение, ставить впереди и выше общечеловеческих или общенародных интересов.

Практика убедительно показала, что нельзя слепо следовать теориям, догмам, учениям, пусть они кажутся нам гениальными и для своего времени правильными. Мир стре-

нительно меняется и движется вперед, а мы со своими теориями и догмами оказались, если быть объективными, на обочине мировой цивилизации.

Время требует от всех нас большей ответственности. Нужно больше заниматься конкретными делами, каждому на своем месте, и больше доверять друг другу, не усматривая в тех или иных действиях нового руководства каких-либо козней, а друг в друге новоявленных недоброжелателей. К этому я вас всех искренне призываю.

ПРОШУ СЛОВА

Мирослав Ниязов, экс-секретарь Совета безопасности КР, генерал-майор в отставке:

— С Анарбеком Курамаевичем Бакаевым я познакомился в сентябре 1991 года на приеме у Президента страны Аскара Акаева. Бакаева утверждали на должность председателя КГБ, а меня – его заместителем, курирующем Джалал-Абадскую область.

Раньше руководители республиканского Комитета госбезопасности утверждались в Москве, в секретариате ЦК КПСС и союзном КГБ. То есть были ставленниками Центра, и в силу этого чувствовали себя независимыми от руководства республики.

Однако с обретением республикой независимости формирование руководящего звена органов национальной безопасности стало прерогативой правительства Кыргызстана.

Хотя Бакаев пришел в КГБ из Министерства образования, но при нашем знакомстве он удивил меня своей армейской выправкой. И позже, когда ему присвоили звание генерал-майора, и Анарбек Курамаевич впервые надел военную форму, оказалось, что она ему очень даже к лицу. Он всегда смотрелся в

ней подтянуто и элегантно. Я бы даже сказал, несколько щеголевато.

При более тесном нашем общении я, как и все мои коллеги, обратил внимание на то, что на фоне других руководителей министерств и ведомств республики Бакаев выделялся естественной простотой, доступностью и не показной демократичностью. Для нас, кадровых чекистов, это было большой неожиданностью. Видеть таких руководителей в нашем ведомстве мы не привыкли.

Понадобилось не слишком много времени, чтобы подавляющее большинство наших сотрудников пришли к выводу, что решение главы государства о назначении Бакаева руководителем Комитета госбезопасности было безошибочным.

К тому времени со всей остротой встал вопрос о кардинальном изменении одиозно зарекомендовавшего себя в глазах народа ведомства. И хотя государство, заявившее во всеуслышание о стремлении построить цивилизованное, демократическое общество, не могло обойтись без спецслужб, но в них должно было прийти новое поколение кадров. Требовались молодые, профессионально грамотные, компетентные, коммуникабельные, интеллигентные, высокообразованные и преданные стране люди. Всем этим требованиям в полной мере отвечал новый председатель Комитета.

Конечно, деятельность спецслужб глубоко специфична. Далекое не каждому человеку дано понять и осознать ее глубинную суть, и уж тем более возглавить эту службу. Бакаеву же потребовался крайне ограниченный срок, чтобы детально разобраться в тонкостях нового для него дела, вникнуть в проблемы

разведки и контрразведки. Конечно же, это потребовало от него огромного труда и больших усилий, чтобы за короткое время стать высоким профессионалом, способным на равных разговаривать со своими подчиненными, принимать правильные решения и отдавать толковые распоряжения.

Не секрет, что в бытность Советского Союза КГБ был элитной организацией, на которую не жалели ни финансовых, ни материальных средств. Чекисты были одними из наиболее высокооплачиваемых работников, содержащихся за счет госбюджета. Однако с обретением независимости Кыргызстан лишился возможности материально поддерживать спецслужбы на прежнем уровне. Резко снизились должностные оклады. Из ведомства стали уходить квалифицированные и опытные сотрудники. Это вызвало дополнительные и, скажем прямо, серьезные трудности. Но и в этих сложных условиях Бакаев не терял присутствия духа, работал спокойно и уверенно.

Замечено, что не ошибается только тот, кто ничего не делает. Замечено также, что чем шире круг обязанностей и выше ответственность, тем больше вероятность ошибочных решений. Но если руководитель принимает 70 процентов правильных решений, то он может считаться человеком на своем месте. Могу засвидетельствовать, что у Бакаева этот показатель значительно превышал установленную реалиями бытия планку.

Происходило же это, на мой взгляд, потому, что многие важные решения принимались коллегиально. Он не навязывал свое мнение другим. Стремился по возможности выслушать мнение каждого. И только после этого отсеивал шелуху, отбирал все наиболее

рациональное и принимал решение. Ведь в ходе коллегиального обсуждения и поиска оптимальных путей решения вопроса неизбежно окажется предложение наиболее соответствующее его успешной реализации. Задача руководителя заметить это предложение, выбрать его и добиться выполнения.

Бакаев нередко повторял, что обсуждение должно быть коллегиальным, а вот принятие решения и ответственность за его исполнение должны быть персональными. Этому правилу он следовал неукоснительно.

В новых условиях независимости и суверенитета Кыргызстана возникла потребность в новых структурных подразделениях спецслужб. В частности, понадобилось создание управлений и отделов по борьбе с контрабандой и коррупцией, возникла необходимость в учреждении Высшей школы КНБ. В том, что эти структуры в скором времени появились, немалая заслуга Бакаева.

Говоря о его человеческих качествах, не могу не отметить его интеллигентность и высокую культуру взаимоотношений с подчиненными. Никто ни разу не видел его разгневанным, устраивающим разнос провинившимся сотрудникам. Всегда неизменно тактичный, выдержанный, доброжелательный. Думаю, не было человека, которого бы Анарбек Курамаевич оскорбил или унизил. И в коллективе относились к нему с глубоким уважением и особой симпатией.

И это при том, что он близко к сердцу принимал любые негативные проявления, был непримирим к несправедливости, лжи, недобросовестности. Никогда не отгораживался и не оставался в стороне от

проблем своих сотрудников. Несмотря на крайне сложное в экономическом плане время, он сумел добиться в правительстве и Минфине строительства жилого дома для особо нуждающихся в жилье работников ведомства. За многие годы это был первый руководитель, который позаботился об этом.

За десятилетия работы в системе я не видел, чтобы первые лица так относились к своим заместителям, как Бакаев. Он никогда не дистанцировался от нас, приглашал к себе домой, относился к нам не как к подчиненным, а как к друзьям. Причем было видно, что руководствовался он не корыстными целями, а добрыми помыслами. В нем не было и тени зависти к кому бы то ни было, не стремился он к стяжательству, накопительству, что, к сожалению, свойственно сегодня многим из высокопоставленных чиновников.

Относясь с должным уважением к Президенту страны, он в то же время не допускал подобострастия, чиновничества, какого-либо заискивания. И беспощадно боролся с подобными проявлениями в руководимом им коллективе. Наблюдая за стилем и методами руководства председателя, многие начальники управлений и отделов начинали в чем-то подражать ему, избавлялись от солдафонства, привносили во взаимоотношения с подчиненными больше уважительности и такта.

Лишь с его уходом из жизни мы в полной мере осознали, какой это был превосходный руководитель, светлый, отзывчивый и замечательный человек. Он был настоящим патриотом своей страны, глубоко любил свою землю, ценил и понимал свой народ.

Анализируя события настоящего времени, нередко думаю, как нам нужны сегодня такие люди, как Анарбек Курамаевич Бакаев.

Возглавив комитет, Бакаев первым делом стал добиваться отказа от его традиционной кастовости. В борьбе с организованной преступностью, экономическими правонарушениями, коррупцией, распространением наркотиков, работорговлей, злоупотреблениями должностным положением высокопоставленных чиновников, убеждал он коллег по силовым ведомствам, необходимо взаимодействие всех правоохранительных органов и силовых структур. Только так можно добиться повышения ее эффективности и результативности.

Крайне редко, но случались моменты, когда Бакаеву изменяли его выдержка и хладнокровие. Как-то «под колапак» спецслужб попал крупный чиновник, замеченный в злоупотреблении служебным положением и коррупции. Не называем его имени лишь из сочувствия к его близким.

Парадокс и ирония ситуации. Уличенный во взяточничестве, он решил уйти от ответственности при помощи взятки. Добившись аудиенции у шефа КГБ, он попытался вручить ему плотный конверт с американскими банкнотами в обмен на закрытие дела. И тут же горько пожалел об этом.

От гнева лицо Бакаева побелело, зрачки сузились. В ярости он схватил чиновника за шиворот, подтащил к двери кабинета и вытолкнул его взащей в приемную.

Одним из первых важных шагов Бакаева на посту председателя КГБ республики стало упразднение так называемого “третьего отдела”, который специализировался на выявлении и пресечении антисоветской деятельности. В свое время этот отдел пользовался очень недоброй славой и наводил страх на многих граждан. Но в тот период, когда Бакаев возглавил Комитет госбезопасности республики, само понятие “антисоветская пропаганда” потеряло всякий смысл. Люди, считавшиеся некогда антисоветчиками и диссидентами, и объявленные прежней властью в собственной стране “персона нон грата”, были реабилитированы.

Упразднив “третий отдел”, Бакаев распорядился проверить, нет ли в учреждениях исправительно-трудовой системы заключенных, осужденных по политическим мотивам, в том числе и за антисоветскую пропаганду. И если такие люди найдутся, срочно пересмотреть их судебные дела.

К счастью, в республике таких не оказалось.

В ноябре 1991 года Комитет госбезопасности был преобразован в Государственный комитет по национальной безопасности (ГКНБ). Это была не просто смена вывески. Подобным шагом демократическая власть независимой республики давала понять, что с прежним филиалом КГБ СССР на территории Кыргызстана, выполняющим роль полицейского сыска, покончено. Отныне деятельность спецслужбы суверенной страны будет подчинена защите сугубо национальных интересов, обеспечению политической и экономической безопасности общества, борьбе с терроризмом и экстремизмом, коррупцией, контрабандой и наркотрафиком, охране государственных тайн.

С пересмотром ряда функций произошли значительные изменения в структуре ведомства. В частности, были созданы отделы по борьбе с терроризмом, контрабандой и коррупцией, по обеспечению экономической безопасности, военной контрразведки, информационно-аналитический.

Потребовалось пересмотреть подход к подбору, расстановке и продвижению кадров. Прежде назначения сотрудников руководящего звена, присвоение званий производились в Москве, что подчас приводило к известным перекосам в кадровой политике. Новые задачи требовали новых подходов. За короткое время руководящий состав ГКНБ обновился более чем на 70 процентов. При этом строго соблюдался принцип преемственности, сочетания опыта, зрелости и молодости. Особое внимание было уделено подготовке национальных кадров.

В конце 80-х, начале 90-х годов был отмечен значи-

тельный отток называемого русскоязычного населения из республики. Люди покидали страну по разным причинам. И далеко не в последнюю очередь из экономических соображений. К примеру, труд сотрудников органов госбезопасности Казахстана или России при всех равных условиях оплачивался в три-четыре раза выше, чем в Кыргызстане. Понятно, что наиболее опытные и перспективные работники перебирались в эти страны. Понятно также и то, что заменить их равноценными профессиональными кадрами, было невозможно. Это тоже требовало соответствующих решений.

Став независимым и перейдя на рельсы рыночной экономики, утратив при этом многие деловые партнерские контакты с промышленными предприятиями бывших союзных республик, Кыргызстан оказался в зоне серьезных экономических трудностей. В этот период некоторые политики при поддержке группы ученых, предпринимателей и даже высокопоставленных работников МВД выступили с проектом научно-технической программы “Лекарственный мак”. Суть ее заключалась в том, что некогда в Иссык-Кульской котловине выращивался опиный мак, служивший важным сырьем для медицинской промышленности. Но с широким распространением на планете наркобизнеса, усилением борьбы с производством и торговлей наркотиками и под давлением международных организаций производство опиного мака в Прииссыккулье было прекращено. И вот, исходя из стратегических интересов суверенной Кыргызской Республики, сторонники возрождения маковых плантаций через СМИ стали настойчиво доказывать, что возделывание мака в промышленных масштабах позволит производить ежегодно порядка ста тонн опия-сырца.

По мнению авторов проекта, его продажа давала бы в госказну до 500 млн. долларов США, что позволило бы республике в кратчайшие сроки выйти из затяжного экономического кризиса. Свои доводы они подкрепляли не только

экономическими выкладками. К сожалению, говорили “опийщики”, как в республике прозвали сторонников возрождения маковых плантаций, спрос на сырец диктуется не только потребностями наркоманов. Медицина пока также не может обойтись без этого сильнодействующего и эффективного обезболивающего и стимулирующего средства. Тысячи онкологических центров на всех континентах планеты остро нуждаются в обезболивающих препаратах, изготавливаемых на опийной основе.

Более трезвомыслящие политики и ученые выступили убежденными противниками данной идеи. Имея в разных областях и регионах республики, особенно в том же Прииссыккулье и в низовьях реки Чу огромные площади дикорастущей конопли, ощущая постоянное давление торговцев афганским опиумом, гашишем и героином, Кыргызстану ни под каким предлогом нельзя вступать на опасную тропу производства опийного мака, доказывали они.

Президент Акаев, испытывавший серьезное давление со стороны «опийщиков», находился на перепутье. А потому следил за ходом дискуссии как наблюдатель.

Однако когда наступила пора принимать определенное решение, глава государства собрал на совет свое ближайшее окружение. Анарбек Бакаев находился в числе убежденных и принципиальных противников превращения Кыргызстана во второй Афганистан.

Надежды авторов программы “Лекарственный мак” на доходы в 500 млн. американских долларов, утверждал он, чистой воды блеф и утопия. Во-первых, сторонники проекта исходят из цен нелегального рынка, которые в 4-5 раз выше реальных, а во-вторых, они забывают вычленив из этой суммы расходы на производство опия-сырца, его сбор, транспортировку, охрану и хранение, потери из-за неизбежных в таких случаях хищений. Но даже не это главное, считал пред-

седатель ГКНБ. Куда серьезнее и опаснее резкое обострение в обществе криминогенной обстановки. Кыргызстан станет притягательным местом для наркоманов и наркоторговцев из всех государств Содружества. Неотвратимо возрастет число наркоманов и наркозависимых граждан в самой республике, что обернется, в конечном счете, подрывом здоровья нации, истощением и ухудшением ее генофонда.

Как человек отвечающий за вопросы национальной безопасности, Бакаев особый акцент делал на неизбежном в случае утверждения проекта обострении внутривнутриполитической обстановки, нарушении и без того шаткого равновесия в обществе. Кроме того возникнет реальная опасность того, что страна попадет в жесткую зависимость от транснациональных синдикатов наркомафии. А это чревато падением международного авторитета молодого суверенного государства, ухудшением отношений с влиятельными международными организациями и финансовыми институтами.

Словом, считал Бакаев, выгоды от реализации программы “Лекарственный мак” просматривались весьма спорные и призрачные, а вот потери могли быть вполне реальными и не поддающимися подсчету.

Будучи прагматиком и реалистом, Аскар Акаев внял доводам противников превращения Прииссыккулья в опийную долину. В специальном заявлении пресс-службы Президента отмечалось, что руководство Кыргызстана пришло к однозначному решению: не возобновлять в республике выращивание опийного мака. Более того, по распоряжению Акаева правоохранительными органами, службой нацбезопасности и прокуратурой республики была подготовлена национальная программа по борьбе с наркоманией и наркобизнесом на 1993-1997 годы и образована государственная комиссия по контролю за распространением наркотиков.

ПРОШУ СЛОВА

Павел Васько, генерал-лейтенант пограничной службы, заместитель командующего Восточного пограничного округа-начальник оперативно-войскового отдела в 1992-1996 годах

С Анарбеком Курамаевичем Бакаевым мы познакомились в июле 1992 года. Когда меня назначили заместителем командующего Восточного пограничного округа с дислокацией в Бишкеке и одновременно заместителем начальника штаба этого округа.

По прибытии в Бишкек я первым делом представился председателю Госкомитета нацбезопасности. Помню, как искренне обрадовался Анарбек Курамаевич тому, что в Кыргызстан приехал профессиональный специалист и к тому же земляк, уроженец этих мест. В свое время направление в Московское высшее пограничное училище мне дал тогдашний председатель КГБ республики Джумабек Асанкулов. И на тот момент, когда я был направлен сюда в качестве командующего группой пограничных войск, мои родители продолжали жить в Бишкеке.

На следующий день Бакаев представил меня Президенту Аскарму Акаеву.

С того момента мы практически ежедневно встречались с Анарбеком Курамаевичем, поскольку наши служебные помещения располагались в одном здании, да и по делам службы нам приходилось постоянно общаться. Так что через некоторое время деловые отношения незаметно переросли в дружеские. Мы стали дружить, как принято говорить, семьями. Их с Айгуль Даутовной дети, дочь Айперим и сын Искендер, росли на моих глазах, я нередко брал

Искендера с собой на рыбалку. Сам Анарбек Курамаевич это дело не очень любил.

Прежде всего нам предстояло определить, что делать в ближайшей перспективе. Союз развалился. Все вчерашние республики-сестры стали независимыми государствами. Лидеры и население новоиспеченных суверенных стран еще пребывали в состоянии эйфории, некоторого опьянения от ощущения свободы. Одни республики выступали за то, чтобы создавать собственные пограничные силы, другие считали, что целесообразнее сохранить пограничные войска, созданные при СССР.

С Бакаевым мы суток трое-четверо прорабатывали этот вопрос, взвешивали, просчитывали все “за” и “против”. В тот период он приболел и находился в больнице. Тем не менее я ежедневно приходил к нему в палату, и мы напряженно работали, глубоко вникая во все вопросы, чтобы прийти к взвешенному и строго аргументированному общему решению.

Признаться, до знакомства с ним мне приходилось слышать от отдельных лиц недовольные высказывания, мол, поставили во главе такого серьезного силового ведомства сугубо гражданского человека. И до знакомства с Бакаевым я находился под определенным влиянием подобных настроений. Однако первые же дни нашей совместной работы показали, что этот недостаток полностью нивелировался самым главным достоинством Анарбека Курамаевича. Да, он не был военным человеком, но он всегда, в любых ситуациях оставался убежденным государственнымником. Всегда и во всем он исходил, прежде всего, из интересов государства. К тому же он был широко образованным, эрудированным во многих

сферах человеком. Он быстро, на лету схватывал мысль и доводы собеседника, умел оперативно выявить суть, отделить главное от второстепенного. Будучи хорошим шахматистом, он отличался способностью глубоко анализировать и четко осмысливать происходящее. Качество для работника его сферы и масштаба незаменимое. Общаться и работать с ним было приятно.

Мы пришли к общему выводу, что тогда еще Кыргызстану создавать собственные пограничные силы было нецелесообразно. Во-первых, экономика страны была не готова к тому, чтобы поддерживать на должном уровне охрану государственных границ.

Во-вторых, республика не располагала достаточными кадрами офицеров-пограничников. В тот период в республике было дислоцировано несколько пограничных групп, растянутых по всей границе. Не секрет, что с развалом Союза в каждой республике развернулась работа по возвращению кадров в национальные квартиры. В те годы Кыргызстан покинули многие офицеры-пограничники. Особенно много офицеров уехали в Россию.

Нехватка подготовленных кадров привела к тому, что некоторыми пограничными заставами руководили военнослужащие сверхсрочной службы, не имевшие офицерского звания. Всего же в Кыргызстане не укомплектованность офицерского состава пограничных войск превышала тогда 40 процентов.

В-третьих, нельзя было не учитывать и политический фактор. Хотя Кыргызстан был признан мировым сообществом и стал членом ООН и многих других авторитетных международных институтов, однако требовалось определенное время, чтобы

стать в глазах “старожилов” полноправным и авторитетным участником этих организаций. А с распадом Советского Союза предстояло решать множество проблем, связанных со спорными пограничными участками, не только с зарубежными странами, но и с партнерами по Содружеству. Причем, во втором случае проблемы стояли более остро, поскольку при Союзе межреспубликанское административно-территориальное деление носило чисто условный характер. Четкого разделения границ практически не существовало.

Словом, наиболее оптимальным выходом в тех условиях для республики был переход пограничных сил бывшего СССР в подчинение соответствующих служб России.

Свою точку зрения мы изложили в ходе встречи с главой государства. Аскар Акаев сразу же понял и принял наши доводы и заверил, что правительство республики будет работать в данном направлении.

Главной задачей на тот период было должным образом подготовиться погранслужбам к зиме. На дворе стоял конец июля, но в республике никто этим вопросом еще не занимался. А ведь большинство пограничных застав расположено в зоне высокогорья. Дороги и перевалы к ним закрываются уже в октябре. Требовалось срочно завезти туда дизельное топливо для электрогенераторов, уголь и дрова, запасы продовольствия. Основная же трудность заключалась в том, что средств, выделяемых Минфином республики, хватало только на зарплату личному составу.

В этих условиях в полной мере проявилась способность Бакаева ставить государственные интере-

сы выше самолюбий и амбиций отдельных правительственных чиновников.

Он никогда ни на кого не повышал голос, не допускал оскорбительных выпадов. Но в то же время мне неоднократно доводилось быть свидетелем того, как он бескомпромиссно шел на острые конфликты, когда речь заходила о проблемах общественной значимости.

Когда мы убедились в том, что республика своими силами не сможет обеспечить пограничников всем необходимым к зиме, то подготовили с Анарбеком Курамаевичем письмо за двумя подписями на имя тогдашнего премьер-министра России Егора Гайдара. Вскоре мне позвонил тогдашний министр внутренних дел и безопасности России Виктор Павлович Баранников. Он сообщил, что направляет в Кыргызстан группу офицеров для создания российской группы пограничных войск. Вслед за ними в республику будет отправлен эшелон с горюче-смазочными материалами, топливом и продовольствием для обеспечения пограничных застав на зиму.

10 октября было подписано Соглашение о статусе Пограничных войск России на территории Кыргызстана. Этим же Соглашением предусматривалась подготовка национальных кадров в российских пограничных учебных заведениях. Нужно ли говорить, что основная доля труда по разработке и составлению данного документа легла на плечи Бакаева.

Замечу, что зиму 1992-93 года пограничники Кыргызстана перезимовали вполне успешно. А к 1996 году практически была решена кадровая проблема. К тому времени укомплектованность застав офицерским составом превысила 98 процентов.

Одним из дел государственной важности, в расследовании которого пришлось принять участие Бакаеву в должности председателя Госкомитета нацбезопасности, стала загадочная гибель премьер-министра Кыргызстана Насирдина Исанова. Смерть киргизского премьера привлекла внимание широкой мировой общественности. Для изучения всех обстоятельств ЧП была создана специальная комиссия. К следственным мероприятиям были подключены руководители и наиболее квалифицированные специалисты всех силовых структур республики.

Выпускник Московского инженерно-строительного института, Исанов ряд лет работал секретарем парткома управления “Нарынгидроэнергострой” на сооружении Токтогульской ГЭС. Избирался первым секретарем Ошского обкома комсомола, был заведующим отделом строительства и городского хозяйства ЦК компартии Киргизии, председателем Иссык-Кульского облисполкома.

По признанию современников, кому приходилось работать или иметь дело с Исановым, это был очень перспективный политик, компетентный, глубоко разбирающийся в деле специалист, высокопрофессиональный руководитель и менеджер. Ко всему этому Насирдин Исанович был глубоко порядочным, щепетильно честным человеком, не запятнавшим своего доброго имени ни одним предосудительным поступком, ни одним сомнительным действием.

В конце ноября 1991 года Исанов совершал поездку по югу республики с главой мощной, разветвленной по четырём континентам компании “Сиабекон” Борисом Бирштейном.

С началом перестройки уроженец Вильнюса Бирштейн, ставший к тому времени гражданином Израиля и Канады, развил бурную экономическую деятельность на территории Союза. Ему удалось обзавестись связями с весьма влиятельными в стране людьми, среди которых фигурировали вице-

президент СССР Геннадий Янаев, вице-президент России Александр Руцкой, управляющий делами ЦК КПСС Николай Кручина, покончивший жизнь самоубийством вскоре после провала августовского путча. Бирштейном были созданы ряд совместных предприятий под крышей фирмы “Сиабек” — СССР”.

Августовский путч заметно пошатнул положение “Сиабек” в Советском Союзе. Примерно на год он сворачивает активную деятельность здесь и устремляет взор на новые рынки независимых государств, образовавшихся после развала империи. На этом поле поистине “золотой жилой” стал для него Кыргызстан. В октябре 1991 года он подписывает соглашение о создании компании “Сиабек” — Киргизия”. Основными ее целями и задачами провозглашается “создание на территории суверенного Киргизстана основ рыночной экономики и частной собственности”.

Именно Бирштейн был инициатором и организатором первого официального визита Президента Киргизии Аскара Акаева в Канаду. Но это случится позже.

28 ноября Н. Исанов и Б. Бирштейн ехали в автомобиле из Джалал-Абада в Ош. За городом Кара-Суу, когда они проезжали по участку колхоза имени Калинина, неожиданно на встречную полосу выехал грузовик. Водитель легковушки не успел избежать столкновения.

Ни сам водитель, ни сидевший рядом с Исановым на заднем сидении Бирштейн не пострадали. А вот Исанов непостижимым образом получил тяжелейшие травмы, несовместимые с жизнью, и через семнадцать минут после аварии, не приходя в сознание, скончался.

Для расследования обстоятельств злосчастной аварии была создана солидная комиссия. Ход следствия держал на контроле сам глава государства. Самым тщательным образом рассматривались и изучались все версии гибели премьер-министра.

Но, несмотря на скрупулезное изучение причин аварии, полного ответа на все вопросы так и не было получено. Основными причинами трагедии были названы безалаберность, недисциплинированность и низкий профессиональный уровень водителя грузовика.

Немногим более двух месяцев спустя, после злополучной аварии, Борис Бирштейн указом Президента Акаева был назначен председателем Комитета по восстановлению и развитию Кыргызстана, фактически президентским советником. Однако после ряда неудачных для республики финансовых сделок по добыче золота на месторождении Кумтор, совершенных при содействии Б. Бирштейна, и громких скандалов в связи с этим в парламенте и в средствах массовой информации Кыргызстана, глава государства был вынужден подписать указ о прекращении всяческих деловых контактов с компанией “Сиабек” и ее владельцем.

Было бы не совсем верно думать, что служба у Бакаева состояла только из негативных расследований и разбирательств. Были в работе и приятные моменты. К примеру, с большим удовлетворением взялся он за исполнение распоряжения правительства о возвращении Русской православной церкви в республике икон, литературы и других предметов религиозного культа, конфискованных у нее в 20-50 годы.

Председатель ГКНБ считал, что в тот период государство допустило несправедливость по отношению к церкви. И пусть с той поры прошло немало десятилетий, и сам Бакаев к этим актам несправедливости не имел никакого отношения, но участвовать в исправлении давней ошибки и восстановлении попорченной справедливости для него было делом не просто приятным, но и принципиально важным. Хотя работа предстояла достаточно скрупулезная и объемная. К тому же за давностью лет многие предметы были уничтожены, утеряны, украдены или попросту пришли в негодность. Серьезным “яблоком раздора” стало здание бывшей церкви,

расположенное в северо-западном углу Дубового парка столицы. Многие десятилетия назад оно было передано Союзу художников республики, который переоборудовал его под выставочный зал. В свое время Бакаеву не удалось найти компромиссное решение с этим помещением. Уж очень запутанным и неоднозначным стало оно за несколько десятилетий. А потом дело и вовсе спустили на тормозах. Так что и по сию пору время от времени спор между Русской православной церковью и Союзом художников о праве владения этим зданием разгорается с новой силой.

И все же даже то, что удалось сделать в данном направлении, приносило Бакаеву глубокое удовлетворение. Ведь главное, власть признала свою вину перед Русской православной церковью и в меру своих сил и возможностей постаралась ее хоть как-то исправить.

ГОД НЕЗАВИСИМОСТИ

*Моя любовь к отечеству не заставляет
меня закрывать глаза на заслуги иностранцев.
Напротив, чем более я люблю отечество, тем
более и стремлюсь обогатить мою страну
сокровищами, извлеченными не из его недр.
Франсуа Вольтер*

Став первым президентом независимого Кыргызстана, Аскар Акаев первым делом заявил о приверженности страны демократическим ценностям, о становлении на путь построения светского, цивилизованного государства с рыночной экономикой.

Размышляя о государственной независимости, он, прежде всего, отмечал великую историческую ответственность представителей титульной нации не только за свою судьбу, но и за судьбу всех этносов, образующих вместе с кыргызами единый народ Кыргызстана.

Государственная независимость республики, отмечал он, должна давать всем этим этносам то же, что и кыргызам: свободу в решении своей исторической судьбы, возможность развивать свою национальную культуру и приобщиться к кыргызской национальной культуре и языку, открытость всем ветрам различных мировых цивилизаций.

Государственная независимость, продолжал далее Акаев, — это возможность говорить на равных с большими и малыми народами, открывать себя миру, самостоятельно определять свой путь и свое место в мировом сообществе.

Наконец, государственная независимость налагает на

всех нас и громадную ответственность за все, что делается в нашей стране сегодня, за все, что с нами будет завтра, за будущее наше, наших детей и наших внуков.

Среди острейших проблем нашей сегодняшней жизни, говорил Президент, проблема укрепления национальной государственности является одной из самых важных. В условиях переходного периода с его дезорганизованной экономикой, деформированным общественным сознанием, разрушенными духовно-нравственными ориентирами, сильное государство играет жизненно важную роль.

Целиком разделяя позицию главы государства и полностью поддерживая его ориентацию на сильное государство, Бакаев остро переживал парадоксальную ситуацию, которая сложилась в стране едва ли не с первых месяцев независимости. В то время как десятки государств мирового сообщества и авторитетные международные организации во главе с ООН заявляли о признании молодого суверенного Кыргызстана, в самой республике набирали силу и все громче заявляли о своем недоверии первому Президенту его противники.

Переживал же Анарбек Курамаевич потому, что Акаев в первые годы управления Кыргызстаном был прогрессивным лидером, искренне верящим в возможность скорого создания на его территории демократического, цивилизованного, правового государства. Это было видно всем. И вот вместо того, чтобы поддерживать главу страны в столь сложный период становления и упрочения суверенитета, находятся силы, которые ставят палки в колеса, вынуждают тратить силы и время не на созидание, а на противостояние, противоборство. Открытая попытка определенных кругов повернуть движение вспять удручала Бакаева больше всего.

В то же время понимал он, что в известной мере сам президент давал поводы для нападков на него оппозиции. В начальный период вхождения во власть он был слишком от-

крыт для общения с представителями СМИ и нередко делал неосторожные заявления. К примеру, в одном из первых интервью он сказал, что ему нужно три года, чтобы изменить экономическую ситуацию в республике к лучшему, заложить реальные предпосылки стабилизации, а затем и подъема.

Естественно, по истечении трех лет журналисты напомнили ему об этом. На что президент ответил: “Действительно, в первых интервью я говорил, что через три года мы сможем начать подъем экономики, улучшать жизнь людей. Но давайте вспомним, какая тогда была ситуация. В то время еще никто и не подозревал, что произойдет распад Советского Союза. Начался не только политический, но и обваль- ный экономический распад, рушилась единая система, рвались традиционные хозяйственные связи.

Поэтому я считаю, что 91-й и 92-й годы были годами разрушения, а не созидания. Мы только теперь подошли к этапу созидания, и не наша вина, что путь к нему оказался длиной в три года”.

Как позже признавал сам Акаев, главный минус заключался в том, что он без достаточных на то оснований уверовал в неограниченные преобразующие возможности демократических политических институтов вообще и в особенности в магическую силу Конституции, многопартийности, парламентаризма, свободы слова и печати. Как обнаружилось, констатировал он, в условиях Киргизии в крайне ограниченные сроки эти прогрессивные и высокозначимые феномены человеческой цивилизации проявить себя должным образом не могли.

Однако, как бы там ни было, очень скоро Кыргызстан в глазах мировой общественности получил имидж “островка демократии” в Центральной Азии, вызывая тем самым ревность и раздражение у соседей по региону. Говорится все это к тому, чтобы у читателя сложилось определенное представление, в каких условиях Анарбеку Бакаеву пришлось воз-

главить руководство одним из наиболее важных и ответственных органов управления и защиты молодого суверенного государства. Так что по существу ему, как и главе государства, приходилось учиться новому делу на ходу, познавать это занятие, как говорится, методом проб и ошибок.

Но как Аскар Акаев достаточно быстро и весьма органично и естественно вписался в должность главы государства, так что вскоре в республике укоренилось мнение, что альтернативы на данном посту ему нет, так и Анарбека Бакаева очень скоро признали своим не только сотрудники Комитета госбезопасности Кыргызстана, но и руководители аналогичных структур государств Содружества.

Однако именно в тот первоначальный период вхождения Президента во власть некоторые средства массовой информации, оппозиционно настроенные парламентарии, новоявленные псевдодемократы и радикально предрасположенные, еще не забывшие вкус власти коммунисты все настойчивее трубили о его не легитимности. Они обвиняли Акаева в том, что он находится на этом посту в нарушение Закона “О выборах Президента Республики Кыргызстан”.

Чтобы снять данные обвинения и успокоить не столько своих оппонентов, сколько электорат республики, Акаев настоял на проведении всенародных выборов Президента.

Немаловажную роль в принятии подобного решения играло и то, что 31 августа была официально провозглашена независимость Кыргызстана. Республика стала суверенным государством. И первому Президенту было чрезвычайно важно, чтобы в глазах собственного народа и мировой общественности, он был легитимным и законно избранным Президентом. Чтобы главы других государств, а также влиятельных международных организаций и институтов относились к нему как к официальному лицу и общались с ним на равных.

Эти выборы состоялись 12 октября 1991 года. Прак-

тически через год после заседания сессии Верховного Совета республики, на которой он был избран первым Президентом страны.

Выборы завершились его полным триумфом. К избирательным урнам пришло 89,3 процента граждан, чьи имена были занесены в списки участников голосования. Из них 95,3 процента отдали свои голоса за действующего Президента.

ПРОШУ СЛОВА

Базарбай Мамбетов,

Волею судьбы мне довелось продолжительное время работать с Анарбеком Курамаевичем в аппарате ЦК компартии Киргизии и в одно время учиться с ним в Академии общественных наук. То было удивительное время. И не только потому, что мы были молоды и перед нами открывались широкие горизонты. Главное, пожалуй, заключалось в том, что после долгих лет застоя, лжи и обмана прагматического толка руководство партии стало говорить с народом открыто и доверительно, не умалчивая о допущенных в прежние годы серьезных ошибках и просчетах.

Мы, как и многие миллионы советских граждан, искренне верили в перестройку, связывали с ней большие надежды, были охвачены общими стремлениями достичь намеченных целей, построить действительно правовое демократическое общество.

После того как перестройка потерпела неудачу и произошел распад Союза, появилось немало охотников осудить все, что было сделано и достигнуто в СССР за 69 лет его существования. Кое-кто договорился даже до того, что наши отцы и деды

прожили жизнь зря, что советские люди были бесправными винтиками в безжалостной государственной машине. Не могу с этим согласиться, как не соглашался с этим и Бакаев. Нет, мы не были винтиками и безропотными исполнителями чужой воли. Мы работали осознанно, на совесть, старались принести конкретную пользу обществу. И мы могли с полным правом гордиться нашей страной, великой державой, не считаться с которой, не прислушиваться к голосу и мнению которой не мог никто в мире.

Например, разве можно считать бесправным винтиком Анарбека Бакаева, который прожил короткую, но очень насыщенную и достойную жизнь. Родившийся в рабочем поселке, в рядовой, ничем не примечательной семье, он получил хорошее образование, достиг определенных высот в науке, став кандидатом философских наук, прошел через многие ступени партийной работы, был министром образования и национальной безопасности. Главное же, он всегда был востребован в своем Отечестве.

Наблюдая за ним со стороны, я замечал, что на каком бы посту он ни находился, какие бы обязанности ни исполнял, неизменно старался работать с полной отдачей и в то же время извлечь максимум пользы для себя. Здесь я говорю не о материальной, не меркантильной стороне дела. Говоря о пользе, я имею ввиду прежде всего его стремление получить новый жизненный опыт, научиться чему-то для себя новому у людей, с которыми его свело время и общее дело.

Став министром образования, он был полон решимости не просто возглавлять эту систему, но и понастоящему реформировать ее в соответствии с требованием времени. Не знаю и не берусь судить, уда-

лось ли ему хотя бы в какой-то мере воплотить в реальность то, о чем он мечтал, заступая на пост министра. Уж слишком короткое время пробыл он в этом министерстве. Но то, что у него были очень серьезные намерения многое изменить в системе высшей и средней школы, мне известно доподлинно.

Мне кажется, Бакаев без большого желания принял предложение президента возглавить комитет нацбезопасности республики. Но привыкший во всем исходить не столько из личных интересов, сколько из интересов дела, он взялся за новую для себя работу и достаточно быстро освоил ее. Очень скоро он настолько вжился в нее, что был практически в курсе всякого события, происходящего в стране. Причем, был не просто в курсе, но мог с большой долей вероятности предугадать и предсказать, к чему приведет, чем завершится та или иная затея. Главное же, он определял и предусматривал, что необходимо делать в сложившейся ситуации.

Он, конечно же, хорошо понимал, что жизнь остановить невозможно. И все же, всецело поддерживая демократические преобразования, Анарбек был категорическим противником того, что за демократию кое-кто выдает вседозволенность и безответственность, что под маркой демократии иные политики пытаются стащить республику на большак анархии. Я замечал, как Бакаев остро переживал из-за того, что внедряемые в республике демократия и рыночные отношения, о которых так много говорилось и говорится с самых разных трибун, не приносят стране и обществу стабильности и благополучия. Более того, растут безработица и бедность, люди живут хуже.

Вскоре после того как Анарбек Курамаевич возглавил ГКНБ, меня перевели на работу в исполком Центрально-Азиатского экономического сотрудничества, штаб-квартира которого находилась в Алматы. Но всякий раз, когда я приезжал в Бишкек, мы встречались с ним. Как правило, это происходило в его служебном кабинете, когда рабочий день считался давно законченным. Общение с этим человеком доставляло мне огромное удовольствие. Мы откровенно и доверительно делились мнениями о состоянии экономики, о кадровых перемещениях и кадровом потенциале республики, о положении дел, как у нас в стране, так и за ее пределами, и особенно у наших ближайших соседей.

И Бакаев, и я, впрочем, как и многие неравнодушные к будущему Кыргызстана люди, видели, что новое руководство не может изменить подход в кадровом вопросе, персоналии на ключевые посты выдвигались подчас не по деловым признакам, не с учетом их опыта, компетенции и профессионализма, а исходя из соображений клановости, родства, личной преданности, по протекции, а то и за взятку. Отсюда люди в эшелонах власти, в креслах министров и губернаторов областей, акимов районов менялись с калейдоскопической быстротой. Рядовые граждане не успевали запомнить их лица, не говоря уже об именах.

Частая сменяемость руководителей вызывала в них чувство неуверенности в своем завтрашнем дне, способствовала зарождению психологии временщиков, вырабатывала инстинкт взяточничества: пользуйся моментом, пока у власти, хватай все, что можно. В этом Бакаев видел основную причину того, что многие из поставленных президентом на ключе-

вые посты людей проваливали работу, проявляли поразительную беспомощность.

Тревожило Анарбека и то, что очень быстро люди из ближайшего окружения Акаева научились угадывать настроение своего патрона и говорить ему только то, что он желал бы услышать. Вскоре лесть, ложь и обман стали в окружении главы государства обыденным делом. Со временем, незаметно у Акаева выработалось ложное представление о действительном развитии республики, о его роли в обществе, о подлинном отношении к нему значительной части населения.

Мне было известно, что Бакаев не раз пытался донести до президента правду, раскрыть ему глаза на реальное положение вещей. Но это привело лишь к тому, что определенные лица из окружения президента, как могли, стали препятствовать их личному общению.

21 декабря 1991 года в столице Казахстана Алма-Ате состоялся саммит 11 руководителей бывших союзных республик, за исключением трех Прибалтийских и Грузии, находившейся в тот момент в состоянии гражданской войны. Всеми участниками алма-атинской встречи было подписано ранее принятое лидерами России, Украины и Белоруссии соглашение о создании Содружества Независимых Государств. В сложнейшей политической ситуации главам вчерашних народов-братьев удалось найти достойный и, наверное, наиболее приемлемый на тот момент и в той ситуации выход.

В подписанной в тот же день 11 президентами Алма-Атинской декларации констатировалось: “С образованием Содружества Независимых Государств Союз Советских Социалистических Республик прекращает свое существование”.

И еще одно событие 1991 года стало для Бакаева, впрочем, как и для миллионов вчерашних советских граждан, памятным. Событие, с налетом горечи и сожаления. 25 декабря в 19 часов по московскому времени Михаил Сергеевич Горбачев в последний раз в качестве Президента уже не существующей страны выступил по телевидению с обращением к народу и объявлением о своей отставке.

М. Горбачев сформулировал причины, по которым он начал реформы в 1985 году:

“...Общество задыхалось в тисках командно-бюрократической системы. Обреченное обслуживать идеологию и нести страшное бремя гонки вооружений, оно балансировало на грани возможного”.

Бывший Президент покидал пост в твердом убеждении, что за время его нахождения у власти сделано много, и это должно быть оценено по достоинству: “Общество получило свободу, раскрепостилось политически и духовно. И это – самое главное завоевание, которое мы еще не осознали, а потому еще не научились пользоваться свободой”.

Далее он отметил, что знает об острой критике своей деятельности, однако подчеркнул: серьезные перемены в огромной стране не могут пройти безболезненно. К тому же переменам сопротивлялись партийно-государственные структуры, да и мешали наши привычки, идеологические предрасудки, уравнительная и иждивенческая психология, нетерпимость.

Завершая свое обращение М. Горбачев сказал: “Я покидаю свой пост с тревогой. Но и с надеждой, с верой в вас, в вашу мудрость и силу духа”.

Слушая прощальное обращение Президента к народу, Бакаев не мог освободиться от грустных размышлений о том, что так ли следовало провожать первого и последнего Президента СССР. Не роняем ли мы подобными, с позволения сказать, проводами вчерашнего лидера великой державы

честь и достоинство как нации и народа в целом, так и нынешних политических лидеров, которые в данный момент показали себя отнюдь не с лучшей стороны?

Что стоило, думал Анарбек Курамаевич, тому же Борису Николаевичу Ельцину собрать в Москве представителей стран Содружества, пригласить народных депутатов и видных общественных деятелей и по-человечески, воздавая должное заслугам этого видного политика, кардинально изменившего мир, попрощаться с ним в этот не самый легкий и приятный для любого человека момент его жизни.

ГОД ТЯЖЕЛЫХ ИСПЫТАНИЙ

*Нет и не может быть такой формы борьбы,
такого политического положения, которое бы
не влекло за собой опасностей.*

В. И. Ленин

С первых дней 1992 года на Бакаева обрушилась груда неотложных и ответственных забот. Кыргызстан вступил в активный период формирования государственной независимости. Требовалось срочно устанавливать дипломатические отношения даже с такими странами, как Россия, Казахстан, Узбекистан и другими вчерашними братьями по Союзу, которые в одночасье стали суверенными и зарубежными.

Главам государства, парламента, правительства суверенного Кыргызстана надо было наносить визиты в страны ближнего и дальнего зарубежья, заключать политические, межгосударственные, союзнические договоры и соглашения, налаживать порушенные экономические и хозяйственные связи.

В свою очередь, в республике стали открываться посольства и дипломатические представительства зарубежных стран, начали приезжать с рабочими и официальными визитами лидеры государств, заинтересованных в дружбе и сотрудничестве с Кыргызстаном. И что не менее важно, требовалось провести чрезвычайно сложную, щепетильную и кропотливую работу по определению и делимитации государственных границ. Ведь в советские времена между союзными республиками они выполняли, как правило, чисто услов-

ную роль. Иногда границей, отделявший Узбекистан от Киргизии, служил канал или небольшой арык между хлопковыми полями. Бывало даже и так, что когда двухколесная арба проезжала по тесной улочке аила в приграничном районе Ошской или Джалал-Абадской области, то одно ее колесо проезжало по узбекской территории, а другое – по киргизской. Но если раньше это никого серьезно не трогало и, по большому счету не волновало, то теперь это становилось принципиальным и весьма актуальным вопросом.

Все это требовало от правительственных структур, МИДа, МВД, служб национальной безопасности иного подхода к выполнению служебных обязанностей. Особое внимание теперь уделялось обеспечению повышенной безопасности как наших руководителей и официальных лиц в зарубежных поездках, так и высоких гостей, приезжающих с визитами к нам. Вместе с новоиспеченным председателем ГКНБ привыкали к новому уровню и характеру требований и работники аппарата.

Привыкший строго требовать в первую очередь с себя самого, Бакаев сам лично вникал в малейшие детали пребывания официальных лиц в нашей стране. Время прилета, кто и как будет встречать, количество автомашин в кортеже и в службе сопровождения, обеспечивающей безопасность передвижения, маршруты прохода и проезда визитеров, какие объекты и коллективы они запланировали посетить. Задолго до начала официального визита все эти и множество других деталей и нюансов обговаривались и обсуждались с соответствующими службами администрации Президента, Министерств иностранных и внутренних дел, управления ГАИ.

О характере и объеме работы только в этой сфере можно судить уже по тому, что в течение 1992 года главы государства, парламента и правительства республики выезжали более 20 раз с официальными и рабочими визитами в страны ближнего и дальнего зарубежья.

В свою очередь Кыргызстан 15 раз принимал у себя высоких гостей или становился местом проведения важных международных встреч, совещаний, саммитов. К примеру, в марте в республике побывали с двухдневным визитом 120 государственных деятелей, парламентариев, дипломатов, ученых, бизнесменов и военных из Турции. В апреле в Бишкеке прошло совещание глав государств Средней Азии и Казахстана, состоялся официальный визит в республику премьер-министра Турции Сулеймана Демиреля и однодневный рабочий визит министра иностранных дел России Андрея Козырева. В августе в Кыргызстане состоялись совещание министров внутренних дел государств Содружества, встреча руководителей таможенных служб республик Средней Азии и Казахстана. В октябре Бишкек стал местом встречи глав государств и правительства стран СНГ. В ноябре состоялся официальный визит в Кыргызстан президента Молдовы Мирчи Снегура, а также визит дипломатической миссии сенаторов США.

10 марта 1992 года полковнику Анарбеку Бакаеву указом Президента было присвоено воинское звание генерал-майора. Конечно же, ему было приятно получать поздравления по такому случаю от друзей и сослуживцев. Но сказать, что он находился в состоянии эйфории, получая из рук Президента шитые золотом погоны, было бы большим преувеличением. Во-первых, продвижение вверх по карьерной лестнице никогда не было для него самоцелью. А во-вторых, всякое новое продвижение по работе и повышение по службе он привык воспринимать как новый виток повышения ответственности и спроса с самого себя. Март того года запомнился кыргызстанцам тем, что на сессии парламента премьер-министром был избран не очень известный на тот период в политических кругах Турсунбек Чынгышев. Пользовавшийся широкой популярностью министр внутренних дел генерал-майор Феликс Кулов был избран вице-президентом,

а бывшая в прошлом представителем СССР в ЮНЕСКО Роза Отунбаева заняла пост министра иностранных дел.

Все они оставят заметный след в политической жизни Кыргызстана, с каждым из них в силу занимаемой должности Бакаеву придется регулярно общаться и тесно сотрудничать.

Весна того года словно задалась целью проверить молодой независимый Кыргызстан на прочность. Вначале на земледельцев республики свалились заморозки, погубившие завязи косточковых плодов и ягод. После заморозков на землю обрушился сильный град, побивший посевы и ранние всходы сельскохозяйственных культур на многих тысячах гектаров. На смену граду пришли обильные ливни, вызвавшие мощные, сметающие все на своем пути сели. И в довершение всего произошли сильные землетрясения.

Той страшной весной в республике были разрушены десятки тысяч жилых домов, сотни тысяч жителей, главным образом, сельских районов остались без крова. Серьезно пострадали сотни школ, больниц, медицинских пунктов, животноводческих помещений, десятки километров каналов. Были смыты десятки мостов. Ущерб, нанесенный стихийными бедствиями, превысил четыре миллиарда рублей. Самое же печальное – в результате селей, наводнений и землетрясений погибло несколько десятков человек.

Президента в его поездках по некоторым районам стихийных бедствий сопровождал председатель ГКНБ. Из таких поездок он возвращался осунувшимся и почерневшим. Ему требовалось время, чтобы отойти от увиденного, прийти в себя. К виду чужого горя за время службы в ГКНБ он так и не привык. Впрочем, разве можно привыкнуть к виду людского горя? Просто люди, которым по долгу службы приходится сталкиваться с этим чаще, чем другим, научаются владеть собой и скрывать свои эмоции от постороннего взгляда.

Та первая беда, обрушившаяся на молодой независимый Кыргызстан, показала, что республики бывшего Союза, хотя и разбежались по “суверенным квартирам”, все же остаются братьями по духу. Первыми руку помощи протянули кыргызстанцам россияне. Их примеру последовали ближайшие соседи, более далекие партнеры по Содружеству. В стороне не остался никто.

Особенно кстати оказались небольшие сборные щитовые домики, стройматериалы, многоместные армейские палатки, постельные принадлежности, лекарства и медикаменты.

Ведь под ударами стихии многие люди в считанные минуты лишились всего. Под завалами их жилищ осталось все нажитое десятилетиями добро.

Прошло лишь три месяца, и в августе на территории республики вновь было зарегистрировано сильнейшее землетрясение. В Джалал-Абадской, Нарынской, Таласской областях погибли 42 человека, десятки тысяч остались без крова. 21 августа по всей республике было объявлено днем траура.

Стихийными бедствиями, вызванными ливневыми осадками, селевыми потоками, оползнями, землетрясениями в Кыргызстане никого не удивишь. Они повторяются чуть ли не ежегодно. Но в 1992 году масштабы ударов природы были слишком велики.

Как члену чрезвычайной правительственной комиссии по ликвидации последствий стихийных бедствий Бакаеву приходилось заниматься сбором, распределением и доставкой пострадавшим гуманитарной помощи, обеспечивать соблюдение порядка, защиту разрушенных и оставшихся без надзора жилищ от мародеров, заботиться о безопасности беззащитных граждан.

В аэропорт “Манас” из стран ближнего и дальнего зарубежья грузовыми авиалайнерами доставлялись строительные материалы, армейские палатки, горюче-смазочные материалы, постельные принадлежности, теплая одежда, меди-

каменты, сотни тонн муки, сахара, риса, растительного масла. А из Бишкека караваны грузовиков развозили все это по районам, где люди так ждали эту помощь.

В те полные драматизма и человеческого горя дни Бакаев и подумать не мог, что через какое-то время его сотрудникам совместно с работниками органов прокуратуры и МВД придется разбираться: как же так получилось, что далеко не вся гумпомощь и выделенные правительством и зарубежными донорами средства попали в руки тех, кому они предназначались, и кто действительно нуждался в экстренной помощи.

К сожалению, как это нередко бывает в подобных случаях, находятся морально нечистоплотные и безнравственные люди, старающиеся извлечь личную выгоду из чужой беды, поживиться за счет чужого горя. Особенно Бакаева возмущало то, что среди таких персон оказывались высокопоставленные чиновники, не только облаченные властью, но и обеспеченные материально значительно лучше тех, у кого они старались украсть долю выделенных им средств.

Значительная часть льготных кредитов, долгосрочных ссуд, финансовой помощи осела в карманах родных, близких и приближенных к тем, кто занимался распределением этих кредитов и материальной помощи на местах. А это, по большей части, чиновники из правительственных структур, областных и районных госадминистраций.

Слабым утешением служило и то, что многие из тех, кто был замешан в этих неблагоприятных делах, лишились своих теплых кресел, были отстранены от занимаемых должностей. Этим вряд ли можно было помочь тем, мимо кого прошла так необходимая поддержка, кто в очередной раз поверил в то, что власть имущим, как в центре, так и на местах, глубоко наплевать на горести и беды рядового гражданина.

С чиновниками такого рода Бакаев боролся без всякого к ним снисхождения.

СТРАНА НА ВУЛКАНЕ

*Лишь из арсенала культуры
Мы возьмем наши сабли
и пули...*

*И последней войной,
Что объявит таджик
В защиту своей надежды,
Может стать лишь война
С темнотою невежды.*

Гулрухсор Сафиева

В сентябре того же 1992 года в Бишкеке состоялась Межпарламентская ассамблея стран-участниц СНГ. В состав делегации Таджикистана входил депутат Верховного Совета республики, председатель колхоза из Кулябской области Эмомали Рахмонов. Тогда еще вряд ли кто видел в нем будущего Президента Таджикистана.

Добившись встречи с Аскармом Акаевым, он буквально со слезами на глазах рассказывал о ситуации в его республике. На тот момент у соседей уже шла гражданская война. С ее началом первый президент страны Рахмон Набиев сложил с себя полномочия главы государства. Народ раскололся на враждующие группировки. Трудно было разобраться, кто на чьей стороне, и кто против кого воюет. Да и так называемые полевые командиры часто переходили из одного стана в другой, становясь из союзников правительственных сил его противниками и наоборот.

Как результат, за несколько месяцев гражданской войны в Таджикистане погибло в несколько раз больше людей,

чем за десять лет боевых действий в соседнем Афганистане.

Едва в этой стране разразился 8-9 августа вооруженный конфликт, Узбекистан, у которого и без того сохранялись напряженные отношения с Душанбе, несмотря на то, что почти четверть населения республики составляли этнические узбеки, закрыл границу с Таджикистаном. Тут же у перекрытого рубежа скопились несколько эшелонов с бензином, совсем немного не дойдя до адресата. В охваченную пожаром братоубийственной войны республику резко сократился приток горюче-смазочных материалов, некоторых видов сырья и продовольствия. Цены на бензин сразу же подскочили в 2,5-3 раза, у газозаправочных станций стали выстраиваться километровые очереди из автомобилей, работающих на сжиженном газе. В стране тут же заметно подорожали продукты питания.

Блокада привела к тому, что остановились едва ли не все предприятия, невозможно было вывезти с полей на приемные пункты собранный урожай хлопка. Не вывозился даже хлеб с хлебозаводов, не выезжали по вызовам машины “Скорой помощи”, аварийных служб. Население многих районов стало испытывать голод. Страну охватили эпидемия острой формы гепатита, однако ждать помощи больным и умирающим было неоткуда. Отсутствовали лекарства, не хватало врачей.

Несмотря на то, что Кыргызстан сам в это время испытывал серьезные экономические и материальные затруднения, вызванные небывалым разгулом стихии, из республики в Таджикистан был направлен караван большегрузных автомашин с гуманитарной помощью.

Помимо этого, по инициативе Кыргызстана была создана миротворческая миссия, в которую вошли заместители министров иностранных дел Казахстана, Узбекистана, Арме-

нии, советник президента России Сергей Станкевич и вице-президент Кыргызстана Феликс Кулов.

Эта инициатива была вызвана, с одной стороны, тем, что гражданская война – это всегда боль и беда народа, и естественное стремление нормального человека – помочь попавшему в беду. А с другой стороны, пожар войны в пограничном с Кыргызстаном государстве нес с собой реальную угрозу перекинуться на территорию соседей. Ведь именно так произошло в самом Таджикистане, где события начинали развиваться по афганскому сценарию.

В этот период Бакаев регулярно поддерживал связь со своим таджикским коллегой. Благодаря информации сотрудников таджикских спецслужб, Бакаеву было известно, что в Афганистане в восьми специальных лагерях, расположенных в районах, прилегающих к границе с Таджикистаном, и в непосредственной близости от мест компактного проживания таджикских беженцев, идет полным ходом подготовка боевиков в рамках оказания помощи таджикским братьям-мусульманам в их священной войне.

Однако для сотрудников спецслужб не являлось секретом то, что в перспективе влияние исламских фундаменталистов должно было распространиться на все республики региона. Но особый интерес представляла для них и их эмисаров Ферганская долина.

По оценкам Комитета национальной безопасности Таджикистана, к тому времени военную подготовку прошли уже более четырех тысяч боевиков, главным образом, из числа беженцев. Все они составляли резерв оппозиции. А по данным Министерства обороны Таджикистана, в рядах исламских фундаменталистов из оппозиционной “Исламской партии возрождения”, воюющей против “Народного движения Таджикистана”, уже участвовали сотни моджахедов.

В завязавшейся борьбе провозглашались политические цели. Таджикская оппозиция, поддерживаемая афганскими

моджахедами, вела борьбу под панисламистскими знаменами. Однако в действительности и теми, и другими зачастую двигали совсем иные интересы. В первую очередь речь шла о владении золотоносными берегами реки Пяндж и о контроле над контрабандными потоками оружия и наркотиков, приносящими ни с чем не сравнимые доходы.

Но какие бы интересы и скрытые пружины не руководили действиями противостоящих лагерей, происходящее в тот период как в Афганистане, так и в Таджикистане, напрямую или косвенно затрагивало интересы Кыргызстана.

В эти тревожные дни, постоянно информируя Президента Акаева об оперативной обстановке на кыргызско-таджикской границе и в прилегающих к ней Баткенской и Ошской областях, председатель КГБ обращал особое внимание на резкое ее обострение и ухудшение.

Во-первых, значительно возрос поток беженцев из сопредельных районов. Главным образом, этнических кыргызов. При этом они, в подавляющем большинстве, не оставались в южных областях, а устремлялись по преимуществу в Чуйскую долину, поближе к столице республики. Тем самым увеличивая социальное напряжение, осложняя и без того непростую криминогенную, оперативную и социально-экономическую ситуацию.

Во-вторых, с ростом потока беженцев на этом направлении на нашу сторону стало переправляться значительно больше наркотиков. Нестабильность власти в соседней республике приводила к тому, что там на авансцену все более нагло и открыто выходили наркобароны. Одновременно с этим заметно оживился и незаконный оборот оружия.

В-третьих, нельзя было закрывать глаза на растущий экспорт идей исламского фундаментализма. Особенно в южные области страны, где религиозная обстановка и без того оставляла желать лучшего.

В свою очередь, по данным спецслужб сопредельных

стран, криминальные группировки из Кыргызстана поставляли горячее и продовольствие вооруженным формированиям объединенной оппозиции, которые готовы были переплачивать за поставляемый товар вдвое, втрое. Такая щедрость объяснялась тем, что, с одной стороны, оппозиция получала финансовую поддержку из Пакистана и Афганистана за счет части доходов от торговли наркотиками. А, с другой, — в тот период в самом Таджикистане наблюдалась острая нехватка продуктов питания и горюче-смазочных материалов. Так что контрабандная поддержка криминалитета из сопредельного Кыргызстана для оппозиции была очень кстати.

С конца 1991 года Таджикистан стал не просто “горячей” точкой на политической карте СНГ и мира. Наряду с Афганистаном он грозил втянуть центрально-азиатский регион в затяжной братоубийственный кризис. Требовалось, во что бы то ни стало, разрубить этот гордиев узел туго переплетенных противоречий.

Значительную поддержку в этот сложный период Кыргызстану оказало то, что в конце 1992 года между Россией, Узбекистаном, Казахстаном и Кыргызстаном была достигнута договоренность о направлении на охрану тысячекилометровой таджикско-афганской границы четырех батальонов поддержки численностью по 500 человек. По одному от каждой республики.

Сложность поисков мирного разрешения разногласий, возникших между объединенной оппозицией и официальной властью, состояла еще и в том, что к концу 1992 года Таджикистан оказался не только в политическом, но и в правовом тупике. Первый президент Рахмон Набиев сложил с себя полномочия главы государства в сентябре. Согласно Конституции его обязанности были возложены на спикера Верховного Совета Акборшо Искандарова. Но в соответствии с той же Конституцией, в течение трех месяцев должны были состояться выборы нового президента. Однако в стране, охва-

ченной гражданской войной, ни о каких выборах главы государства в тот момент не могло быть и речи.

Усилия членов миротворческой группы привели к компромиссному варианту выхода из запутанного политического кризиса. Было решено созвать сессию Верховного Совета Таджикистана, в ходе которой внести поправки и изменения в Конституцию страны. Упразднить должность президента и избрать президиум Верховного Совета, в который должны войти представители всех воюющих областей республики, члены действующего правительства и объединенной оппозиции.

Местом проведения сессии первоначально был предложен Бишкек. Но в последний момент была достигнута договоренность о том, чтобы собрать депутатов в городе Худжанде (бывшем Ленинабаде). Сессия состоялась в ноябре 1992 года. Представителем от Киргизии в ее работе участвовал спикер Жогорку Кенеша Медеткан Шеримкулов. Председателем Верховного Совета Таджикистана был избран Эмомали Рахмонов.

Однако избрание Верховного Совета и его председателя не положило конец гражданской войне. Окончательное мирное соглашение между властью и оппозицией было достигнуто только в мае 1997 года в Бишкеке, в значительной мере благодаря стараниям и усилиям руководства Кыргызстана, и подписано несколько позже в Москве.

По оценкам экспертов, за годы гражданской войны в Таджикистане погибло примерно 150 тысяч человек.

АФГАНСКИЙ УЗЕЛ

Афганская граница трещит по всем швам, а если она по каким-либо причинам лопнет, не позавидуешь не только им, но и всем нам. На территорию СНГ хлынет поток оружия и наркотиков, которые взорвут сначала Среднюю Азию, а затем и остальные государства. В прорыв хлынут афганские моджахеды, не забывшие еще “бескорыстной братской помощи” шурави (то есть коммунистов), иранские “солдаты Аллаха” и неизвестно кто еще.

“АиФ” № 36, сентябрь 1992 г.

Информируя главу государства об истоках и перспективах развития гражданской войны в Таджикистане, Анарбек Бакаев приводил, со ссылкой на данные коллег из комитета национальной безопасности соседней республики, такие факты. Еще осенью 1990 года комитет национальной безопасности Таджикистана предупреждал власти о том, что вооруженные формирования оппозиции, проходящие подготовку на базе афганских моджахедов, готовят провести весной 1991 года ряд наступательных операций. Однако это предупреждение руководством республики не было услышано.

Не насторожило членов правительства и то, что, по данным спецслужб, в конце 1990 года в узбекском городе Наманган прошел конспиративный съезд “ваххабитов”, ярко выраженного экстремистского религиозного течения в исламе. На этом съезде было принято решение начать борьбу за захват власти в Средней Азии. Но не сразу, не путем не-

медленного вооруженного восстания, что было бы абсурдно и невозможно, а поэтапно.

То, что происходит сегодня в республиках нашего региона, считал Бакаев, наглядно свидетельствует о том, что данное решение последовательно воплощается в жизнь. Но если на территории Кыргызстана и в областях Ферганской долины мы наблюдаем воплощение первоначального этапа этого плана, то в Чечне и Дагестане уже во всю претворяются последующие шаги данной стратегии. Не замечать этого, делать вид, что ничего, из ряда вон выходящего, не происходит, и не предпринимать никаких мер активного противодействия, было бы серьезной ошибкой.

Реально оценивая сложившуюся на тот период ситуацию, анализируя настроения граждан внутри страны и то, что происходит у ближайших соседей, Бакаев полагал, что территория Кыргызстана отнюдь не застрахована от пожара гражданской войны. А значит как органы власти в центре и на местах, так и силовые структуры должны быть готовы к подобному развитию событий, а главное предпринимать превентивные меры, чтобы не допустить в стране самого худшего.

Исходя из реалий времени, ГКНБ Кыргызстана заключил соглашения о сотрудничестве с рядом стран Содружества. Тем более, что наряду с названными выше, еще одной из наиболее серьезных и реальных угроз по-прежнему оставалась афганская наркоэкспансия.

С одной стороны затяжная гражданская война в Афганистане привела к разрухе и без того не очень развитой экономики. Основным источником дохода для значительной части населения стало выращивание опийного мака и контрабанда наркотиков.

А с другой стороны с распадом Союза стала более прозрачной, а точнее, хуже охраняемой и со множеством прорех, бывшая некогда прочной советско-афганская граница.

Особенно доступным для втягивания в наркотрафик стал Таджикистан, имеющий 1200 километров общих границ с Афганистаном, большая часть которых проходит по трудно охраняемым горным хребтам Горно-Бадахшанской автономной области, в которой, в основном, сосредоточены этнические кыргызы. А Горно-Бадахшанская область напрямую связана с Кыргызстаном круглогодично действующим Памирским автотрактом. Именно по нему в республику проникает львиная доля афганских тяжелых наркотиков, откуда они растекаются в Казахстан, Россию и далее в европейские страны.

С уходом же из республики российских пограничников это направление стало, по оценкам и образному выражению специалистов, подлинным “наркоплацдармом”.

Сегодня в это трудно поверить, но в 1991-1992 годах на таджикско-афганской границе афганские крестьяне, выращивающие опийный мак, обменивали килограмм опиума на армейский бушлат, пару солдатских кирзовых сапог советского производства, а то и на простой чугунный казан. . .

Гражданская война в Таджикистане привела к тому, что наркоситуация, как в регионе в целом, так и в Кыргызстане в частности, стала приближаться к критическому рубежу. Смертельно опасный сам по себе контрабандный наркотический поток нес с собой массу квалифицированно сработанных, но все же фальшивых долларов, оружие и боеприпасы, способствовал зарождению и развитию бандформирований, расцвету коррупции в коридорах власти и силовых структурах. Все это требовало объединения сил органов внутренних дел, таможенных служб, пограничников, внутренних войск, госбезопасности.

Наступил момент, когда афганский синдром начал переходить в реальную угрозу для южных стран Содружества Независимых Государств. Для предотвращения нежелательного сценария в мае 1992 года четыре республики бывшей советской Средней Азии, а также Казахстан и Россия подпи-

сали Договор о коллективной безопасности. Члены ОДКБ взяли на себя обязательство защищать друг друга в случае агрессии против любого из них.

Помимо этого, в Кыргызстане под эгидой ООН в этот период был разработан Международный антинаркотиковый проект “Ошский узел”. В его реализацию включились соответствующие службы Киргизстана, Таджикистана и Узбекистана. В период действия этого проекта заоблачный Памирский наркомаршрут был достаточно плотно перекрыт.

Однако и наркодельцы не сидели в это время, сложа руки. Они срочно изменили тактику. На смену относительно громоздкой и объемной опишной контрабанде приходит более мощная и эффективная героиновая. Появляются новые маршруты и иные способы переброски наркотиков в республику Центральной Азии.

Вот далеко не полный круг проблем, которые остро встали перед обществом в трудный переходный период, когда Анарбек Бакаев по существу только возглавил органы национальной госбезопасности и вникал в тонкости и особенности их деятельности.

Важно отметить, что в прежние времена органы КГБ отличали строгая засекреченность, практически полная неподконтрольность широкой общественности, корпоративная кастовость.

Бакаев решил изменить эту традицию, сделать работу спецслужб более открытой, прозрачной и в определенных границах дозволенности доступной для общественного контроля.

Как и во многом другом, прежде всего, он сам стал открытым и доступным для журналистов, ввел в практику регулярное проведение пресс-конференций и брифингов для работников средств массовой информации, никогда не отказывал журналистам в их просьбах о встрече или интервью.

Накануне первой годовщины своего пребывания в дол-

жности председателя ГКНБ, во время встречи с журналистами, касаясь конкретных результатов работы ведомства, Анарбек Курамаевич привел такие факты. За истекший год службы ГКНБ совместно с органами МВД, налоговой инспекцией и контрольно-ревизионными структурами проверили соблюдение порядка выдачи и использования кредитных средств в 71 банковском учреждении, в 367 кооперативных, малых и средних предприятиях. По результатам выявленных преступлений возбуждено 11 уголовных дел только по фактам хищений финансовых средств. Предотвращены попытки незаконного перечисления из республики в Чечню 550 миллионов рублей, а также 50 миллионов рублей в другие регионы СНГ.

В ходе расследования уголовного дела о хищении инвалюты в акционерно-коммерческом банке “Кыргызстан” республике было возвращено денег и материальных ценностей на 4,5 миллиона рублей и 50 тысяч западногерманских марок.

Предотвращен незаконный вывоз из республики в страны ближнего и дальнего зарубежья сырья, редкоземельных элементов и товарно-материальных ценностей более чем на 20 миллионов рублей.

Совместно с органами МВД и прокуратуры задержан при получении взяток в крупных размерах ряд работников правоохранительных служб.

Разоблачены и осуждены участники преступной группы, занимавшиеся контрабандой из Афганистана наркотиков и их реализацией.

Вместе с тем продолжалась активная деятельность по реабилитации безвинно репрессированных в 1937-38 годах. Было рассмотрено 234 уголовных дела, по которым реабилитировано 484 человека.

Важным событием уходящего года стала подготовка проекта закона об органах национальной безопасности и передача его на рассмотрение в Верховный Совет республики.

ТРУДНОЕ СТАНОВЛЕНИЕ СНГ

Взаимодействие участников Содружества будет осуществляться на принципах равноправия через координирующие институты, формируемые на паритетной основе и действующие в порядке, определяемом соглашениями между участниками Содружества, которое не является ни государством, ни надгосударственным образованием.

С образованием Содружества Независимых Государств Союз Советских Социалистических Республик прекращает свое существование.

*Из Алма-Атинской декларации,
принятой 21 декабря 1991 г.*

С первых дней возникновения Содружества из всех щелей полезли неотложные жизненно важные проблемы во взаимоотношениях между только народившимися суверенными государствами, и в особенности между ними и Россией, как правопреемницей Союза.

22-23 апреля 1992 года в Бишкеке состоялась очередная встреча президентов республик Средней Азии и Казахстана. Официальная повестка дня гласила, что лидеры стран-соседей собрались, чтобы обсудить правовые основы сотрудничества. Однако от внимания независимых наблюдателей не ускользнуло то, что главная цель встречи заключалась в обсуждении положения в Содружестве Независимых Государств и политики пяти азиатских стран в этом союзе.

Именно этим проблемам были посвящены многочасовые встречи президентов за закрытыми дверями.

Та бишкекская встреча отличалась высокой деловитостью и почти полным отсутствием протокольных публичных мероприятий.

Обращая внимание на то, что встреча пяти президентов состоялась менее чем через полтора месяца после саммита глав государств СНГ в Киеве, эксперты пришли к выводу, что киевские “посиделки” не просто разочаровали лидеров азиатской пятерки, но и вызвали глубокие и обоснованные сомнения в дееспособности Содружества.

На заключительной пресс-конференции по итогам встречи ее участники откровенно говорили о намерении развивать сотрудничество с южными и восточными соседями – Ираном, Турцией, Индией, Китаем.

Серьезное внимание было уделено в Бишкеке и военной политике в Содружестве. Тема эта напрямую интересовала в том числе и Бакаева, поскольку была непосредственно связана с национальной безопасностью стран-участниц СНГ. К сожалению, на тот момент не было ясного ответа на вопросы: что такое общие вооруженные силы для новых независимых государств, кто ими командует и независимы ли государства, которые в командовании и формировании этих сил не участвуют? Позиция и намерения России в этом вопросе на тот момент были не очень ясны.

Ясность и определенность в этих вопросах были тем более важны, что гражданская война, продолжавшаяся в Афганистане, требовала ответа: на каких рубежах намерена Россия охранять собственные границы? Гарантирует ли она партнерам по СНГ свое надежное участие в охране границ бывшего СССР или им самим уже приступать к прокладке контрольно-следовой полосы вдоль границ со странами не только дальнего, но и ближнего зарубежья?

Чрезвычайно важным и существенным моментом бишкекской встречи стало то, что главы государств твердо и определенно подтвердили свою заинтересованность в сохранении всего доброго и позитивного, что было в Союзе, в очередной раз заявили о своей готовности всячески содействовать становлению, развитию и укреплению СНГ. Они подтвердили, что их взаимодействие между собой, как и сотрудничество с южными соседями, свободно как от религиозной (мусульманской), так и от этнической (тюркской) ограниченности и узости.

Политика государств региона, заявили их лидеры, это универсальная политика взаимовыгодного сотрудничества, в которой близость с Россией по-прежнему остается первоочередной и стратегической целью. Особенно убедительно, твердо и настойчиво говорили об этом президенты Аскар Акаев и Нурсултан Назарбаев. Другие участники встречи заявляли об этом менее охотно и убежденно. Однако подтвердили данную позицию все.

СОМ В ФИНАНСОВОМ МОРЕ

Введение национальной валюты – вопрос судьбоносный, имеющий жизненное, историческое значение для республики.

(из выступления президента А. Акаева на сессии Верховного Совета республики 3 мая 1993 г.)

Деньги – это отчеканенная свобода.

Древний афоризм

Развал СССР поставил в чрезвычайно трудное экономическое положение практически все бывшие союзные республики, находившиеся и оставшиеся в рублевой зоне.

Либерализация цен, проводимая Россией и по сути навязанная партнерам по СНГ, вызвала в суверенных республиках беспрецедентные потери. У всех на глазах происходила галопирующая, не поддающаяся никакому контролю инфляция.

Об обвальном обесценивании рубля говорят такие данные: 15 января 1992 года в обменных пунктах Бишкека один доллар покупался за 95 рублей, а продавался за 110. На первое декабря того же года стоимость доллара была уже соответственно – 485 и 516 рублей, а еще через дав месяца, 1 февраля 1993 года – 711 и 756 рублей. Такая же картина наблюдалась и по другим конвертируемым валютам.

Перед республикой остро встал вопрос о необходимости выхода из рублевой зоны и введения национальной валюты. Мировая практика показывает, что подготовка реформ в денежно-финансовой сфере ведется в строжайшей тайне, чтобы не пострадали интересы государства. Президент не раз

и не два проводил по этому поводу совещания в узком кругу с участием главы правительства, министра финансов, председателя Национального банка, председателя Госкомитета национальной безопасности. Все понимали серьезность и ответственность такого шага. Наиболее осторожные члены правительства выступали против поспешных и опрометчивых шагов в этом деле. Основной их довод сводился к тому, что у республики явно недостаточно собственных природных ресурсов, чтобы проводить самостоятельную экономическую и финансовую политику, что поспешное и неожиданное для партнеров по СНГ введение национальной валюты может оттолкнуть Россию и обострить отношения с соседями по региону. Следует учитывать и то, что в Кыргызстане сохраняется устойчивый отрицательный платежный баланс, разорваны экономические и хозяйственные связи, как внутри страны, так и за ее пределами.

Кроме того, необходимо определенное время и для того, чтобы правительство Кыргызстана согласовало свои действия с правительствами других государств Содружества в части взаиморасчетов и взаимопоставок материальных ресурсов, а также таможенных правил и процедур, чтобы промышленный комплекс, отечественные промышленники и предприниматели не оказались в финансовой блокаде.

В эти непростые дни, когда на карту было поставлено в буквальном смысле будущее Кыргызстана как суверенного государства и его народа, Бакаев был на стороне Президента. Становилось совершенно очевидным, что дальнейшее пребывание в рублевой зоне несет угрозу сохранению не только экономической, но и политической безопасности республики.

Сама ситуация подталкивала к выходу из нестабильной рублевой зоны и к проведению независимой денежно-кредитной и бюджетной политики. Только таким путем можно было затормозить безудержную инфляцию и начать подни-

мать экономику страны и уровень жизни населения.

Строго говоря, учреждение и введение национальной валюты входило в компетенцию правительства. Однако сознавая всю спорность и ответственность подобного шага, его поистине судьбоносную значимость, президент решил вынести этот вопрос на обсуждение парламента.

3 мая 1993 года на обсуждение сессии Верховного совета республики было вынесено состояние экономики страны, проблемы экономического кризиса и вопросы введения национальной валюты.

В докладе, с которым перед депутатами выступил президент Аскар Акаев, отмечалось, что в 1992 году в Кыргызстане объем валового внутреннего продукта уменьшился на 15 процентов, произведенный национальный доход – на 19 процентов. Дефицит республиканского бюджета достиг 12 процентов к валовому внутреннему продукту.

По существу Кыргызстан оказался в глубоком экономическом кризисе, сопровождаемом обнищанием основной массы населения. И едва ли может служить для нас утешением то, что ни одно из государств рублевой зоны не избежало таких же потерь, вызванных либерализацией цен.

Таким образом отсутствие реальной экономической самостоятельности республики, прежде всего такого ее инструмента, как национальная валюта, начисто лишили нас возможности противодействовать угрозе гиперинфляции. Ведь с нею можно бороться только при одном условии, если вы имеете реальные рычаги регулирования денежного обращения. Прежде всего национальную валюту.

Главным контрдоводом оппонентов была необеспеченность вводимых денег на первом этапе золотым запасом, иностранными валютными резервами, товарным покрытием и отсутствие реального стабилизационного фонда.

Чтобы успокоить оппонентов, Акаев заявил, что в соответствии с подготовленным с Международным валютным

фондом соглашением для поддержания на первых порах кыргызского сома Фонд предоставит республике кредит в 50 миллионов долларов сроком на 5-6 лет под 7,5 процента годовых. 60 миллионов долларов льготного кредита намерен предоставить Всемирный банк. Срок его возврата – 40 лет с отсрочкой платежа на 10 лет и под 0,75 процента годовых. Такую же сумму и в принципе на тех же льготных условиях готова выделить Япония. Кроме того, значительную финансовую поддержку новорожденному сому обещали США, Турция, Швейцария, Голландия. Заявил о своем намерении выделить льготный кредит на эти цели и Азиатский банк развития.

В этот же день после продолжительных обсуждений в постоянных комиссиях и жарких дебатов на вечернем заседании депутаты Верховного Совета республики дали добро на введение кыргызской национальной валюты – сома.

Был создан Комитет по ее введению во главе с тогдашним премьер-министром Турсунбеком Чынгышевым. А 10 мая 1993 года в республиканских средствах массовой информации было обнародовано постановление данного Комитета о введении с этого дня с 4 часов утра в обращение сома. Российские рубли, казначейские и банковские билеты Госбанка СССР, рублевые вклады и другие рублевые активы и пассивы подлежали обмену и пересчету в сомы по обменному курсу один сом на 200 рублей. В такой же пропорции должны были быть пересчитаны и все цены на товары и услуги на территории Кыргызстана.

В течение пяти дней после введения сома в Кыргызстане разрешалось обращение как сомов, так и рублей, а по истечении этого срока единственным законным платежным средством на территории республики становился сом.

С введением сома важнейшей задачей органов исполнительной власти на местах, фискальных и силовых структур, в том числе и соответствующих служб нацбезопаснос-

ти, считалось принятие всех мер для обуздания цен. Если в системе государственной торговли сделать это было несложно, то в коммерческих киосках и особенно на рынках торговцы решили воспользоваться моментом и устроили ценовую вакханалию, вызывая озлобленность и недовольство и без того не очень удовлетворенных денежной реформой граждан.

Спустя три недели после введения сома, между правительствами России и Кыргызстана было подписано Соглашение о неторговых платежах. Согласно ему стороны обеспечивали свободный перевод денежных средств физическим лицам, постоянно или временно проживающим на территориях двух государств по 20 видам неторговых операций и взаиморасчетов по неторговым операциям между министерствами и ведомствами двух стран.

В этот же день Центробанк России и Нацбанк Кыргызстана заключили Соглашение об организации расчетов. Была установлена договоренность об осуществлении расчетов и платежей за товары и услуги между двумя странами по взаимной договоренности экспортеров и импортеров в рублях, сомах или валюте третьих стран.

Учитывая серьезность и сложность ситуации, вызванной введением сома, соответствующим службам ГКНБ и МВД было поручено установить контроль за выполнением постановлений, декретов и распоряжений Комитета по введению национальной валюты и добиваться соблюдения порядка в сфере денежного обращения. Службы нацбезопасности должны были также отслеживать настроение основных групп населения, какие действия представителей частного предпринимательства и торговли вызывают наибольшие нарекания.

Как и ожидалось, наиболее распространенным, но не влекущим за собой серьезных негативных последствий нарушением оставалось ведение торговых операций за налич-

ные рубли. Верх здесь брала психология населения. Многим было очень непросто отречься от денег, которыми они привыкли пользоваться не одно десятилетие, и перейти на непривычные сомы.

К тому же уже первый месяц хождения национальной валюты показал, что законодательная ветвь власти отстает от запросов и реалий дня. В частности, 5 мая 1993 года Президент издал указ “Об упорядочении валютных операций и декларировании ввоза и вывоза наличных денег в любой валюте”. Однако в действительности рубли, доллары, другая иностранная валюта бесконтрольно и в больших размерах вывозилась из республики без соответствующего таможенного оформления. Но принять какие-либо меры воздействия к таким нарушителям было нельзя из-за отсутствия требуемой правовой базы.

Обнаружилось также, что отдельные должностные лица в банковской и финансово-кредитной системах вступают в сговор с частными лицами при проведении незаконных валютно-обменных операций.

Такое положение не могло не сказаться на рыночных ценах. Вскоре они медленно, но неуклонно поползли вверх. В данных условиях руководство республики сумело проявить выдержку и хладнокровие, удержавшись от выброса на рынок эмиссии сомов. По заявлению Нацбанка, даже в самые трудные для финансовой системы моменты на рынок не было выброшено ни одного инфляционного сома.

26 июля денежную реформу провела Россия, а 11 октября, через пять месяцев после Кыргызстана, объявили о переходе на собственную национальную валюту Казахстан и Узбекистан. Акаев и его сторонники и единомышленники праздновали победу. Их действия на опережение, хотя многими и осуждались, но в данном случае полностью оправдались.

ЧЕРНЫЙ ОКТЯБРЬ 93-го

Нет,

Россия не встанет опять на колени на вечные годы.

С нами – Пушкин, Толстой.

С нами весь пробужденный народ.

Евг. Евтушенко

Маховик событий, пик которых пришелся на 3-4 октября и которые потрясли не только всю Россию, начал раскручиваться гораздо раньше. До этих событий в стране существовало юридическое и фактическое двоевластие. Легитимность президента и легитимность парламента были равными. По действовавшей тогда Конституции Россия была одновременно и парламентской, и президентской республикой.

Подобное положение не могло устроить ни тогдашнего президента страны Бориса Ельцина, ни его главного оппонента спикера парламента Руслана Хасбулатова, которого энергично поддерживал вице-президент России Александр Руцкой.

Внешне могло показаться, что глубокий раскол элиты произошел из-за рычагов власти. Однако основной, хотя и мало ощущаемой, на тот момент причиной непримиримых разногласий был раздел собственности. Вокруг президента, обосновавшегося в Кремле, и вокруг Верховного Совета, расположившегося в “Белом доме”, консолидировались конкурирующие друг с другом претенденты на государственную собственность.

Борис Ельцин не мог не замечать, что его авторитет и популярность в народе стремительно убывают, а с ними все

заметнее утекает из его рук и власть. Нарастало народное недовольство как ходом экономических реформ, так и их жестокостью, опрокидывающей в бедность и нищету миллионы сограждан, отсутствием хоть каких-то позитивных подвижек в уровне жизни подавляющей части населения.

21 сентября был обнародован президентский указ № 1400 о роспуске парламента. И хотя данный указ был введен в действие, но армия, спецслужбы, лидеры региональных элит не спешили встать на сторону Ельцина. Более того, в противовес этому указу Хасбулатов в союзе с Рущким и их сторонниками срочно созывают на 23-е заседание Президиума Верховного Совета.

Формальное двоевластие привело к многослойному расколу общества. В частности, политсовет социал-демократической партии России выступил с заявлением, где отмечалось, что в условиях ползучей реставрации коммунистического режима и преступного игнорирования Верховным Советом волеизъявления народа на референдуме действия президента являются оправданными.

Руководители союзов и объединений промышленников и предпринимателей России также выступили с заявлением, в котором говорилось: “Мы всегда стояли и стоим за конструктивное сотрудничество с президентом Б. Ельциным. Но мы озабочены его действиями, попирающими законы и права народных депутатов”.

45 представителей Советов и глав администраций, собравшихся 25 сентября на экстренное совещание в Санкт-Петербурге отметили, что суть ситуации не только в незаконном поступке президента, резко обострившем кризис, не в роспуске недееспособного парламента, а в том, какую и каким способом создать новую, устойчивую систему власти. Они однозначно высказались за “нулевой вариант” — одновременно досрочные выборы и президента, и парламента.

О хаосе и неразберихе в коридорах власти Российской

Федерации свидетельствовало и то, что формально распущенный указом президента Ельцина парламент экстренно созвал внеочередной съезд народных депутатов и на заседании 23 сентября избрал исполняющим обязанности президента страны А. Руцкого. Новоиспеченный и. о. главы государства тут же провел пресс-конференцию, на которой выступил с заявлением о проведении 23 февраля 1994 года одновременных выборов президента и депутатского корпуса и призвал срочно отстранить от власти вождя псевдодемократов Бориса Ельцина.

В эти непростые для граждан России и тревожные дни администрации одних областей выступили в поддержку парламента, других – президента.

В связи со сложной внутривнутриполитической обстановкой в России Патриарх Московский и Всея Руси Алексей II прервал свой визит в США и вернулся в Россию. “Я буду обращаться ко всем ветвям власти в России, чтобы убедить их найти разумный компромисс, восстановить согласие, от которого сегодня зависит будущее нашего Отечества”, — заявил Патриарх.

В Кыргызстане, как и во многих странах мира, руководство страны и рядовые граждане напряженно следили за событиями в Москве. Причем, в Бишкеке следили напряженнее, чем где бы то ни было.

Во-первых, уже более сотни лет Россию и Кыргызстан связывали прочные и добрые узы братства.

А во-вторых, для Кыргызстана и его народа слишком многое зависело от расклада сил в Москве. Симпатии кыргызстанцев были на стороне Ельцина, который проводил вполне понятную и устраивающую нашу республику политику в российско-кыргызских отношениях. Тогда как победа тандема Руцкой-Хасбулатов, скорее всего, привела бы к значительному ухудшению этих отношений.

Уже в двадцатых числах сентября Москва жила в ожи-

дании серьезного конфликта между противоборствующими сторонами.

Председатель Верховного Совета России, вице-президент и значительная часть депутатского корпуса, выступившая на стороне спикера, в ответ на действия президента предприняли попытку встречного государственного переворота, подняв своих сторонников на вооруженный мятеж. Тем самым они дали президенту оправданный повод для обстрела и захвата штурмом “Белого дома”. К сожалению, не обошлось без человеческих жертв.

Из-за этих событий сорвалась деловая встреча группы специалистов кыргызского министерства торговли и материальных ресурсов с российскими коллегами, запланированная на 4 октября. В ходе этой встречи намечалось провести последнюю корректировку в документах по взаимопоставкам продукции на предстоящий год.

Как заявил журналистам тогдашний министр торговли и материальных ресурсов Кыргызстана Андрей Иордан, ситуация в Москве породила большие проблемы с выполнением обеими сторонами взятых обязательств. Мы верим, что демократия в России победит. И все же лучше, когда у партнеров все спокойно, и они знают, что будут делать завтра. А Россия является тем партнером, без которого Кыргызстану не обойтись. Причем, грузопотоки идут не только по линии межправительственных соглашений. Каналы налажены по прямым связям между регионами, областями, городами, плюс свои артерии у коммерческих структур.

Очень помогают россияне нашим земледельцам и энергетикам. Под выделенный целевой кредит в 15 миллиардов рублей Россия поставляла в Кыргызстан запчасти к сельхозтехнике, оборудование для электростанций и распределительных узлов. Без этих поставок национальная энергокомпания чувствовала бы себе в преддверии наступления зимы крайне тревожно и неуверенно.

7 октября в России было объявлено днем траура по жертвам вооруженной попытки государственного переворота. В этот день президент Борис Ельцин обратился к соотечественникам с призывом не забывать трагические события первых дней октября, чтобы никогда не допустить повторения безумия.

Скорбя о гибели россиян, он отмечал, что неуместно и кощунственно говорить о том, что кто-то победил, а кто-то потерпел поражение. Нас всех обожгло мертвящее дыхание братоубийства. Как бы ни разнились убеждения погибших, все они – дети России. Их гибель – это общая трагедия, общее горе.

К общему несчастью, слова эти в то время можно было отнести к различным регионам бывшего Союза. Мертвящее дыхание братоубийства обожгло или продолжало обжигать людей в республиках Средней Азии, Закавказья, в Приднестровье.

Однако в том октябре стремление развязать гражданскую войну в России, к всеобщей радости, потерпело крах. Мятежникам не удалось расколоть страну, нарушить единство армии и государства.

Говоря об уроках, которые необходимо извлечь для того, чтобы подобное не повторилось, Ельцин заявил, что главный из них состоит в том, что демократия должна быть надежно защищена. Государство должно применять силу, если возникает угроза насилия, угроза жизни и безопасности граждан. Надо признать, что этот урок был важным не только для россиян.

Сегодня трудно достоверно говорить, как конкретно обсуждали между собой российскую ситуацию президент Аскар Акаев и председатель ГКНБ Анарбек Бакаев, о чем говорили, оставшись наедине друг с другом. Но то, что такие обсуждения и совещания проводились систематически, — несомненно. Когда противоборство сторон только наби-

рало силу, и еще не было известно, кто в этом противостоянии возьмет верх, следовало быть готовым к любому исходу и в соответствии с этим строить свою дальнейшую политику во взаимоотношениях не только с Россией и партнерами по Содружеству, но и со странами дальнего зарубежья.

Нельзя было сбрасывать со счетов и то, что по примеру российских коллег, некоторые депутаты Жогорку Кенеша тоже хотели бы поставить парламент над президентом, диктовать ему свои условия.

Чтобы предотвратить повторение российского сценария в Кыргызстане, после трагических дней “черного октября” руководство республики провело в Бишкеке совещание лидеров ведущих общественно-политических сил с целью выработки общей позиции по отношению к событиям 3-4 октября в Москве.

Лидеры партий “Эркин Кыргызстан”, “Ата мекен”, “Асаба”, социал-демократической и коммунистической, Демократического движения Кыргызстана, Союза молодежи республики и других, а также ряда национально-культурных центров, несмотря на различие политических платформ, сошлись в основном, принципиальном. Все они высказались за решительную поддержку проводимых в России демократических реформ и недопустимость каких-либо вооруженных вылазок и провокаций, на которые, к сожалению, пошли защитники “Белого дома”.

Участники бишкекского совещания высказали дружное стремление приложить все усилия, чтобы не дать втянуть народ Кыргызстана в подобное внутреннее противостояние.

Такое заявление и предупреждение в тот период было сделано вовсе не в целях перестраховки. Достаточно сказать, что дестабилизация общественно-политической ситуации в России моментально отразилась на положении в Таджикистане. Не успели отгреметь выстрелы на Краснопресненской набережной в Москве, как силы таджикской оппо-

зиции предприняли новую попытку взять реванш за свое поражение. Крупная группировка таджикских боевиков прорвала таджикско-афганскую границу на участке между 10-й и 11-й заставами Московского погранотряда. Нарушителям удалось закрепиться и заминировать все подступы к своим позициям.

К счастью, кровавые московские события не повлияли так остро на положение в Кыргызстане. Хотя трудности становления демократии, переживаемые Россией, отмечались и в Кыргызстане. Как подчеркивалось в появившемся в те дни заявлении ЦИК Партии коммунистов Кыргызстана, определенные круги умышленно нагнетают политические страсти в обществе, пытаются навязать республике, не прошедший в России, “нулевой вариант”, добиваясь, чтобы на перевыборы пошли одновременно парламент и президент.

Отвечая в те дни на вопрос корреспондента одной из газет, откуда Кыргызстану следует ожидать опасности, Бакаев ответил, что лично ему угроза безопасности страны видится не от внешних сил, а от внутренних. И наиболее вероятная опасность таится на площадях и улицах наших городов. Именно на них возникают массовые беспорядки. К сожалению, исключать такие беспорядки нельзя, пока в экономике страны преобладает неразбериха, а переход на рельсы рыночной экономики не увязан с мерами социальной защиты.

Уже тогда Бакаев предсказывал, что если массовые беспорядки возникнут, то ими могут воспользоваться какие угодно силы. И хуже всего, если этими силами окажутся сторонники межнациональных распрей, исповедующие откровенную межэтническую вражду.

К сожалению, пройдут годы, и эти провидческие слова Анарбека станут горькой и страшной реальностью.

Давая собственную оценку событиям в России, президент Аскар Акаев подчеркивал, что они показали возмож-

ность коммунистического реванша. Надо признать, что к тому времени определенные силы отжившей тоталитарной системы пришли в себя после поражения в августе 1991 года. Они сумели не только консолидироваться, но и перешли в решительное наступление. Их цель – покончить с демократическими преобразованиями, положить конец курсу реформ. Мы должны быть бдительными, нельзя проявлять беспечность, ибо история знает немало примеров, когда подобная беспечность приводила к очень плохим последствиям.

Конечно, силы реванша точно рассчитали момент для атаки на демократию, учитывая те трудности, с которыми сталкиваются народы всех стран Содружества. Но они не учли возросшее политическое сознание народов.

Президенты независимых государств, говорил Акаев, внимательно следят за положением в России. Мы солидарны с демократами, задача которых – не допустить коммунистического реванша. Последствия этого могут быть трагическими: гражданская война, социальные потрясения.

К счастью, продолжил глава государства, в Кыргызстане никакого противостояния между исполнительной властью и парламентом нет. А есть конструктивное сотрудничество и нормальное оппонирование друг другу – это уважительные, честные отношения. Именно благодаря такому сотрудничеству и хорошему взаимопониманию с председателем Верховного Совета Медетканом Шеримкуловым в республике были приняты законы, заложившие прочную базу для развития рыночной экономики, демократического переустройства общества. Поэтому всяческие разговоры о конфликтах между двумя ветвями власти в Кыргызстане не имеют под собой почвы.

ПАРЛАМЕНТСКИЙ КРИЗИС

*Не может сын глядеть спокойно
На горе матери родной,
Не будет гражданин достойный
К отчизне холоден душой.
Николай Некрасов*

К сожалению, говоря о хорошем взаимопонимании между ним и парламентом вообще и его спикером в частности, Аскар Акаев пытался несколько притушить существующие разногласия, успокоить общественное мнение и в чем-то выдать желаемое за действительное. Ведь еще, примерно, за полгода до “черного октября” в Кыргызстане на апрельской сессии Верховного Совета развернулись ожесточенные словесные баталии между Президентом и депутатами в ходе принятия Конституции страны.

Особенно жаркие споры велись вокруг статей о полномочиях Президента. Несколько раз обсуждение некоторых положений Основного закона заходило, казалось, в неразрешимый тупик. Уже раздавались голоса о переносе вопроса о принятии Конституции на осеннюю сессию, а Президент вообще предложил передать проект ее на рассмотрение всенародного курултая.

Тогда совместными усилиями Президента и председателя Верховного Совета удалось преодолеть разногласия и противоречия.

Когда депутаты открыто продемонстрировали свое нежелание поддержать ни Президента, ни Конституционную комиссию, ни предложенный ею проект Основного закона,

слово взял Шеримкулов.

— Мы, — говорил он тогда, — стоим накануне парламентско-президентского кризиса. Но это может нанести огромный вред в тот период, когда происходит становление государства. Надо сказать открыто, что в парламенте занялись политическими играми. За нами 4,5 миллиона людей, всем нужна стабильная обстановка, которую могут взорвать определенные силы. Может произойти недоброе. Под угрозой срыва поставлены экономические реформы, и кризис способен привести к окончательному слому экономики.

Чтобы разрядить тупиковую обстановку, Шеримкулов предложил прервать обсуждение проекта и распорядился провести закрытое заседание сессии.

Тогда спикеру удалось убедить парламентариев принять Конституцию, и с той поры кыргызстанцы отмечают 5 мая как День Конституции.

Вот и на сей раз прошло всего несколько месяцев, и реалии жизни показали, что почва под разговорами о противостоянии между двумя ветвями власти все же была. Но если в апреле 1993 года спикер выступал активным сторонником разрядки напряженности, делал все возможное, чтобы Конституция страны была принята, то теперь он повел совершенно другую игру.

Не случайно вскоре журналисты республиканской прессы стали дружно называть Шеримкулова “кыргызским Хаббулатовым” и “крестным отцом президентской оппозиции”.

Однако президент страны, исходя из уроков российского “черного октября”, вполне резонно решил в этот критический и ответственный период заручиться поддержкой электората и положить конец все более набиравшим силу разговорам о его отставке и необходимости проведения досрочных выборов президента и парламента.

29 ноября Акаев выступил с Обращением к народу Кыргызстана.

— Сегодня, — говорилось в Обращении, — я подписал Указ “О референдуме в Кыргызской Республике 30 января 1994 года”. В соответствии с этим Указом на всей территории республики в воскресенье 30 января 1994 года назначен референдум – всенародное голосование по вопросу: “Подтверждаете ли Вы, что Президент Республики Кыргызстан, всенародно избранный 12 октября 1991 года на пять лет является Президентом Кыргызской Республики и вправе осуществлять на срок его избрания полномочия, установленные Конституцией Кыргызской Республики?”

В чем тут дело? Чем вызван этот Указ?

Одна из причин такого положения в том, что после принятия 5 мая 1993 года Конституции Кыргызской Республики ни Президент, ни парламент не получили мандата доверия и поддержки от народа Кыргызстана или, говоря иными словами, не имеют требуемой легитимности.

Вместе с тем, полномочия Президента республики по новой Конституции определенным образом изменились. Теперь он не является главой исполнительной власти. Однако на Президента возложено обеспечение единства государственности, обеспечение согласованного функционирования и взаимодействия всех государственных органов, всех ветвей власти.

Бакаев с одобрением воспринял этот шаг Акаева, счел его глубоко продуманным, рассчитанным не только на ближайшую, но и на более отдаленную перспективу. У набирающего политический вес и авторитет в народе Президента были хорошие перспективы получить всенародный мандат доверия. Этот шаг позволял ему выбить главные козыри из рук оппонентов, стабилизировать положение в стране, направить энергию масс на созидание, а не на бесплодные политические баталии.

Очень скоро время подтвердило правильность избранного главой государства и его командой тактического хода.

Первым зримым проявлением набирающих обороты разногласий между главой государства и Жогорку Кенешем стали участвовавшие нападки на Акаева в парламентской газете “Свободные горы”.

На обоснованные протесты и доказательные заявления пресс-службы Президента газета отвечала новыми, еще более грубыми выпадами. При этом спикер занял совершенно отстраненную (во всяком случае внешне) позицию. Ни единым словом или действием Шеримкулов не выразил своего отношения к выступлениям парламентского органа печати и к его разногласиям с пресс-службой главы государства.

Это было тем более подозрительно и странно, что в бытность секретарем ЦК компартии он весьма оперативно, остро и где-то даже болезненно реагировал на любое негативное по отношению к власти выступление печати, давал ему соответствующую оценку.

Подобная отстраненность дала повод некоторым наблюдателям прийти к выводу, что если Шеримкулов и не стоит прямо за нападками газеты на Президента, то, во всяком случае, относится к ним с молчаливым одобрением.

Набирающая силу конфронтация между Президентом и спикером привела летом 1994 года к серьезному парламентскому кризису. Первый тревожный звонок прозвенел, когда доверенные лица Акаева подали в суд иск на газету “Свободные горы” с требованием о защите чести и достоинства Президента.

Независимые эксперты были убеждены в том, что если бы спикер проявил больше гибкости и готовности пойти на компромисс, выступил с заявлением о признании ошибочности и несправедливости некоторых газетных выступлений, пообещал сменить руководство газеты, конфликт мог быть исчерпанным, не дойдя до суда.

По большому счету, этот процесс не был нужен никому. И прежде чем давать согласие на подачу заявления в суд,

Акаев имел достаточно продолжительные и не единичные консультации со своими советниками и ближайшим окружением, в том числе и председателем ГКНБ. Тщательно обсуждались все “за” и “против” подобного шага. И все же было принято решение привлечь газету к судебной ответственности, чтобы положить конец разнузданной клевете и стремлению опорочить честь и достоинство главы государства в расчете на безнаказанность.

Разумеется, Бакаев прекрасно понимал, что в тот момент Шеримкулов рассчитывал на то, что этот скандал со “Свободными горами”, серьезно уронит в глазах соотечественников и мировой общественности репутацию Акаева как сторонника гласности, свободы слова и поборника демократии. Но в то же время шеф ГКНБ при личных встречах с Шеримкуловым с глазу на глаз пытался убедить его отказаться от конфронтации с Президентом, не вносить раскол в общество. Анарбек искренне хотел предостеречь спикера от опрометчивых действий и поступков.

Вне всякого сомнения, убеждал он своего собеседника, авторитет Акаева в результате судебного процесса над парламентской газетой в определенной мере пострадает, но ведь в то же самое время будет нанесен серьезный урон имиджу Кыргызстана как центрально-азиатского “островка демократии”. И потом, не окажется ли этот процесс палкой о двух концах? Не ударит ли он с не меньшей, если не с большей силой по авторитету самого Шеримкулова?

Время показало, что и тут Бакаев оказался прав. Грехов за газетой “Свободные горы” набралось столько, что суд вынес решение о приостановлении ее деятельности.

Конечно же, ряд политических деятелей и журналистов расценили это решение суда, как откровенную атаку на демократические завоевания, как попытку ущемить, ограничить свободу слова. Однако многие депутаты (и не только

они) расценили поведение Шеримкулова, когда он не принял ни малейшего шага, чтобы сохранить парламентскую газету, как предательство интересов Жогорку Кенеша. Впрочем, так оно оказалось и на самом деле. Предусмотрительный, осторожный, избегающий острых конфликтов спикер в данном эпизоде поставил личные амбиции над интересами дела.

Наверное, правы были те депутаты и главы местных госадминистраций, которые прямо заявляли, что усилиями спикера и его окружения Жогорку Кенеш стал превращаться в арену сомнительных политических интриг. Общественность республики начала все настойчивее добиваться самороспуска парламента. Того же стали требовать от своих депутатов избиратели на местах.

13 сентября 1994 года состоялось депутатское собрание, принявшее решение о самороспуске парламента. Таким образом молодой суверенной республике удалось избежать серьезного противостояния между парламентом и исполнительной властью, удалось не довести дело до опасного и более серьезного по негативным последствиям конфликта.

После этого Шеримкулову несмотря на все последующие его попытки возвратиться в большую политику, сделать это так и не удалось.

КОРРУПЦИЯ, КАК ОНА ЕСТЬ

*Где взятки – там в полном развале дела,
Где взятки – там хворь, и – пропали дела!
Жусуп Баласагын*

Спустя год, накануне второй годовщины образования ГКНБ, Бакаев провел брифинг, посвященный состоянию коррупции в стране и путям борьбы с ней. Впрочем, этой проблеме он будет уделять постоянное и большое внимание на протяжении всего пребывания в должности главы этого ведомства.

Вряд ли он обострял ситуацию, когда говорил, что коррупция в Кыргызстане стала проблемой национальной безопасности, что от решения этой проблемы зависит не только будущее Кыргызстана, но и сам факт его существования. В те годы тема эта красной нитью проходила через многие выступления руководства республики.

С первых дней независимости устои суверенного Кыргызстана потрясала экономическая преступность. Криминальные структуры в союзе с коррумпированным чиновничеством за короткое время создали мощную теневую экономику, которая на равных конкурировала с экономикой официальной, учитываемой национальной статистикой.

Дело доходило до того, что представители организованных преступных группировок через коррумпированные государственные круги влияли на принятие решений на самом высоком государственном уровне.

Щупальцы гигантского спрута коррупции опутали все государственные, хозяйственные, финансовые, политические

органы и стали подлинным бедствием, если не сказать трагедией Кыргызстана.

В справке, подготовленной ГКНБ и подписанной А. Бакаевым, к одному из заседаний Совета безопасности отмечалось, что преступность глубоко проникла во все отрасли и секторы экономики, во все экономические процессы – производство и реализацию продукции и услуг, внешнеэкономическую деятельность, кредитно-банковские отношения, приватизацию госсобственности и др.

Анализ имеющихся материалов показывает, что сложность переходного периода, несовершенство законодательной базы, неустойчивое функционирование внутреннего рынка и слабый контроль за экономической ситуацией в целом способствовали активизации формирования преступных группировок, пользующихся протекцией должностных лиц из органов государственной власти.

За годы независимости республики сформировался слой богачей и сверхбогачей, цель которых не создание, а присвоение общественного богатства. В результате частный бизнес и предпринимательство фактически не получили развития. Монополизм как основа криминальной экономики не только не ослаб по сравнению с дореформенным периодом, а несопоставимо усилился.

Молодое государство разлагают коррупция и взяточничество. Возникает реальная угроза того, что в стране в скором времени появится не новый фронт борьбы за подъем экономики, не за воспитание деловых, честных предпринимателей, а все силы уйдут на противостояние с продажностью каждого второго должностного лица.

Коррупция способна лишить страну даже самой государственности, потому что любое наше решение будет блокировано или пойдет в искаженном виде. Мы уже живем в условиях коррумпированного государства, где многие государственные функции и услуги населению госслужащие вы-

полняют за деньги.

Отмечая причины и условия существования и распространения этого социального и общественного зла, подрывающего основы молодого независимого государства, председатель комитета нацбезопасности выделил главные из них.

Прежде всего, корысть отдельных чиновников и должностных лиц в переходный к рыночным отношениям период. В немалой степени этому способствует ослабление, а то и полное отсутствие дисциплины и государственного контроля на предприятиях, в учреждениях, организациях, учебных заведениях. Руководители многих из них, как правило, возложили всю полноту ответственности на правоохранительные органы, начисто забыв о том, что элементарный порядок должен начинаться с них самих.

Серьезно усугубляют проблему и грубые ошибки, допущенные в процессе приватизации госимущества, факты несправедливого его распределения, неравные возможности граждан – тех, кто хотел бы стать собственником, и тех, кто этой собственностью завладел.

С обстоятельностью и четкой логикой ученого А. Бакаев проанализировал и другие причины растущей коррупции. Это беспрецедентное для общества социальное расслоение населения, падение морально-нравственных устоев, когда на первое место выступают меркантильные интересы, неуверенность большинства граждан в завтрашнем дне, неудовлетворительная социальная и материальная защищенность государственных служащих и работников бюджетной сферы, безнаказанность за нарушения законов и неисполнение должностных и служебных обязанностей, правовой нигилизм практически во всех слоях общества, девальвация ценностей, в первую очередь, духовных.

К одному из наиболее серьезных минусов в борьбе с коррупцией и должностными преступлениями Анарбек Курамаевич относил социальную демагогию. Стоило сотрунди-

кам ГКНБ прищемить хвост какому-нибудь крупному чиновнику, тут же раздавались обвинения в атаке на демократические завоевания, в “охоте на ведьм”, попытке реанимировать 37-й год.

Позицию Бакаева в этом вопросе полностью разделял в то время глава государства. В конце декабря 1992 года был издан указ президента “О мерах по организации борьбы с коррупцией в системе государственной службы Республики Кыргызстан”. В соответствии с ним при ГКНБ было создано Управление по борьбе с коррупцией, контрабандой и наркобизнесом, при МВД – Главное управление по борьбе с экономической преступностью и коррупцией, при Генпрокуратуре – отдел по надзору за соблюдением законности, а Главное контрольно-ревизионное управление Минфина было преобразовано в Госфининспекцию при правительстве республики.

Будучи ряд лет оторванным от республики, Бакаев с огорчением и болью замечал серьезные провалы в управлении экономикой, разгильдяйство и некомпетентность управленцев едва ли не на всех уровнях, расточительство и неприкрытые хищения, искусственно нагромождаемые препятствия, тормозящие ход демократических реформ.

У него, как и у многих кыргызстанцев, вызывало тревогу и беспокойство то, что происходило в стране. Он ясно видел: если власть не сможет установить в стране должный правопорядок, сделать так, чтобы все развивалось в правовом цивилизованном русле, если не удастся остановить нарастающие негативные процессы, то может возникнуть ситуация, когда возникшие проблемы можно будет решать только при помощи силы.

Но вот охотников, желающих наводить в стране должный правопорядок, что-то не находилось ни на каком уровне пирамиды власти. Более того, со временем Бакаев стал все чаще замечать, что усилия его самого и его коллег в борьбе с этим злом не дают ожидаемого эффекта. Они как бы ухо-

дят в песок. Собранные по крупицам сотрудниками ГКНБ, зачастую ценой больших усилий и долгого времени, неопровержимые факты и доказательства коррупции, хищений, злоупотреблений служебным положением крупных чиновников, о которых он периодически докладывал главам государства и правительства, должной и ожидаемой реакции у них не вызывали. Даже когда об этих фактах сообщалось в печати, и они становились известными широкой общественности, дело чаще всего спускалось на тормозах.

В свое время в неблагоприятных проступках, а то и явных уголовных преступлениях были изобличены губернаторы Иссык-Кульской и Баткенской областей, акимы целого ряда районов, министры чрезвычайных ситуаций, госкомитета, порядка десяти депутатов Жогорку Кенеша. Однако ни один из них не был привлечен не то что к уголовной, но и вообще к какой-либо ответственности.

Подобное отношение руководства республики крайне угнетающе действовало на Бакаева, который свято верил в то, что справедливость и правда должны торжествовать всегда и во всем.

СОСЕД ПО ДАЧЕ

*Ничего я без друзей не значу,
Ни черта без них я не могу.
И они не могут жить иначе,
Видно, тоже у меня в долгу.
Андрей Дементьев*

Таким же, как Анарбек, максималистом, не допускающим даже малейших отклонений от генеральной линии выстраиваемой им жизни, был его сосед по правительственной даче Жумабек Ибраимов. Точнее даже не сосед. Ведь жили они в одном двухквартирном доме, под одной крышей. Только входные проемы у одного были с южной стороны, а у другого – с северной.

И судьбы этих двух весьма незаурядных людей оказались во многом схожими. Оба совершили крутое восхождение по карьерной лестнице, прежде всего в силу своих деловых и человеческих качеств, редкостного трудолюбия и упорства в достижении поставленной цели. И достигнув карьерных высот, оба они были сбиты, что называется, влет, в расцвете сил и лет, не осуществив многого из того, что хотели и могли бы сделать на благо страны и общества, на что были способны и как бы запрограммированы временем.

Будучи старше Анарбека на шесть лет, Жумабек пережил своего друга менее чем на полтора года. Безжалостная болезнь свалила этого жизнерадостного, сердечного и благородного человека, когда он едва перешагнул порог своего 55-летия.

В свое время о жизни и деятельности этого незауряд-

ного государственного и общественного деятеля, партийного и хозяйственного руководителя известный в Кыргызстане журналист и писатель Александр Иванов написал две книги – “*Вся жизнь – как взлет*” и “*Знаки судьбы*”. Вторая книга написана в форме документально-художественной повести в новеллах. И одна из новелл посвящена дружбе Анарбека Бакаева и Жумабека Ибраимова. С любезного позволения автора мы воспользуемся некоторыми фрагментами этой новеллы.

Так получилось, что после того как Бакаев, став слушателем Академии общественных наук, переехал в Москву, его кресло в служебном кабинете первого заместителя заведующего отделом оргпартрabоты ЦК компартии Киргизии занял Ибраимов. А некоторое время спустя кыргызстанцы избрали его депутатом Верховного Совета СССР, где ему было поручено исполнять обязанности заместителя председателя комитета по безопасности и обороне. Бакаев в ту пору работал в ЦК КПСС. Так что встречаться в тот период им приходилось довольно часто. Сближало их не только то, что были они земляками, оба родом из Кеминского района. Куда существеннее было то, что уже тогда они прониклись симпатией друг к другу, почувствовали родство душ. Хотя внешне производили впечатление совершенно разных людей. Вот как об этом пишет в документальной повести А. Иванов.

«На первый взгляд, у Жумабека и Анарбека было мало общего. Высокий, худой, с заострившимися чертами все еще болезненного цвета лица Жумабек казался замкнутым, сухим, закованным в латы условностей, человеком в себе. И только те, кто давно были знакомы с ним, знали, какой это искренний и горячий собеседник, сколь богат и разнообразен его внутренний мир.

Другое дело Анарбек. Его общительность, жизнерадостность сразу бросались в глаза. Пошутить, посмеяться, вовремя вставить остроумную реплику или рассказать анекдот

– в этом он был мастер. От коренастой, крепко сбитой фигуры Анарбека и его широкого, полного лица веяло неиссякаемым здоровьем. Философ по образованию, по своей природной сути, Бакаев последние годы работал министром национальной безопасности. И в результате философ в нем оказался несколько потеснен, отодвинут как бы на второй план. Там, где требовала служба, а требовала она почти везде и всегда, Анарбек был собран, сосредоточен, как идущий по следу охотник. “До двух лет человек учится говорить, а потом до пятидесяти – держать язык за зубами”, — этому золотому правилу он следовал в делах службы неукоснительно.

Что же объединяло этих, казалось бы, столь непохожих людей? Ну, во-первых, те возвращенные в них нравственные принципы, которые сродни библейским и которые говорят о чистоте душ и намерений. А во-вторых, близость подходов к создаваемому в стране новому обществу, пока еще больше похожему на гадкого утенка, но стремящемуся во что бы то ни стало превратиться со временем в прекрасного лебедя.

Несмотря на разницу жизненного опыта, — Бакаев на несколько лет был моложе Жумабека – оба одинаково понимали, какие трудности ждут республику на этом пути и какие необходимо предпринять меры, чтобы приблизить желанную перспективу.

Среди многих людей, с кем судьба сводила Жумабека на извилистых дорогах жизни, Бакаев занимал особое место. Ибраимову было легко и комфортно общаться с Анарбеком. Они всегда находили общий язык, шел ли разговор о делах семейных, или он касался серьезных государственных проблем. Оба прошли хорошую партийную школу, оба, где бы ни работали, ставили во главу угла, прежде всего интересы государства и общества, оба были убеждены, что власть должна служить народу, а не обслуживать самое себя и эли-

тарную группу высших чиновников.

Объединяло их и то, что оба они не придавали слишком уж серьезного значения карьерному росту и достаточно равнодушно относились к внешним проявлениям пиетета, как бы положенного по определению людям их ранга. Более того, лесть, комплименты, восхваления по их адресу и Анарбека, и Жумабека ставили в неловкое положение, выводили из себя, раздражали. Наверное, потому, что они знали истинную цену всем этим признакам чрезмерной почтительности и уважения.

Чем выше поднимался Бакаев по служебной лестнице, тем сильнее тревожило его чувство ответственности, возрастало стремление к улучшению ситуации в стране, искоренению коррупции, мздоимства, воровства, хищений. По природе своей больше адвокат, чем прокурор, он делался неговорчивым и жестким, когда сталкивался с этим буквально захлестнувшим всю небольшую республику злом. Особенно он становился неуступчивым и бескомпромиссным, когда приходилось иметь дело с коррупционерами и мздоимцами высокого ранга. Тут он не делал скидок ни на родство, ни на землячество, ни на приятельство.

Как-то раз к нему обратился довольно близкий родственник, оказавшийся “под колпаком” следствия. Мол, не мог бы Анарбек оказать тому содействие, замять дело, спустить его на тормозах. Ну, а он уж в долгу не останется.

Затребовав дело своего родственника, Бакаев внимательно изучил его и, при встрече с просителем без обвиняков заявил: “Если я чем и могу помочь тебе, так это тем, чтобы ты скорее попал за решетку”. После этого многие из родственников отшатнулись от него, но и обращаться с просьбами подобного рода перестали.

Анарбеку нравилась легенда, согласно которой, Всевышний, создавая Землю, уготовил Кыргызстану роль своей дачи. И он искренне не понимал, почему же, имея такую

плодородную землю, столь щедрое солнце, превосходную воду, значительная часть народа живет в бедности, а государство вынуждено жить в долг.

Одну из причин этого Бакаев видел в том, что значительная часть крупных чиновников оказалась поражена синдромом временщиков. Министры, губернаторы, акимы, руководители силовых структур, оказавшись в теплом кресле, дорвавшись до власти, первым делом стремились извлечь из положения максимум выгоды для себя, своего кармана, думая, что их все равно вскоре сменят. Вот и хапают, пользуясь моментом, как будто им удастся все нахапанное унести с собой в вечную жизнь. Хоть бы подумали, что оставят своим потомкам, какую память о себе.

Занимая высшую в стране чекистскую должность, Бакаев оставался глубоко порядочным, искренним и свободно мыслящим человеком. Вот только довериться каждому, раскрыть свою душу, поделиться своим сокровенным он позволить себе не мог. Да ведь далеко не каждый и поймет тебя, даже если ты будешь с ним предельно откровенен. Наверное, потому он так и ценил Ибраимова как друга и собеседника.

Все-таки удивительная это вещь человеческая психология. Как бы мы ни старались быть объективными, но воспринимаем окружающий нас мир, оцениваем его через призму нашего дела. Вынужденный постоянно иметь дело с негативными фактами разгула беззакония, воровства и коррупции, Бакаев крайне негативно оценивал общее состояние дел в республике, пессимистично смотрел на ее будущее. Ибраимов же, по горло занятый нескончаемыми большими и малыми проблемами города, не знающий и минуты покоя, хотя и разделял мнение Анарбека относительно того, что метафазы взяточничества и коррупции поразили все общество и уже угрожают не только нравственному здоровью общества, но и самой безопасности государства, все же был настроен

более оптимистично. Ему доводилось каждодневно и постоянно общаться с людьми активными, деятельными, с людьми, которые конкретными делами приближают благополучное и светлое завтра. Жумабеку, занимающемуся реальным созидательным делом, было легче проникнуться верой в добрые плоды перемен, в успехи ближайшей и более отдаленной перспективы, чем Анарбеку, изо дня в день вплотную сталкивающемуся с преступными деяниями и вынужденному разгребать эти авгиевы конюшни криминала.

Преступностью были охвачены в молодой суверенной республике финансовые и хозяйственные структуры, верхние эшелоны власти. Все в государстве продавалось и покупалось – должности, почетные звания, государственные награды. Правительство загружало ведомство Бакаева, что называется по полной катушке. Поручения сыпались как из рога изобилия. То требовалось разобраться с работой того или иного коммерческого банка, то следовало выяснить, в чем причина небывалого финансового успеха одного из ведущих объединений по производству алкогольной продукции, то необходимо было строго конфиденциально проверить сигналы, поступившие на некоторых губернаторов.

Но когда он докладывал на заседаниях правительства о результатах проведенных проверок и настаивал на принятии соответствующих мер, глава правительства его урезонивал: “Вы что же, Анарбек Курамаевич, хотите нас вернуть в 37-й год, или забыли, что президент призывает нас всех к построению цивилизованного демократического общества? Нет, ежовые рукавицы мы ни к кому применять не будем”. И постепенно все спускалось на тормозах. Многодневная, кропотливая и большая работа сотрудников ведомства оказывалась безрезультатной, практически шла вхолостую.

Занимая высокое положение в обществе, друзья, конечно же, часто вели разговоры на важные для них темы, избегая при этом называть имена видных политиков, хозяй-

ственников, государственных и общественных деятелей. Да в их беседах этого и не требовалось. Они и так, без упоминаний и намеков, прекрасно догадывались, о ком ведет речь собеседник.

Склонный к философствованию, воспитанный в студенчестве на трудах Платона, Аристотеля Маккиавели, Бакаев не упускал случая, чтобы обсудить со столичным градоначальником вопросы новой для молодой республики президентской власти, задачи правительства. В тот период Кыргызстан, впрочем, как и все вчерашние союзные республики распавшегося Советского Союза, испытывал серьезные экономические трудности. В создавшихся условиях, делился своими мыслями Анарбек, задача правительства поддерживать равновесие между интересами отдельной личности и общества. А чтобы успешно решать эту задачу, необходимо руководствоваться принципами морали и справедливости, закона и порядка. Правительство не должно забывать, что каждое общество состоит из множества личностей, и каждую из них необходимо побуждать к участию в общем созидательном труде, приложению своих сил и способностей к созданию больших благ для своей страны и сообщества. Цивилизованное государство создается на фундаменте морали и этики. Однако его выживание во многом зависит также от безостановочного прогресса и развития...»

Через некоторое время после смерти Бакаева президент страны предложит Ибраимову возглавить правительство Кыргызстана. И в этот, к сожалению, крайне не продолжительный период пребывания в должности премьер-министра он часто будет вспоминать своего друга и думать, как ему сейчас не достает размышлений и рассуждений Анарбека о власти, правительстве, руководителе.

В новелле “Знаки судьбы”, давшей название всей книге, Александр Иванов поведал о серьезном разговоре приятелей. Оба остро переживали о том, что, некоторые персо-

налии, занимающие весьма высокое положение на пирамиде власти, даже не подозревают, насколько глубок охвативший республику кризис. Да и сам глава государства порой занимает страусиную позицию, пряча голову в песок, чтобы не замечать всей суровой и неприглядной действительности. И тут всегда сдержанный и не привыкший жаловаться Бакаев посетовал, мол, если бы рядовые кыргызстанцы узнали всю правду, с которой ему приходится сталкиваться ежедневно, они бы вышли на улицы с требованием отправить в отставку существующее правительство. На что всегда тонко понимавший и сочувствовавший ему Жумабек рассказал притчу, которую услышал еще в студенческие годы. Суть притчи такова.

Один мудрец задался целью отыскать на земле правду, чтобы хоть раз в жизни посмотреть, какова же она в действительности. Побывал на севере, на юге, на западе. Исходил множество стран, но правды так и не нашел. И вот однажды на востоке он оказался в маленькой и бедной стране. И когда уже смирился с мыслью, что и здесь ему не найти правды, как вдруг случайно встретившийся ему дервиш, которому мудрец поведал о своих безуспешных поисках, сказал: “Я знаю, где скрывается правда, которую ты ищешь. Но я бы не советовал тебе смотреть на нее, чтобы не разочароваться”. Но мудрец умолял дервиша показать ему правду, поскольку это было самой заветной целью его жизни. И тогда незнакомец привел мудреца в полуразрушенную пагоду на окраине города. В углу небольшого пыльного зала стояла статуя в человеческий рост, накрытая грубым черным покрывалом.

— Вот, — сказал дервиш, — перед тобой то, что ты так долго искал. Смотри.

Сдернув покрывало, мудрец увидел омерзительную голую фигуру с вызывающим отвращением и ужасом на лице.

— Что это? – воскликнул потрясенный мудрец.

— Это твоя голая правда, – последовал ответ. – А те-

перь скажи, если бы ты знал, какая она, стал бы так долго и настойчиво разыскивать ее?

— Да, теперь я знаю, какова правда на самом деле, — ответил еще не пришедший в себя от увиденного мужчина. — Но только как я расскажу об этом людям? Ведь мне никто не поверит.

— А ты солги, — посоветовала неожиданно заговорившая статуя, — и тогда тебе все поверят.

Помолчав немного, точно осмысливая только что услышанное, Бакаев произнес:

— У Фридриха Ницше есть изречение, как бы подтверждающее смысл этой притчи: “Истина, подобно всем женщинам, требует, чтобы ее любовник стал ради нее лгуном”.

И еще чуть-чуть помолчав, добавил: “А ведь, действительно, правда очень часто бывает страшной, и далеко не все готовы и хотят знать ее во всей наготе. А вот ложь, лесть всегда выступают в нарядных одеждах. И многие охотнее выслушивают их и не любят тех, кто говорит правду”.

Склонность к философским размышлениям заглушить в Бакаеве не мог даже генеральский китель. Философ брал верх над министром нацбезопасности, поскольку первый сидел в нем от рождения, а второй возник много позднее да и то лишь по игре случая.

В студенческие годы и позже в числе самых читаемых и почитаемых авторов был у него один из наиболее сложных для понимания и истолкования политических мыслителей эпохи Возрождения Никколо Макиавелли. А из сочинений этого великого итальянца он выделял произведение “Государь”. В нем автор показывает модель абсолютного монарха, который с помощью всех средств – жестокости и обмана, демагогии и справедливости, хитрости и прямоты – обеспечивает сохранение, укрепление и расширение своей власти.

Едва этот труд был напечатан в крайне ограниченном

количестве экземпляров, как на его создателя обрушилось негодование правящих лиц Флоренции. Одни обвиняли Макиавелли в неслыханном цинизме, с которым даются советы государю, другие – в скрытом стремлении разоблачить характер существующего режима.

По установившейся со школьных лет привычке Бакаев выписал в общую тетрадь некоторые максимы из “Государя”, которые вызвали такие споры современников и продолжают вызывать споры у читателей 500 лет спустя. Приведем некоторые из них.

“Существуют два способа действия для достижения целей: путь закона и путь насилия; первый способ – способ человеческий, второй – способ диких животных; но так как первый способ не всегда удается, то люди прибегают иногда и ко второму. Государи должны уметь пользоваться обоими способами. Эта мысль выражена аллегорически у многих древних писателей: Ахиллес и многие другие Правители и герои древности воспитывались, по их словам, у центавра Хирона, наблюдавшего за их действиями. Мысль этого мифа ясна: учитель – получеловек и полуживотное показывает, что Государи должны развивать в себе как человеческую, так и животную сторону, без чего власть их не может быть прочна”.

“Государь не должен бояться осуждения за те пороки, без которых невозможно сохранение за собой верховной власти, так как, изучив подробно разные обстоятельства, легко понять, что существуют добродетели, обладание которыми ведет только к гибели лица, обладающего ими, и есть пороки, усвоив которые, Государи могут только достигнуть безопасности и благополучия”.

“...Государи, когда дело идет о верности и единстве их подданных, не должны бояться прослыть жестокими. Прибегая в отдельных случаях к жестокостям, Государи поступают милосерднее, нежели тогда, когда от избытка снисхо-

дительности допускают развиваться беспорядкам, ведущим к грабежу и насилию, потому что беспорядки составляют бедствие целого общества, а казни поражают только отдельных лиц”.

“Презирают только тех Государей, которые выказываются нерешительными, непоследовательными, малодушными и легкомысленными”.

Глядя на разгул преступности, которая на первых порах суверенитета буквально захлестнула общество, Бакаев считал, что происходит это в значительной мере от того, что далеко не каждое прегрешение влечет за собой верное и неотвратимое наказание. На что Ибраимов приводил свои доводы. Мол, наш интеллигентный президент своим лояльным и либеральным отношением к правонарушителям создает Кыргызстану привлекательный имидж в глазах зарубежных партнеров. А начни он круто закручивать гайки, его недоброжелатели из оппозиции такой шум поднимут, изображая из махровых уголовников жертв политических преследований, что наши иностранные доноры и инвесторы поспешат отвернуться от нас. Но, посуди сам, можем ли мы сегодня выйти из кризиса собственными силами, без помощи со стороны?

Однако и тут Бакаев отбил удар собеседника, призвав на помощь древнегреческого мудреца Аристотеля: “Чрезмерная добродетель так же вредна для государства, как и чрезмерный порок”.

Бакаев, с его неискоренимой тягой к справедливости, с его активным неприятием лжи, нечестности, двурушничеству и двойной морали сильно мешал тем из окружения президента, кто старался использовать власть и должностные полномочия, прежде всего, в сугубо личных интересах. Тем самым он наживал достаточно влиятельных врагов. Нередко ему звонили по телефону с советами поубавить свое рвение и прямыми угрозами.

Надо сказать, что некоторые влиятельные лица побаи-

вались председателя ГКНБ не беспричинно. Бакаев отнюдь не собирался мириться с установившимся положением и взирать хладнокровно на творившиеся беззакония. Время от времени общественность республики узнавала об акциях, проведенных сотрудниками органов нацбезопасности. Одной из них стало неожиданное для многих задержание всей верхушки Государственной акционерной корпорации “Кыргызалко” — генерального директора, его заместителя, одновременно являвшегося директором Бишкекского ликеро-водочного завода, и главного бухгалтера корпорации.

Однако это были только цветочки. Настоящая бомба взорвалась 12 сентября 1996 года на заседании Совета безопасности республики под председательством Президента страны.

Выступая на заседании уже в ранге министра национальной безопасности, Бакаев подчеркивал, что на данном этапе развития суверенного Кыргызстана экономическая безопасность стала одной из острейших проблем. Преступность, проникая во все области экономики, бюджетной сферы, стала мощным тормозом на всех направлениях рыночной реформы. Анарбек Курамаевич называл имена конкретных должностных лиц и государственных чиновников, которые были причастны к разбазариванию государственных средств, нецелевому использованию иностранных кредитов, приводил кричащие факты бесхозяйственности и злоупотреблений служебным положением.

Обсуждение основного вопроса повестки дня продолжалось более шести часов. По его итогам в тот же день глава государства издал указ об освобождении от должности губернаторов Иссык-Кульской и Нарынской областей, глав трех районных госадминистраций. Строгие выговоры были объявлены губернатору Чуйской области, а также первому вице-премьер-министру и вице-премьер-министру, курирующему аграрный сектор республики.

Несколькими днями позже по рекомендации участников этого заседания Совета безопасности постановлением премьер-министра за серьезные нарушения государственной и финансовой дисциплин были освобождены от занимаемых должностей первый заместитель губернатора Иссык-Кульской и два заместителя губернатора Ошской области, первый заместитель акима Жеты-Огузского района.

Широкая общественность Кыргызстана с удовлетворением встретила указ президента и постановление главы правительства, видя в этих актах начало процесса очищения, перехода от слов о необходимости решительной борьбы с коррупцией и злоупотреблениями властью к реальным делам.

Вот как писал в те дни об этих решениях в одной из республиканских газет депутат Законодательного собрания Жогорку Кенеша Ишенбай Кадырбеков: “Я рад тому, что процесс очищения власти начался. И начали его люди, которым сделать это было нелегко, поскольку привлекаемые к ответственности лица были их коллегами и единомышленниками. Представляю, как главе государства было больно терять тех, кто вчера был единомышленником. Еще больнее было осознавать, что единомышленники предали. Предали те, кому президент поверил и кого назначил на высокий пост, и тем самым взял на себя моральную ответственность за них перед своим народом”.

Зная об угрозах в адрес Бакаева, Ибраимов испытывал нешуточную тревогу за безопасность своего друга. “Тебе непременно нужна личная охрана, — как-то в разговоре заметил он. — Тебе и твоей семье. Поверь мне, люди, которые тебе угрожают, не шутят”.

— Ты, Жумабек, не первый, кто предлагает это, — возразил Анарбек. — Только зачем мне охрана. Мировая практика показывает, что, если кто вознамерился свести с кем-то счеты, его никакая охрана не остановит. Разве не было охраны у Джона Кеннеди или Индиры Ганди? А я, по чести

говоря, не та фигура, чтобы иметь личную охрану.

Чего-чего, а самоиронии и строгого пристрастия в оценке собственной персоны Анарбеку было не занимать.

— Конечно, — согласился Жумабек. — В конечном счете, тебе решать, как поступать в такой ситуации. Но только задолго до нас замечено: береженого Бог бережет.

Никто из друзей тогда и подумать не мог, что до рокового дня, который перечеркнет жизнь и судьбу Анарбека Бакаева, оставалось чуть больше месяца.

БОГАТСТВО, СТАВШЕЕ ЯБЛОКОМ РАЗДОРА

6 марта 1993 года многие газеты не только республики, но и ряда стран СНГ опубликовали информацию ИТАР-ТАСС. В Кыргызстане, сообщалось в ней, получены первые сто килограммов собственного золота. Республика обзавелась собственным золотым запасом. Первые сто килограммов золота в слитках получены на Кара-Балтинском горнометаллургическом комбинате. Правда, отмечалось далее, из-за трудностей нынешнего переходного периода цех аффинажа пока остановлен, но тем не менее это не умаляет значимости события. В Кыргызстане довольно обширные запасы золота.

В те торжественные и радостные для республики дни мало кто подозревал, что золото Кыргызстана станет на долгие годы головной болью и яблоком раздора в обществе, в стенах парламента, в коридорах власти. Не предполагал тогда и Анарбек Бакаев, что станет в республике одним из наиболее осведомленных специалистов в сфере, связанной с установлением соглашений и договоренностей по добыче и аффинажу кыргызского золота, что периодически ему придется возвращаться к разбирательствам по этому делу.

В информации не сообщалось, из каких недр были получены эти сто килограммов драгметалла. Однако в республике всем было хорошо известно, что в ту пору интенсивные работы велись лишь на двух золотых месторождениях — Макмал, расположенном в Джалал-Абадской области, и одном из самых высокогорных золоторудных месторождений в мире Кумтор. Расположено последнее в восточной

части Северного Тянь-Шаня на территории Иссык-Кульской области, в 350 километрах от Бишкека, на высоте свыше четырех тысяч метров над уровнем моря, в зоне вечной мерзлоты. Именно с этим месторождением был связан то затихавший, то набравший новую силу громкий скандал.

Открыто месторождение Кумтор было в 1978 году и, по оценке специалистов, с запасами в 716 тонн драгметалла входит в десятку наиболее значительных золотых месторождений на территории бывшего СССР. Вообще же в бывшем Советском Союзе по разведанным запасам золота Кыргызстан занимал третье место, уступая лишь России и Узбекистану.

Однако того, что добывалось в советские годы в первых двух республиках, с лихвой хватало на пополнение золотовалютных запасов, на экспорт в зарубежные страны, на технические и ювелирные нужды. А потому добывать руду с содержанием 3,8-4 грамма золота на тонну породы да еще в сложных географических и горно-геологических условиях правительство считало нецелесообразным.

Но с распадом Союза и обретением суверенитета Кыргызстан был поставлен перед необходимостью самостоятельно разрабатывать запасы собственных недр. В тот период в одном из правительственных документов прямо отмечалось, что “одним из приоритетов экономической политики правительства Кыргызской Республики по стабилизации экономики, одобренной Жогорку Кенешем, признано увеличение производства золота на основе быстреешего вовлечения в хозяйственный оборот запасов золоторудных месторождений с привлечением иностранного капитала.

Как у богатой невесты, у республики выстроился солидный шлейф женихов, каждый из которых предлагал свои условия по разработке тех или иных месторождений. В частности, свои услуги по освоению самого богатого в республике месторождения Кумтор предлагали такие корпорации,

как “Ньюмонт”, “Моррисон-Кнудсен”, “Пан-Америкэн”, “Грайнберг Продакшн”, “Хемко”, турецко-американская “БМБ”, британская RTZ, Де Бирс, канадская компания “Камеко”.

4 декабря 1992 года в Торонто между правительством Кыргызстана и корпорацией “Камеко” было подписано генеральное соглашение о создании совместного кыргызско-канадского предприятия “Кумтор голд компани” для разработки месторождения Кумтор сроком на 50 лет. При этом прибыли будут делиться из расчета две трети кыргызской стороне, одна треть – канадской.

В качестве безвозмездного вклада в финансирование проекта канадская сторона вносит 45 миллионов долларов США. Кроме этого, она должна получать кредиты от мировых финансовых институтов.

Однако 10 декабря на заседании сессии Верховного Совета республики, в ходе которой депутаты должны были ратифицировать данное соглашение, с неожиданным сообщением выступил недавно назначенный председателем госконцерна “Кыргызалтын” Дастан Сарыгулов. Он заявил, что ратифицировать кыргызско-канадский договор нельзя, поскольку республика от него никакой выгоды не получит. По некоторым сведениям, “Камеко” испытывает серьезные финансовые затруднения, тогда как Кумтором готовы заняться более могучие и богатые фирмы с солидной репутацией.

Вынужденный выступить вслед за этим Президент Аскар Акаев заявил, что слова Сарыгулова стали для него полнейшей неожиданностью. Расценив выступление руководителя “Кыргызалтына” как “золотой” нож в спину правительства и Президента, глава государства постарался четко обосновать позиции по договору с “Камеко”.

И все же, несмотря на все старания Акаева, ратификацию договора депутаты отложили до прояснения ситуации и создали парламентскую комиссию по вопросу о золоте Кыр-

гызстана. С этого момента “золотой вопрос” затмил все остальные важные и не очень проблемы молодой суверенной республики.

Работа “золотой” комиссии длилась без малого пять месяцев. Нет ничего удивительного в том, что каждый из девяти ее членов находился под пристальным вниманием широкой общественности, в том числе и работников СМИ. Разоблачительные статьи том, как коррумпированные ответственные работники кыргызского правительства разбазаривают и разворовывают золото республики, начали появляться в российских и отечественных газетах, этой теме были посвящены многие телевизионные сюжеты.

Еще парламентская комиссия по золоту не завершила своей работы, еще не были обобщены и представлены президенту, правительству и сессии Верховного Совета результаты проверки, а уже некоторые бишкекские газеты опубликовали ее секретные записки. Основной вывод членов комиссии сводился к тому, что “коррумпированное киргизское правительство в угоду своим личным интересам растранижило золотой запас государства”. Исходя из этого, депутаты потребовали “освободить Турсунбека Чынгышева от обязанностей премьер-министра, а Кемельбека Нанаева от должности директора Национального банка за развал экономики Кыргызстана, разбазаривание золотого запаса и иностранной валюты, содействие зарубежным мафиозным компаниям в разграблении национального богатства страны”.

Окончательные заключения парламентариев по Кумторскому соглашению были представлены президиуму Жогорку Кенеша в конце июня, а 5 июля 1993 года тогдашний спикер парламента Медеткан Шеримкулов подписал постановление о записках депутатской комиссии по проверке золотого запаса республики.

Деятельность парламентской комиссии изначально действовала на Чынгышева, как красная тряпка на разъяренного

быка. Созвав 26 августа “круглый стол с прессой”, премьер-министр не смог удержаться от грубых оскорблений и безосновательных нападок на депутатов, входивших в состав комиссии. Заявив, что все они самозванцы, избравшие сами себя, премьер в довершение ко всему назвал их карьеристами и пьяницами. Хотя к таковым при всем старании трудно было отнести, скажем, 73-летнего Турдакуна Усубалиева или всеми уважаемую бывшую заместителя председателя Совмина республики Жамал Ташибекову.

Отвечая на вопросы журналистов, глава правительства заявил, что выявленные факты и рекомендации депутатской комиссии по золоту не стоят выеденного яйца и являются не более чем политической игрой, что выводы комиссии разбиты правительством в пух и прах. Хотя в постановлении правительства от 4 августа “О записках депутатской комиссии Жогорку Кенеша Кыргызской Республики по проверке золотого запаса республики”, подписанной самим Чынгышевым черным по белому говорилось: “Согласиться с выводами депутатской комиссии Жогорку Кенеша Кыргызской Республики о необходимости дополнительного обсуждения генерального соглашения с канадской корпорацией “Камеко” по месторождению Кумтор в части совершенствования организационно-правовой формы совместной деятельности, повышения роли кыргызской стороны в принятии решений на всех уровнях управления проектом”.

Сочтя себя незаслуженно оболганными и оскорбленными, депутаты обратились в Первомайский районный суд гор. Бишкека с иском к премьер-министру Т. Чынгышеву о защите их чести и достоинства. Суд признал, что депутаты оскорбились вполне оправданно, и обязал Т. Чынгышева извиниться перед ними через телевидение и другие средства массовой информации и выплатить каждому члену парламентской “золотой комиссии” по 100 сомов за понесенный ими моральный ущерб.

Отвлекаясь от понятного стремления правительства оправдаться перед лицом общественности, вернемся к выводам парламентариев. В главном они сводились к тому, что при заключении генерального соглашения и концессионного договора о разработке месторождения Кумтор было допущено много нарушений. В ходе работы парламентской комиссии, по инициативе ее членов и по настоянию кыргызского правительства, в документы было внесено около 60 поправок и дополнений, улучшающих их качество и усиливающих позицию Кыргызстана.

Поскольку в записках депутатов речь шла о незаконном вывозе из республики 1670 килограммов обогащенного золотого песка для аффинажа в Швейцарию, в результате которого непонятно куда “испарились” полтора килограмма металла, а также о судьбе богатейшего золоторудного месторождения страны, играющего важную роль в обеспечении ее экономической безопасности, это дело не могло не привлечь внимания соответствующих служб ведомства, возглавляемого Анарбеком Бакаевым.

В результате детального и скрупулезного изучения множества документов, ознакомления с различными точками зрения специалистов и политиков, как отечественных, так и зарубежных, Бакаев пришел к выводу: золотой концентрат вывозился на аффинаж в Швейцарию вполне законно и оправданно, поскольку на тот момент своего завода в республике еще не было.

Исчезновение 1,5 килограмма золота при аффинаже – процесс неизбежный. Иногда потери в ходе производственного процесса достигают 2,5-3 процентов, а не 0,09 процента, как в нашем случае.

Как это ни прискорбно для Кыргызстана, но приходится признать, что ни в тот период, ни в более поздний, ни в настоящее время республика не в состоянии самостоятельно, без привлечения заокеанских помощников освоить такие

месторождения золота, как Кумтор, Джеруй или Талды-Булак Левобережный по трем основным причинам.

Во-первых, их освоение у республики не получится из-за низкого уровня применяемой в отрасли технологии. К сожалению, в стране применяются достижения вчерашнего дня.

Во-вторых, нельзя сбрасывать со счетов финансовую сторону вопроса. У республики не было и нет собственных средств на эти цели. Требуется кредиты. Но едва ли найдутся международные финансовые институты, которые согласились бы выдавать Кыргызстану почти полумиллиардные долларовые кредиты под такое рискованное предприятие.

В-третьих, на тот период страна не располагала соответствующими кадрами подготовленных специалистов и рабочих, которые могли бы эффективно разрабатывать эти месторождения.

Хотя Чынгышев называл рекомендации депутатской комиссии по золоту политической игрой, именно ее выводы поставили крест на политической карьере премьер-министра. На декабрьской сессии парламента депутат Т. Усубалиев предложил премьер-министру добровольно оставить высокий пост. Еще дальше пошел вице-президент Феликс Кулов. Он обратился к Президенту с прошением об отставке, объяснив свой шаг тем, что как вице-президент считает не этичным ставить на голосование вопрос о недоверии премьер-министру Т. Чынгышеву.

Когда отставка Кулова была принята, он тут же поставил этот вопрос на голосование, и таким образом участь главы правительства была решена.

ВСЯ ЖИЗНЬ И ОДНО МГНОВЕНИЕ

Feci, quod potui, faciant meliora potentes

(я сделал все, что мог, и пусть, кто может, сделает лучше – лат.)

1995 год оказался для Бакаева весьма плодотворным. Запоминающейся и очень полезной стала встреча руководителей служб национальной безопасности республик Центральной Азии и Закавказья в Ереване. Коллеги обсудили актуальные вопросы совместного противостояния международному терроризму и экстремизму, борьбы с незаконными перемещением, торговлей и потреблением наркотиков, контрабандой оружия и взрывчатых веществ, похищением и торговлей людьми. Ярким событием стал для участников встречи прием у католикаса всех армян Вазгена.

Ну, а самое главное — наконец-то удалось довести до логического конца и добиться привлечения к судебной ответственности некоторых высокопоставленных чиновников за экономические преступления. Ведь прежде все докладные записки и заявления, направляемые главам государства и правительства, изобличающие солидных государственных чиновников в злоупотреблениях, оставались без должного внимания.

Это порождало у мздоимцев уверенность в своей полной безнаказанности, а в гражданском обществе складывалось устойчивое мнение, что ГКНБ либо благодушествует, либо идет на поводу у расхитителей, либо совершенно бессильно хоть как-то повлиять на сложившееся положение вещей.

И вот, похоже, дело сдвинулось с мертвой точки. Заметный рост результативности работы органов нацбезопасности был по достоинству отмечен и оценен как рядовыми кыргызстанцами, так и госструктурами. По итогам года независимая газета “Кыргыз руху” назвала Бакаева в числе десяти наиболее выдающихся в республике людей года. А 29 декабря указом президента ему было присвоено воинское звание генерал-лейтенанта. Так что новый год Анарбек встречал в кругу семьи в самом радужном расположении духа.

Однако праздничные дни, которыми традиционно изобилует начало января, прошли, и им на смену вновь пришли напряженные трудовые будни. Бескомпромиссный характер, незыблемый принцип ставить интересы дела выше личных пристрастий вызывали неподдельное уважение у одних и ярую ненависть у других. В числе ярых недругов Бакаева оказался и председатель комиссии Законодательного собрания Жогорку Кенеша по борьбе с коррупцией и организованной преступностью. В свое время этот человек провел несколько месяцев в следственном изоляторе ГКНБ за вполне реальные должностные правонарушения. С той поры осталась в душе его обида на чекистов. И оказавшись игрою судьбы депутатом парламента, он не упускал удобного случая, чтобы бросить тень на спецслужбы, вылить на ГКНБ очередную порцию грязи. Дело дошло даже до того, что этот депутат обвинил ведомство в том, что оно представляет определенную опасность для государства и общества. Ни больше, ни меньше.

И хотя подобные нападки, особенно со стороны такого влиятельного на тот момент лица, сильно задевали Бакаева, внешне он старался сохранять спокойствие и не подавать вида, что это его серьезно волнует. В этот период как нельзя кстати оказалось важное и конфиденциальное поручение президента подготовить не имевшее аналогов за годы незави-

симости республики заседание Совета безопасности. К его подготовке были привлечены министерства финансов, национальной безопасности, внутренних дел, Генпрокуратура, государственные налоговая и финансовая инспекции. О беспрецедентном в истории Кыргызстана заседании Совета безопасности уже рассказано выше. О том, какой ценой досталась Бакаеву подготовка к нему, свидетельствует то, что вскоре после этого на одном из заседаний правительства, где шло бурное обсуждение предлагаемых Бакаевым мер по обузданию коррупции, у него случился сердечный приступ. Хорошо, кто-то из присутствующих вовремя предложил ему сильнодействующее лекарство.

Он принимал близко к сердцу все, что происходило в республике, и тяжело переживал сложившуюся ситуацию. Будучи человеком в высшей степени ответственным и обязательным, не умеющим подводить поверивших в него людей, он выполнял порученные дела и возложенные на него обязанности на совесть, с максимальной отдачей своих сил и в полную меру отпущенных ему способностей.

К сожалению, далеко не всегда и не во всем находил он взаимопонимание с главой и некоторыми членами правительства. Многие из них считали его максималистом, человеком не способным идти на какие-либо компромиссы даже в интересах дела. В свою очередь и Анарбеку было трудно примириться с тем, что люди, которым было доверено решать судьбы общества и государства, не только не хотели брать на себя ответственность за результаты принимаемых ими решений, но и всякими правдами и неправдами старались переложить ее на чужие плечи.

После долгих и трудных размышлений Анарбек принял твердое решение подать прошение об отставке. Тем более, что и Айгуль неоднократно настаивала на этом. Видела она, как остро переживает ее муж все негативные проявления и недостатки окружающей действительности. Понимала, как

сложно ему работать в обстановке, когда нет взаимопонимания и поддержки со стороны руководителей государства и правительства. Это было особенно тяжело, учитывая роль и специфику спецслужб в обществе и государстве.

Однако премьер-министр, к которому Бакаев обратился с просьбой об отставке, попросил не спешить с этим важным и ответственным вопросом. Во-первых, премьер и сам не хотел терять такого работника. В глубине души он ценил и уважал Анарбека за честность, преданность делу, глубокую внутреннюю порядочность, твердость и бескомпромиссность. Качества, которых так недоставало многим из членов его Кабинета. А во-вторых, был на все сто процентов убежден глава правительства, что эту отставку не примет и не одобрит президент.

Попутно заметив, что Бакаев работал в последнее время с заметным перенапряжением и сильно устал, премьер посоветовал ему полежать неделю-другую в больнице, после чего взять трудовой отпуск, как следует отдохнуть, набраться сил, а там будет видно.

Пробыв две недели в больнице, где его основательно обследовали и слегка подлечили, Бакаев отправился на малую родину, в Кеминский район. Казалось бы, и недалеко его родное село от Бишкека, сотни километров не будет, но вот почти два года прошло, пролетело с момента его последней поездки сюда. Планировал провести с родными и близкими неделю, но пробыл только три дня. Что-то неудержимо потянуло его домой.

В понедельник 21 октября 1996 года Бакаев проснулся в хорошем настроении.

Под стать настроению, выдался день. Ласковый, теплый, какие нередко бывают в Кыргызстане на экваторе осени.

Первым делом Анарбек подумал, что в 10 утра он должен быть в аэропорту “Манас”, находиться по протоколу в

числе провожающих президента. Глава государства направился в этот день в Ташкент, на встречу глав центрально-азиатских государств. Телефонogramму с этим сообщением еще в пятницу ему передал его помощник.

Около девяти утра служебный “Фольксваген-Пассат” министра нацбезопасности въехал на территорию министерства. При выходе из машины Бакаев поинтересовался у водителя прапорщика К. Садыбакасова: “Если выедем в 9.30, к десяти успеем в аэропорт “Манас”?”

— Успеем, товарищ генерал, — ответил шофер.

Слова водителя успокоили Бакаева. Надо сказать, генералу нравился его водитель. Проработавший в системе госбезопасности четверть века, Кудайберген хорошо усвоил специфику и особенности службы, строго соблюдал ее писанные и неписанные правила, умел держать язык за зубами. Был исполнителен, точен, выдержан. К своему шефу относился в высшей степени уважительно, но без подобострастия и стремления выслужиться, чем импонировал министру.

Всегда готовый прийти на помощь, хорошо чувствующий ситуацию, Садыбакасов в то же время не был полакейски усложлив. В любой обстановке он не терял чувства собственного достоинства. Главное же, он был профессионалом высокого класса, чувствовал машину, как живой организм, и всегда содержал ее в должном порядке. Впрочем, по иному на таком ответственном посту и быть не могло.

По заведенному порядку, едва министр зашел в кабинет, начальник секретариата МНБ Р. Базаралиева занесла ему папку с документами, требующими его визы, и утреннюю почту. Бегло просмотрев бумаги в папке, Анарбек Курамаевич отложил их, пояснив ожидавшей папку с завизированными документами Базаралиевой: “Вернусь из аэропорта, просмотрю и подпишу”.

Едва женщина покинула кабинет, к министру зашел его

первый заместитель генерал В. Верчагин. Бакаев по селектору попросил секретаршу принести им чай.

О чем беседовали с глазу на глаз министр и его первый зам., можно только догадываться. Наверное, Верчагин коротко доложил обстановку и то, чем занималось министерство в отсутствие первого лица. Разговор затянулся, и собеседники вышли из кабинета, когда стрелки часов показывали 9.40.

Пока министр находился в отпуске, Валерий Верчагин дал устное указание о том, чтобы телохранители постоянно сопровождали Бакаева и членов его семьи. Чем это было вызвано, осталось тайной: приказа или какого-либо письменного распоряжения на этот счет не последовало. Но как бы там ни было, министру были выделены два телохранителя из числа сотрудников МНБ. График дежурств они устанавливали по договоренности сами.

Как на грех, дежурного телохранителя майора Ю. Погибы на месте не оказалось, и К. Садыбакасов тщетно искал его по министерству. Водитель не знал, и ему в ходе поисков никто не сказал, что телохранитель с утра позвонил в МНБ и, сославшись на болезнь, предупредил, что на работу не выйдет.

— Ничего страшного, — узнав об этом, успокоил водителя Бакаев, привычно садясь на заднее сиденье. — Поехали без него.

Однако, когда машина уже трогалась с места подбежал второй телохранитель, майор А. Козарезов. Спросив у министра разрешение, он сел рядом с водителем.

Выехав за город, на автостраду, ведущую в аэропорт, водитель набрал привычную скорость 90-100 километров в час. Но министр, посмотрев на циферблат наручных часов, попросил увеличить скорость, заметив: “Опаздываем”. Слегка усилив давление на педаль газа, Садыбакасов довел стрелку спидометра до 105.

По пути “Фольксваген” обогнал рейсовый автобус. Водитель автобуса тогда еще подумал по поводу шофера иномарки: “Если так торопишься, то надо выезжать пораньше, а не устраивать гонки на трассе”. Не догадывался в тот момент автомобилист, что через короткое время он будет вынужден отвечать на дотошные вопросы следователей как один из очевидцев жуткой автомобильной катастрофы.

В тот ясный утренний час видимость была хорошая, дорога свободной, движения почти никакого, если не считать одного рейсового автобуса, обогнанного по пути, да одну иномарку, которая на подъезде к повороту обогнала “Фольксваген” министра.

Однако за единственным поворотом за которым осталось каких-нибудь полтора километра до аэропорта, началась полоса не очень густого и привычного для этой зоны тумана. По данным метеостанции аэропорта, видимость в тумане в то утро здесь составляла 200 метров.

И тут Садыбакасов увидел впереди осуществляющий разворот грузовой ЗИЛ. Вообще-то по всей трассе Бишкек–аэропорт “Манас” предусмотрено одностороннее движение. Две полосы автострады разделены достаточно широким зеленым газоном. Но через определенные интервалы предусмотрены разворотные полосы. Одна из них расположена в непосредственной близости от аэропорта. Вот на ней и произошла трагедия.

Убрав ногу с педали газа, Садыбакасов начал тормозить, одновременно сигналижая и мигая фарами. Следствие потом установит, что торможение началось за 32 метра до места столкновения.

ЗИЛ остановился на разделительной полосе. Решив, что водитель грузовика их увидел и дает возможность “Фольксвагену” беспрепятственно проехать, прапорщик нажал на педаль газа. И тут неожиданно ЗИЛ начал движение и, выехав на дорогу, полностью перекрыл ее. Экстренное торможение

и резкий поворот руля вправо не смогли предотвратить рокового столкновения.

Позже следствие придет к выводу, что при сложившихся дорожных условиях Садыбакасов уже чисто технически не мог избежать аварии.

Ударившись о бензобак ЗИЛа, помятый всмятку “Фольксваген” пролетел по инерции с десятков метров и остановился, уткнувшись тем, что осталось от капота, в придорожный тополь.

Буквально через минуту мимо места аварии проехала машина тогдашнего мэра Бишкека Бориса Силаева. Он оказался последним из официальных лиц, кто спешил на церемонию проводов главы государства, и первым очевидцем дорожного происшествия.

Приехав в аэропорт, Силаев тут же отправил своих водителя и телохранителя к месту автокатастрофы. Подъехав к разбитой иномарке, те увидели зажатого штангой рулевого управления и находившегося в бессознательном состоянии Садыбакасова. Залитый кровью Анарбек Бакаев лежал внутри машины на полке, не подавая ни малейших признаков жизни. Менее всех пострадал телохранитель. У него оказалась незначительно поврежденной лишь рука. Сидевший на переднем сиденье рядом с водителем, он успел предпринять необходимые меры самозащиты.

С помощью телохранителя подъехавшие переложили министра на сиденье и высвободили водителя. В это время мимо проследовал президентский кортеж.

Вернувшись в аэропорт, телохранитель Силаева доложил своему шефу, а также находившемуся тут же министру внутренних дел Омурбеку Кутуеву и парням из охраны президента о ЧП с министром Бакаевым.

Не дожидаясь отлета президента, Кутуев тут же отправился к месту происшествия. Первым делом он распорядился вынести находившегося в бессознательном состоянии

Бакаева из покоренного “Фольксвагена” на свежий воздух до приезда врачей “скорой помощи”.

В тот злополучный день за рулем ЗИЛа находился 32-летний уроженец города Фрунзе. Отец троих детей. За два дня до автокатастрофы он отмечал день рождения дочери. А поскольку следующий день был воскресенье, празднование дня рождения продолжилось с новой силой и длилось чуть ли не до позднего вечера.

А в понедельник утром водитель ЗИЛа, еще не пришедший в себя после вчерашних обильных возлияний (как позже установит следствие, в состоянии алкогольного опьянения средней степени), сел за руль.

Беда общества в том, что людей, подобных этому водителю, которые не считают преступлением в пьяном виде садиться за руль автомашины, превращаясь в потенциальных, а нередко и в буквальных убийц, становится все больше.

И тут уже не знаешь, чему ужасаться больше – тому, что человека, находящегося в состоянии средней степени опьянения, допускают к работе и выпускают на автотрассу, или же тому, что это стало нормой повседневной жизни, обычным явлением, которое никого не пугает и не настораживает. И это несмотря на то, что по вине таких вот горе-водителей число жертв неуклонно увеличивается.

Как это бывает всегда в подобных ситуациях, автомобильная авария, повлекшая тяжелейшую травму министра национальной безопасности, вызвала в республике широкий общественный резонанс. За сравнительно короткую историю независимости Кыргызстана, по сути только вступившего на путь суверенного развития, это было второе дорожно-транспортное происшествие, жертвами которых стали высокопоставленные государственные деятели.

Четырьмя годами раньше при весьма загадочных обстоятельствах в автокатастрофе погиб премьер-министр республики Насирдин Исанов и Бакаев возглавлял комиссию по

расследованию этой трагедии.

По странному стечению обстоятельств, и в той аварии 1992 года никто из находившихся в салоне легковушки лиц серьезно не пострадал, а сидевший на заднем сиденье, между двумя спутниками Исанов практически погиб на месте.

В данном же случае Бакаев остался в живых, но находился в глубочайшей коме.

Немые свидетели и участники ДТП-то, что осталось от некогда нарядного “Фольксвагена-Пассат”, и совершенно целехонький ЗИЛ ММЗ-4502, если не принимать во внимание помятый бензобак, были отбуксированы в гараж МНБ.

Тем временем главы трех силовых ведомств, генпрокурор республики Асанбек Шаршеналиев, министр внутренних дел Омурбек Кутуев и первый заместитель министра нацбезопасности Валерий Верчагин издали совместный приказ. В нем, в частности говорилось: “Учитывая общественную значимость происшествия, сложность и большой объем следственно-оперативных и розыскных мероприятий, создать следственно-оперативную группу...”. Возглавить ее было поручено опытному старшему следователю по особо важным делам при генпрокуроре Б. Нурмаматову. В состав группы вошли одиннадцать наиболее опытных и высокопрофессиональных специалистов генпрокуратуры, управления внутренних дел и Чуйской области и Сокулукского РОВД, руководители областного уголовного розыска и госавтоинспекции, начальники управления по борьбе с оргпреступностью и отдела по борьбе с терроризмом МНБ и следователь данного министерства.

Члены оперативной группы начинают отрабатывать несколько версий происшествия. Случившееся – обычное, рядовое ДТП, преднамеренное покушение на жизнь министра нацбезопасности, акт возмездия или же террористическая вылазка.

Никто не предполагал, что следствие, при других об-

стоятельствах занимающее обычно месяц, от силы два, растянется чуть ли не на год. Оперативники будут самым тщательным образом, по несколько раз изучать и перепроверять, чуть ли не поминутно последние часы жизни Бакаева и события, предшествовавшие трагедии. Следственными мероприятиями будут охвачены все населенные пункты в радиусе нескольких километров вокруг аэропорта “Манас”. Будут проверяться люди, находившиеся с министром до аварии и в момент ее.

Серьезному анализу подверглась и работа сотрудников ГАИ. В тот день все соответствующие службы должны были быть оповещены об ожидаемом перемещении официальных лиц о трассе Бишкек — аэропорт “Манас”. Кроме того, по протоколу обязательное сопровождение ГАИ было положено пяти должностным государственным лицам. Министр госбезопасности относился к их числу. Однако ни сопровождения милицейской машины с мигалкой, ни даже работников ГАИ на трассе в тот день не было.

О предстоящем маршруте начальник управления ГАИ МВД был оповещен почему-то всего лишь за 30 минут до начала движения, вместо положенных двух часов. Он тут же приказал дежурному МВД срочно сообщить об этом начальнику ГАИ Чуйской области. Однако тот в это время находился на совещании у руководства областного УВД.

Дежуривший на расположенном на данной автомагистрали стационарном “гаишном” посту “Ак-Жол” майор госавтоинспекции, получивший по радиации важное сообщение напрямую от дежурного УГАИ МВД только в 9.50, успел выставить на трассу всего лишь трех оказавшихся под рукой инспекторов движения. На большее ни людей, ни времени не хватило.

По результатам данного ДТП начальнику УГАИ МВД был объявлен выговор, начальника Чуйского обл. ГАИ предупредили о неполном служебном соответствии. Командир

взвода обл. ГАИ старший лейтенант милиции, отвечавший за безопасность дорожного движения на автомагистрали Бишкек – аэропорт, был освобожден от занимаемой должности за то, что его подчиненные не выявили вовремя водителя, в нетрезвом состоянии управлявшего транспортным средством.

Что касается самого водителя ЗИЛа, то ему было предъявлено обвинение в нарушении правил безопасности движения, повлекшим причинение потерпевшим А. Бакаеву и К. Садыбакасову тяжких телесных повреждений. Поскольку данное нарушение было совершено по неосторожности, а не по злому умыслу, суд счел возможным осудить водителя на пять лет лишения свободы с отбыванием срока в колонии-поселения. Кроме того, Министерство нацбезопасности предъявило ему иск на 280242 сома за причиненный материальный ущерб – разбитый “Фольксваген-Пассат”, который после такой аварии восстановлению не подлежал.

ПРОШУ СЛОВА

Чрезвычайный и Полномочный Посол КР в Австрии
Лидия Иманалиева

И в те трагические горестные октябрьские дни судьба опять свела меня с Анарбеком. Я находилась по делам службы в Москве, возвращаясь из Бухареста, и одной из первых узнала об этой страшной автоаварии. Мне пришлось сопровождать профессора В. Амчеславского, видного ученого-нейрохирурга, зав. отделением реанимации клиники Бурденко из Москвы в Бишкек. Все мысли были о состоянии Анарбека...

Я часто вспоминаю его, вспоминаю, как мы молились всем богам, чтобы вернуть нашего друга из драматически фатальной комы. Были проблески радости и надежды, что появлялись импульсы сознания, что японские чудо-врачи пробудят его и мы опять увидим его с тонкой ироничной улыбкой на лице.

Сколько он мог еще полезного сделать в своей жизни!
Его жизнь до обидного оказалась короткой.

В нашей памяти Анарбек остался прекрасным семьянином, великолепным отцом и любящим мужем. А еще он остался человеком с большим и добрым сердцем.

Добро он дарил безвозмездно, везде и всегда, и оно разворачивалось, как знамя, благодарно заставляя сильнее биться твое сердце.

МЕЖДУ ЖИЗНЬЮ И СМЕРТЬЮ

*Друзья, живите так, чтоб вас
Не проклинали люди,
Не радовались в черный час
Печали вашей люди.
Асади Туси*

Еще находившегося в глубокой коме Анарбека Бакаева спешно везли в Республиканскую клиническую больницу, а лучшие медицинские силы Кыргызстана уже собрались в операционной, чтобы оказать ему срочную помощь. В те минуты никто еще не догадывался, какой затяжной и упорной окажется борьба за его жизнь, какие поистине мировые светила от медицины подключатся к этой борьбе.

Едва пострадавший оказался в реанимационной палате, как тут же началась кропотливая и трудная работа по сохранению его жизни. Бакаева незамедлительно подключили к аппарату искусственного дыхания, и тут же начали переливать кровь. В консилиуме участвовали тогдашний министр здравоохранения Кыргызстана Накен Касиев, кардиолог с мировым именем академик Мирсаид Миррахимов, один из ведущих нейрохирургов республики академик Миталип Мамытов, ведущие специалисты по другим направлениям медицины.

Когда в больницу приехала Айгуль, которой незамедлительно сообщили по телефону о случившейся беде, она поразилась большому скоплению людей в больничном дворе. Тут были нынешние и прежние сослуживцы и коллеги ее мужа, друзья семьи, добрые приятели и просто незнакомые

люди, пришедшие сюда, едва они узнали о беде. Пришли, чтобы поддержать в трудную минуту пострадавшего генерала, узнать, не нужна ли какая помощь.

Еще находясь в Ташкенте, Президент страны постоянно звонил, интересовался состоянием здоровья Бакаева, требовал принять все меры, подключить все имевшиеся в республике возможности и ресурсы, чтобы оказать ему максимально эффективную помощь. По возвращении в Бишкек Акаев первым делом направился в больницу, чтобы лично убедиться, в каком состоянии находится министр КГБ, какие созданы условия для лечения.

ПРОШУ СЛОВА

Павел Васько, генерал-лейтенант, заместитель командующего Восточным пограничным округом в 1992-1996 годах

Известие о страшной автоаварии, в которую попал А. Бакаев, дошло до меня, когда я находился в Москве. Оно повергло меня в шок. Не хотелось верить, что этот всегда позитивно настроенный человек, замечательный семьянин, надежный товарищ, высокий профессионал и настоящий патриот Кыргызстана находится между жизнью и смертью.

Я тут же вылетел в Бишкек и в этот же день посетил своего друга в больнице. Он находился в коматозном состоянии. Хотя ход лечения и состояние Анарбека Курамаевича находились на контроле Президента А. Акаева, которому регулярно докладывали даже о самых незначительных изменениях, возможности кыргызской медицины были крайне ограничены.

Связавшись по телефону с командованием пограничными войсками, я подробно проинформиро-

вал, в каком состоянии находится Бакаев, как проходит курс лечения. Командующий Погранвойсками России генерал-армии Андрей Николаев распорядился выделить специальный самолет, на котором в Бишкек доставили российских и японских специалистов и медицинское оборудование, которого не было в республике.

В те безрадостные дни, размышляя о несправедливости и злокозненности судьбы, я вспомнил, как однажды дотошный журналист спросил у меня, какие несимпатичные мне человеческие качества я бы выделил у Бакаева. После некоторого замешательства я вынужден был признаться, что таких качеств за ним не замечал. Зато симпатичных, импонирующих мне – сколько угодно.

Занимая важный и чрезвычайно ответственный государственный пост, Анарбек Курамаевич был удивительно открытым, демократичным и доступным человеком. Он настолько ставил дело выше личного покоя и амбиций, что по делам службы ему можно было звонить в любое время дня и ночи.

Командование группой пограничных войск было лишь одной гранью деятельности председателя ГКНБ. Круг проблем национальной госбезопасности значительно шире. Но, пожалуй, не было на территории республики пограничной заставы, на которой бы он ни побывал. При этом он никогда не ограничивался знакомством с начальствующим и офицерским составом. Везде в обязательном порядке беседовал с рядовыми пограничниками, интересовался, как они обеспечены обмундированием и питанием, чем занимаются в свободное от несения нарядов время. Непременен встречался с членами се-

мей пограничников, вникал в их повседневный быт.

О его человеческих качествах можно в какой-то мере судить и по тому, что как некоторые его товарищи не старались, но так и не смогли пристрастить его к рыбалке и охоте. Хотя стрелок он был отменный. Однако стрелять предпочитал в тире, а не по живым мишеням. Он не находил удовольствия и азарта в том, чтобы губить братьев наших меньших.

Вскоре после той злополучной автоаварии меня перевели на службу на Северный Кавказ. О смерти Анарбека Курамаевича я узнал, находясь там. Его безвременная кончина до сих пор глубокой болью отзывается в моей душе. Я всегда с теплотой и благодарностью вспоминаю о днях нашей совместной службы и о нашей дружбе. Я часто бывал в доме Анарбека Курамаевича и Айгуль Даутовны. Да и теперь, когда выпадают редкие случаи, я с удовольствием выезжаю на рыбалку с его сыном Искендером. И в такие моменты мне кажется, что я вновь общаюсь с генералом Бакаевым, слышу его чуть глуховатый рассудочный голос, вижу добрую ироничную улыбку.

За те годы, что ее муж работал в ЦК КПСС, Айгуль Даутовне приходилось не однажды пользоваться услугами кремлевской больницы. Не понаслышке знала она, какими могут и должны быть условия в современных лечебницах. А потому, ее повергло в шок состояние даже ведущих, лучших лечебных учреждений республики. После этого она с еще большим уважением и восхищением стала относиться к отечественным работникам медицины. Работая по большей части на устаревшем оборудовании и в условиях, весьма далеких от современных стандартов, они буквально творили чудеса. Только теперь до нее дошел глубокий смысл слов,

которые всякий раз произносили зарубежные медики, приезжающие в Кыргызстан: “У вас превосходные врачи, обладающие золотыми руками, но крайне бедная и отсталая медицина”.

Постоянно находясь рядом с мужем, Айгуль была свидетельницей и участницей всего процесса лечения. Очень скоро она стала своим человеком в этой группе специалистов, научилась безошибочно разбираться в сложных медицинских терминах, понимать, о чем идет речь.

Профессором Миталипом Мамытовым Бакаеву были сделаны две сложнейшие операции на головном мозге. Практически вслепую. Позднее в Москве, в клинике Н. Бурденко, куда переведут пострадавшего министра, московские хирурги будут стоя аплодировать своему бишкекскому коллеге Мамытову. Как они потом с нескрываемым восхищением скажут ему: “Такие операции, какие сделал вами, возможно проводить только при наличии и под контролем компьютерной томографии.

К сожалению, в Бишкеке подобная аппаратура имеется только в одной лечебнице и проведение таких сложных операций, какие потребовались при лечении генерала Бакаева, в ней не предусмотрено.

На следующий после операции день из Москвы в Бишкек военным самолетом были доставлены заместитель директора НИИ нейрохирургии им. Н. Н. Бурденко профессор А. Потапов и находившийся в то время в Москве для консультаций по поводу лечения пострадавшего в Чечне генерала А. Романова директор Токийского нейрохирургического центра профессор Т. Субокава.

Сразу же по прибытии в Бишкек они осмотрели в больнице генерала Бакаева и стали намечать методику лечения. Это имело решающее значение для всего дальнейшего хода врачевания. Два мировых светила нейрохирургии определили перечень необходимой медицинской аппаратуры, лекар-

ственных препаратов, последовательность действий.

В дальнейшем, в течение двух месяцев, пока Бакаев находился на излечении в Бишкеке, из НИИ им. Н. Бурденко в Киргизию прилетали специалисты и совместно с местными врачами проводили намеченные процедуры и наблюдали за течением болезни.

Лечение министра было возложено на лучших и наиболее квалифицированных специалистов реанимационного отделения республиканской больницы. Каждый день ровно в 9 часов утра у постели больного собирались ведущие врачи во главе с министром здравоохранения Н. Касиевым, академиком М. Миррахимовым, профессором М. Мамытовым, осматривали его, анализировали изменения в состоянии здоровья, определяли тактику лечения на ближайший период.

Для круглосуточного контроля за положением пациента были созданы дежурные бригады врачей и среднего медперсонала, в которых постоянно находились врач реанимационного отделения республиканской больницы и врач госпиталя Министерства национальной безопасности. Одновременно с этим у палаты министра было организовано постоянное дежурство сотрудников МНБ.

Следует отметить, что никогда прежде пациента подобного ранга и в таком состоянии в данной лечебнице не было. И со многими проблемами, как чисто медицинского, так и организационного характера, персоналу пришлось столкнуться впервые. И в этих условиях в полной мере проявились высокие профессиональные и организаторские способности министра здравоохранения Н. Касиева и сотрудников МНБ. Благодаря их слаженности и четкости действий все проблемы решались оперативно, на высоком уровне.

Айгуль осознавала, какие замечательные специалисты борются за жизнь ее мужа. Но и в этом созвездии медицинских светил ее особенно поражал и восхищал академик Мирсаид Мирхамидович Миррахимов. Неизменно элегантный, строгий,

подтянутый, он всегда появлялся в палате в одно и то же время. Лечащий медперсонал, зная о пунктуальности всемирно известного кардиолога, находился уже у постели больного.

В действиях и рекомендациях академика не было и намека на какой-либо шаблон. Всякий раз следовали новые назначения, предписывалось нечто отличное от предыдущего. То, что делал Миррахимов, опрокидывало в ее глазах привычные представления о том, что курс лечения должен быть стабильным и последовательным, отличаясь время от времени лишь незначительными вариациями.

И все же, какими бы ни были высокими компетенция и профессионализм отечественных врачей, люди не боги и не волшебники. И они не могут знать все обо всем и быть осведомленными обо всех новшествах в мировой медицинской практике.

Пользуясь своим авторитетом и своими возможностями, глава государства подключил к участию в лечении Бакаева крупнейших специалистов из разных стран. В частности, 22 ноября 1996 года на его имя поступило письмо от председателя директорского совета исследовательского института Номура Тадао Чино.

«Уважаемый господин Президент, — говорилось в письме, — я был глубоко огорчен, узнав о случившейся трагедии с членом вашего правительства — министром национальной безопасности. Немедленно связавшись с профессором Т. Субокава, я узнал, что он находится за границей. Лишь вчера он вернулся в Японию, и, связавшись с ним, я попросил его приехать в вашу страну, чтобы помочь в лечении министра.

Профессор Т. Субокава в данное время делает все, от него зависящее, чтобы откликнуться на эту просьбу, но поскольку он не может приехать в Кыргызстан лично, он отправит альтернативного квалифицированного специалиста из своей группы».

А тем временем, по рекомендации российских коллег,

не выходящего из комы Анарбека Курамаевича было решено доставить в Москву, в НИИ нейрохирургии им. Н. Н. Бурденко. Здесь Бакаев проведет более восьми месяцев.

И в данном медицинском учреждении Бакаев будет окружен самой пристальной заботой и вниманием. В этот период его будут наблюдать директор данного института академик А. Коновалов, уже упоминавшийся его заместитель профессор А. Потапов, заведующий реанимационным отделением НИИ кандидат медицинских наук В. Амчеславский, целый ряд консультантов, специалистов в области нейрофизиологии, реаниматологии, психиатрии из других клиник Москвы и стран дальнего зарубежья.

К большому сожалению, хотя операция, проведенная вскоре после доставки Бакаева в Москву заметно улучшила его общее состояние, однако ожидаемых кардинальных изменений так и не последовало.

Во время прохождения лечения Бакаева в клинике Бурденко в столице Нидерландов Амстердаме состоялся международный конгресс нейрохирургов. В рамках данного конгресса профессор Потапов провел симпозиум по вопросам новейших достижений в нейрохирургии в Москве с приглашением всех ведущих специалистов в этой области, а также в сфере нейрофизиологии.

Пользуясь удобным случаем, московские медики привлекли именитых гостей к проведению консилиума в военном госпитале им. Н. Бурденко у постели героя России генерала Анатолия Романова, находившегося на тот момент в коме на протяжении двух лет, а также в НИИ нейрохирургии по оценке состояния и определению методов лечения генерала Анарбека Бакаева.

В этом консилиуме, кроме академика А. Коновалова и профессора А. Потапова, принимали участие профессор-консультант Токийского нейрохирургического центра Т. Субокава, директор института при данном центре профессор М. Ка-

таяма, директор Брисбенского (Австралия) нейрохирургического центра профессор Глен Мэри, руководитель нейрохирургической клиники Роттердамского (Голландия) университета профессор Эндрю Маас, руководитель нейрохирургической клиники при университете Сан-Франциско (США) профессор Лоуренс Питс, президент Европейской нейротравматологической академии в Мюнстере (Германия) профессор Клаус фон Вилт.

Участники консилиума одобрили все методы лечения, применявшиеся ранее, отметили положительные сдвиги в состоянии больных, высказали некоторые пожелания. В частности, относительно генерала Бакаева было высказано пожелание об изменении обстановки для восстановления контакта больного с близкими.

После смерти мужа Айгуль Даутовна нередко с чувством горечи и сожаления ловила себя на мысли о странностях и злой иронии судьбы. С одной стороны, она отчетливо сознавала, что не будь ее муж министром национальной безопасности, скорее всего, случись с ним подобная беда, не были бы подключены к его лечению лучшие специалисты мира в этой области медицины.

Но, с другой стороны, именно из-за его высокого положения и сферы деятельности врачи нередко перестраховывались при определении тех или иных назначений и, как ей иногда казалось, во многом из-за этого были упущены и время, и возможности, которые могли бы дать определенные гарантии возвращения Анарбека к жизни.

Или, скажем, когда поднимался вопрос о продолжении его лечения после НИИ им. Бурденко в Токио, где имелось более современное и эффективное оборудование, определенные круги выступили категорически против этого. Довод здесь был таков: Бакаев в силу своих служебных и профессиональных обязанностей являлся обладателем и носителем важных государственных тайн и вывозить его на лечение в

страны дальнего зарубежья нежелательно.

Считай полтора десятилетия прошло с тех пор, но эта постоянная боль и сегодня острой занозой сидит в душе Айгуль, терзает размышлениями и сомнениями: удалось бы спасти ее мужа, отца ее детей, если не было всех этих ограничений, или же в том состоянии, в каком находился Анарбек после жестокой автоаварии, шансов на положительный исход у него не было никаких?

НАДЕЖДА УМИРАЕТ ПОСЛЕДНЕЙ

*Не надо мне ни слез, ни бледных роз –
Я и при жизни видел их немало.*

И ничего я в землю не унес,

Что на земле живым принадлежало.

Самуил Маршак

Справедливо замечено мудрецами, что надежда – это обруч, который не дает разорваться сердцу. Каждое утро после того страшного происшествия Айгуль Даутовна просыпалась с надеждой, что Анарбек сможет преодолеть недуг, и дело вскоре пойдет на поправку. И хотя он уже больше года находился в коме, надежду поддерживало то, что его находящийся в полном расцвете сил организм продолжал бороться за жизнь, не хотел сдаваться внезапно обрушившейся на него напасти.

Серьезно обнадеживало и то, что, пусть медленно, постепенно, но улучшение общего состояния пострадавшего все же было заметно. Да и у лечащих врачей состояние Бакаева со временем перестало вызывать особые опасения. Они начали поговаривать даже о том, что не за горами день, когда он сможет выйти на первую после долгого перерыва прогулку.

Дело дошло даже до того, что Айгуль Даутовна отправилась с Айперим в спортивный магазин, где они купили выздоравливающему главе семейства кроссовки для предстоящих прогулок.

Непоправимая беда случилась в ночь с 6-го на 7-е января 1998 года, когда ее никто не ждал. Внезапно и совер-

шенно неожиданно сердце генерал-лейтенанта Анарбека Курамаевича Бакаева остановилось. Было ему в ту пору 47 лет.

В те дни многие газеты публиковали некрологи, слова соболезнования, воспоминания о Бакаеве друзей и коллег. В частности, “Комсомольская правда” отмечала: “... По некоторым данным, когда А. Бакаев числился в составе ЦК КПСС, московское руководство намеревалось сделать его первым секретарем ЦК компартии Киргизии. Но обстановка переменялась. А. Бакаев вернулся в Киргизстан и стал одним из верных соратников Президента А. Акаева. Достаточно вспомнить, что министр национальной безопасности за несколько лет пребывания в высших эшелонах власти ни разу не был замешан ни в одном политическом скандале. Что редко кому удавалось из госмужей его круга”.

ПРОШУ СЛОВА

Арон Брудный, профессор, заслуженный деятель науки Кыргызской Республики

Я часто вспоминаю Анарбека Бакаева. Мне недостает сильного человека, к которому можно обратиться в трудную минуту, человека, на чью проницательность, мудрый совет можно положиться. Работая над книгами “Манящие огни” и “Человек понимающий”, я думаю над тем, какие бы он предложил решения спорных вопросов. Дело в том, что он отнюдь не случайно стал руководить спецслужбами нашей республики. Выбор президента страны человека на эту должность в то трудное и ответственное время был абсолютно точным. Он был “проницатель в души людей”, сказано об одном специалисте по вопросам контрразведки. Эти слова с полным основанием можно отнести к Анарбеку Курамаевичу Бакаеву.

Много интересного я мог бы рассказать об этом человеке, которому суждено было сыграть большую и заметную роль в жизни страны в один из самых ответственных периодов ее истории.

Когда он попал в аварию, я был убежден, что он рано или поздно вернется к активной политической жизни. Я говорил об этом Айгуль. И она была в этом убеждена, такой был сильный и целеустремленный человек Анарбек. Но тело не всегда дает проснуться силе духа, и на этот раз тело подвело. Его неожиданная смерть стала потрясением и тяжелым ударом для всех, кто его знал и общался с ним. Как жаль, что он не смог вернуться к нам из страны снов, где пребывал его дух в последнее время его жизни после тяжелого ранения.

Теперь он спит иным, вечным сном.

С некрологом “Памяти товарища, друга” выступил Совет командующих Пограничными войсками стран Содружества. Товарищи Анарбека Бакаева по оружию отмечали:

“На всех участках трудовой деятельности Анарбек Курамаевич зарекомендовал себя компетентным, эрудированным, целеустремленным и энергичным руководителем, обладающим отличными организаторскими способностями и качествами человека-гуманиста.

В период работы министром просвещения под его руководством были разработаны принципиально новые государственные документы для народного образования Кыргызстана. Он был инициатором открытия учебных заведений нового типа – колледжей, лицеев, гимназий.

Работая на посту министра национальной безопасности, генерал-лейтенант Бакаев А. К. произвел весьма значительную качественную и структурную реорганизацию подразделений центрального аппарата и его органов на местах,

создал функционально новые и эффективные подразделения. Весьма большое внимание он уделял подбору, воспитанию сотрудников, заботе о них.

Анарбек Курамаевич пользовался широкой известностью как человек высочайшей культуры, патриот, государственный широкого кругозора не только у народа Кыргызстана, но и руководителей иностранных государств, которые постоянно высказывали уважение и подчеркивали его заслуженный авторитет. Являлся членом Президиума правительства Кыргызской Республики, принимал активное участие в решении государственных задач.

Из-за нелепого трагического случая ушел из жизни наш дорогой боевой товарищ и друг, высокая личность, талантливый руководитель, замечательный человек с тонкой духовной организацией, отдавший жизнь делу служения Родине и народу Кыргызстана.

Память о дорогом Анарбеке Курамаевиче навечно останется в наших сердцах”.

В давние и очень нелегкие времена, когда лучшие сыны Отечества грудью вставали на его защиту, родились гордые и всепобеждающие слова: “Смертью смерть поправ”. Понять и прочувствовать глубокую суть и справедливость этих слов чрезвычайно тяжело, и далеко не каждому дано сделать это.

ПРОШУ СЛОВА

Кенешбек Душебаев, *председатель Государственной службы национальной безопасности Кыргызской Республики.*

— К сожалению, мне не довелось работать с Анарбеком Курамаевичем Бакаевым. Когда он возглавил КГБ республики, я работал в Тюпском РОВД, а с 1992 года возглавлял РОВД Иссык-Кульского

района в городе Чолпон-Ате. Вот тогда мне доводилось несколько раз общаться с ним, обеспечивая правопорядок при проведении различных республиканских или международных мероприятий. Таких, к примеру, как Международный Иссык-Кульский форум, инициатором и идейным вдохновителем которого был Чингиз Айтматов, и в работе которого принимали участие известные государственные и общественные деятели, писатели, кинематографисты многих стран, или периодические встречи лидеров некоторых государств Содружества в государственной резиденции в г. Чолпон-Ате. Да и Б. Н. Ельцин в бытность президентом России любил отдыхать здесь с семьей. В такие моменты работы хватало всем – и милиции, и чекистам.

Видимо, сказывалось то, что мы были с Бакаевым земляками, к тому же он был старше меня на семь лет, а потому Анарбек Курамаевич брал меня как бы под свою опеку, поддерживал словом и делом. Общаться с ним было одно удовольствие. Это был широко эрудированный, всесторонне образованный человек. При этом он никогда не демонстрировал своего превосходства над другими, был демократичным, доступным, открытым. Главное же, в нем проглядывала не показушная, а настоящая заинтересованность в продвижении демократических и экономических реформ в стране.

Мне неоднократно доводилось быть свидетелем того, как, встречаясь с жителями Прииссыккуля, он внимательно расспрашивал их о жизни, интересовался их мнением о происходящих в регионе и республике изменениях, плюсах и минусах проводимой политики, их отношением к руководителям страны, области, района. Чувствовалось, что все это было

ему интересно не только как руководителю спецслужбы, но и просто как гражданину Кыргызстана.

Надо сказать, что в те годы кредит доверия у населения руководству республики и непосредственно президенту Аскарму Акаеву был достаточно высок. Жизнь заметно менялась к лучшему. Достаточно вспомнить, что мартовская революция 2005 года совершилась на волне недовольства граждан результатами парламентских выборов. Никаких экономических или социальных требований участники митингов протеста не выдвигали.

В октябре 1996 года, когда произошла эта злополучная автоавария, я работал еще в Чолпон-Ате. Конечно, случившееся до глубины души потрясло меня. Я искренне ценил и уважал Бакаева. Конечно, история не знает сослагательного наклонения, но, думаю, если бы он оставался на своем посту до марта 2005 года, революции могло бы и не быть. Анарбек Курамаевич не допустил бы того, что президента предали люди из ближайшего окружения. Они давали ему неверную информацию, сознательно вводили его в заблуждение, что привело к ошибочным действиям главы государства даже за день-два до штурма Дома правительства. Убежден, у Бакаева хватило бы мужества и порядочности, чтобы не обманывать президента и не выдавать желаемое за действительное. Убежденность эта основывается на том, что он менее всего был озабочен соображениями карьеры. На первом месте для него всегда было дело.

Признаться, когда в апреле этого года, после свержения режима К. Бакиева, Роза Отунбаева предложила мне занять пост председателя Службы наци-

ональной безопасности, я был немало удивлен. Ведь вся моя предыдущая жизнь была связана с органами милиции. Однако, выслушав мои сомнения и доводы, Роза Исааковна сказала, что я нужен на тот момент именно в этой должности.

Со дня катастрофы, унесшей жизнь Анарбека Курамаевича, прошло 14 лет. Большинства сотрудников, работавших с ним в нашем ведомстве, уже нет в коллективе. Кто вышел на пенсию по возрасту, выслуге лет, кто оставил службу по другим причинам. Но кое-кто еще продолжает работать. Они очень высокого мнения о Бакаеве. С их слов молодые сотрудники знают, что такого руководителя, как он, спецслужбы Кыргызстана никогда ни до, ни после него не знали.

Говоря это, вовсе не хочу кого-то обидеть или принизить, просто констатирую факт. Бакаев был действительно первым из руководителей, кто пытался реформировать нашу службу, подчинить ее действительно интересам государства и общества, чтобы национальная безопасность обеспечивалась на высочайшем уровне. Он первым начал освобождать органы нацбезопасности от кастовой закрытости, устанавливать контакты со средствами массовой информации, постарался сделать, конечно, в пределах разумной допустимости, нашу работу более прозрачной, доступной для понимания широкой общественности.

Сотрудники старшего поколения до сих пор вспоминают, каким отзывчивым, душевным, демократичным был генерал Бакаев, с каким пониманием, чуткостью и заботой относился к подчиненным.

Чтобы сохранить память о нем, его именем

назван учебный центр при ГСНБ, создан музей генерала Бакаева, где собраны его фотографии, некоторые личные вещи, копии документов.

Есть некоторые задумки и у нынешнего руководства ведомства по продолжению этой работы, чтобы память об этом достойном человеке, подлинном гражданине и патриоте Отечества хранилась не только среди сотрудников спецслужб, но и рядовых кыргызстанцев.

ИРОНИЯ СУДЬБЫ

*Жизнь нежданно завязать
Может узелок такой,
Что не просто развязать
И умелюю рукой.*

Гургани

В школьные годы любознательному Анарбеку довелось немало читать в газетах и журналах о происках американского империализма против Советского Союза, стран социалистического лагеря, о жестокой борьбе специальных служб США против народов республик, где революционные, народно-освободительные и демократические настроения набирали силу.

Свято веривший всему, что писалось в советской прессе, подросток был твердо убежден, что основными источниками ненависти и недоверия между народами являются Центральное разведывательное управление и Федеральное бюро расследования Америки – ЦРУ и ФБР, а главными исчадиями зла – тогдашние руководители этих организаций Аллен Даллес и Эдгар Гувер.

В те годы школьник из далекого Кичи-Кемина и вообразить не мог, что пройдут всего три десятилетия, и он, будучи уже председателем Госкомитета по национальной безопасности Кыргызстана и генерал-майором, по приглашению специального помощника госсекретаря США по связям между Востоком и Западом окажется в Вашингтоне, где ему предоставится возможность побывать в самом сердце этих «ужасных» учреждений, подробно ознакомиться с их струк-

турой и деятельностью, пожимать руки и улыбаться их руководителям.

Летом 1994 года Бакаев и тогдашний министр внутренних дел республики генерал-майор Абдыбек Суталинов стали гостями ЦРУ, ФБР и других организаций, отвечающих за вопросы внутренней и внешней безопасности Соединенных Штатов Америки.

Знакомство Бакаева с деятельностью этих структур объясняется тем, что функции, возложенные на ГКНБ Кыргызстана, в США разделены между ЦРУ, ФБР и полицией.

К примеру, Центральное разведывательное управление несет ответственность за состояние национальной безопасности и внешней разведывательной службы. В его ведении находятся все шпионские и агентурные сети за рубежом. Полеты самолетов-шпионов над территорией СССР в конце 50-х, начале 60-х годов, вызвавшие большой международный резонанс и сильно подорвавшие советско-американские отношения в тот период, — тоже инициатива ЦРУ.

Основной функцией ФБР является расследование преступлений, преследуемых по федеральным законам. На него также возложены обязанности по круглосуточному обеспечению безопасности президента США и членов его семьи, членов правительства и официальных представителей иностранных государств. ФБР осуществляет сбор и обобщение статистических данных о состоянии преступности в стране и ведет централизованную регистрацию преступников и преступлений.

Приятно удивлены были Бакаев и Суталинов, когда в беседе с ними их американские коллеги, воздавая должное многолетнему директору ФБР Эдгару Гуверу, очень многое сделавшему для становления и развития бюро, откровенно поведали о не очень приятных, а подчас и откровенно позорных страницах его истории. Наиболее компрометирующими для ФБР стала первая половина пятидесятых годов прошло-

го столетия, когда господствующее положение во внутриполитической жизни страны заняло реакционное течение, вошедшее в историю под названием “маккартизм”, по имени сенатора Джозефа Маккарти, возглавлявшего подкомиссию по расследованию деятельности правительственных органов.

В те годы были пущены в ход самые грубые методы преследования демократических организаций и отдельных лиц, используя запугивание, шантаж, угрозу. Шумную международную огласку получила в те годы история, когда по требованию Маккарти госдепартамент стал проводить кампанию изъятия и сожжения книг прогрессивных авторов, находившихся в американских библиотеках.

Многие граждане Америки нередко выражают недовольство тем, что в архивах бюро хранятся миллионы досье с компрометирующими материалами на лиц, которые по тем или иным причинам привлекли внимание его агентов, а его картотеки насчитывают без малого 200 миллионов отпечатков пальцев, собранных за многие годы существования бюро.

Особое внимание гостей из Кыргызстана привлекло то, что в своей повседневной деятельности ФБР тесно сотрудничает с комиссиями и комитетами, а также рядом департаментов конгресса, наделенных полицейскими функциями. В частности, когда в США получила распространение рассылка почтовой корреспонденции с подозрительным порошком внутри, ФБР совместно с департаментом почт установило жесткий контроль и поставило барьеры, серьезно затруднившие распространение подозрительных пакетов.

То, о чем настойчиво говорил Бакаев у себя в республике в ходе встреч с руководителями силовых структур и правоохранительных органов, он увидел воплощенным в практику в Америке.

Однако более всего поразило председателя ГКНБ то, что на рабочем столе в служебном кабинете директора ЦРУ

он увидел один-единственный телефонный аппарат. Как выяснилось, это была прямая связь с президентом страны.

На недоуменный вопрос гостя, а как же он связывается с подчиненными и другими службами, тогдашний шеф ЦРУ Уильям Уэбстер удивленно ответил: “А зачем мне с ними связываться? Все возникающие рабочие вопросы решаются через моих секретарей и помощников. Служебное время я посвящаю работе, решению стратегических проблем, а не телефонным разговорам”.

В тот момент Анарбек Курамаевич искренне позавидовал и восхитился подобной организацией труда. Поневоле подумал о том, сколько драгоценного рабочего времени приходится ему самому тратить на телефонные разговоры, отвлекаться на многочисленные звонки. Ведь на его рабочем столе стояли аппараты прямой связи с президентом и премьер-министром, правительственная “вертушка”, телефоны городской и междугородней связи, не считая внутреннего селектора, подключенного ко всем службам ведомства.

Разумеется, и задолго до этой поездки, и особенно накануне ее Бакаев немало перелопатил специальной литературы, чтобы получше узнать эту великую страну. Но не зря же говорится, что лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Самый главный вывод, извлеченный им из поездки, был таков: “В американских стиле и методах, в том как они проявляются в развитии промышленности, сельского хозяйства, транспорта, строительства, есть много самобытного. Все это заслуживает внимательного изучения, творческого осмысления.

Конечно, необходимо учесть тот факт, что население США образовалось в основном за счет иммиграции. Оно впитало в себя элементы наиболее подвижные, энергичные, предприимчивые из всех стран Европы, а позже и Азии. Но это не дает оснований огульно отвергать все в американском опыте. Скажем, изучение самым внимательным обра-

зом организации трудовых процессов в этой стране совершенно необходимо. Это, безусловно, окажется полезным”.

Второе сильное впечатление осталось у Бакаева от американских дорог. Ранее ему приходилось слышать о высоком их качестве. Но увиденное превзошло все ожидания. Все слова и эпитеты кажутся жалкими и невыразительными перед действительно первоклассными и превосходными дорогами Америки.

Поездка за океан оказалась для Бакаева очень насыщенной, интересной и продуктивной. Он уже стал серьезно вынашивать планы, что из увиденного в США можно перенести на кыргызскую почву. К сожалению, жестокий и неумолимый рок распорядился по-своему.

И еще одна язвительная гримаса иронии судьбы. В свое время ГКНБ республики приходилось тщательно разбираться с делами о продаже Кыргызстаном оружия официальной власти Таджикистана во время бушевавшей там гражданской войны, а также о реализации нескольких цистерн контрабандного спирта, принадлежавшего подмосковной фирме “Химсинтез”, обнаруженного и конфискованного на одной из железнодорожных станций Кыргызстана. Главным фигурантом по обоим делам проходил Феликс Кулов, который непосредственно был связан с этими делами в бытность вице-президентом республики.

Весной 1997 года Айгуль Даутовну пригласили к президенту республики. После традиционных расспросов о жизни, о детях, о делах глава государства перешел к делу. За те почти полгода, что МНБ остается без министра, работники министерства фактически не работают. Ко мне, говорил Акаев, поступают сигналы, что заместители Анарбека Курамаевича устраивают пьянки в здании министерства. Словом, люди расхолаживаются, служба приходит в упадок. Поэтому, чтобы не допустить ее окончательного разложения, требуется срочно назначить нового министра. Мы решили, продолжал

глава государства, освободить Бакаева от должности по состоянию здоровья. Но при этом за ним сохраняются все полагающиеся привилегии: дача, машина, лечение и поддержание жизнедеятельности за счет госбюджета.

Хотя Айгуль Даутовна умом понимала, что в словах президента есть логика и немалая доля правды, но в то же время они огорошили женщину. Ведь говоря так, глава государства как бы давал понять, что он сам не верит в скорое выздоровление Анарбека.

Вскоре после этого разговора министром национальной безопасности был назначен Феликс Кулов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

*В мире так живи, чтоб не кончалась
Жизнь твоя.*

*Чтоб после смерти продолжалась
Жизнь твоя.*

Унсури

Время быстротечно. Когда Анарбек Бакаев умер, его дочери было 14 лет, сыну не исполнилось еще и десяти. Если верно, что воспитание детей заключается не в постоянных родительских нравоучениях и нотациях, а в повседневных и обыденных общениях с ними, то Айперим и особенно Искендеру не очень много довелось общаться с отцом. Но они выросли достойными людьми, которые ни на миг не забывают, чьи они дети и чью фамилию носят. Они гордятся своим отцом. Да и Анарбек Курамаевич, будь сегодня он жив, тоже бы с полным основанием гордился своими детьми.

К огорчению, ему не пришлось наблюдать, как выросли его дети. Так получилось, что большую часть жизни они прожили уже без отца. После окончания средней школы Айперим поступила в Московский институт международных отношений, один из наиболее престижных и известных российских вузов – МГИМО. Кстати, ее магистратская диссертация была посвящена проблемам энергетической безопасности Кыргызстана. Сегодня она учится в аспирантуре экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.

Целеустремленным, настойчивым в достижении поставленной цели вырос и Искендер. Еще будучи учеником 8-9 классов одной из бишкекских средних школ, он учился по

индивидуальному расписанию, успевая заниматься, помимо этого, в музыкальной школе, посещать спортивную секцию по теннису, овладевать по специальному плану английским языком.

Получив аттестат зрелости, юноша, по примеру старшей сестры, тоже поступил в МГИМО, с той лишь разницей, что Айперим остановила свой выбор на международном экономическом праве, а он выбрал просто факультет международного права. Окончив бакалавриат и продолжая учиться в магистратуре, Искендер параллельно поступил на очное отделение Оксфордского университета. Мало того, что успешно окончил его, так за время учебы к отличному знанию английского языка присовокупил владение французским. И это все при том, что по завершении учебы намерен вернуться в Кыргызстан, справедливо полагая, что на данном этапе развития его родной республике хорошо образованные и высокопрофессиональные кадры нужнее, чем где бы то ни было.

А еще оба они, хотя и провели большую часть жизни вдали от республики, старательно овладевают государственным языком своей республики, поскольку, полагают, что стыдно не знать языка своих предков.

Вот такие они, дети Анарбека Бакаева и Айгуль Чыныбаевой.

ПРОШУ СЛОВА

Владимир Нифадьев, *ректор Кыргызско-Российского Славянского университета, доктор технических наук, академик*

С Анарбеком Курамаевичем я познакомился в 1986 году, когда пришел работать в отдел науки и учебных заведений ЦК партии Киргизии. В ту пору он был первым заместителем заведующего отделом оргпартабботы.

Первое впечатление от этого человека - доброжелательность, коммуникабельность, готовность прийти на помощь. Хотя работали мы в разных отделах, но мне почему-то казалось, что нахожусь под его опекой. Наверное ощущение это сложилось оттого, что в ходе подготовки и проведения очередного пленума ЦК Бакаев помогал мне как новичку, подсказывал, как лучше выполнить то, что поручалось нашему отделу. Уже тогда я обратил внимание, какими большими организаторскими способностями он обладал.

Затем на какое-то время наши пути разошлись. Он уехал в Москву, я возглавил Институт физики и механики горных пород Академии наук республики.

Когда Бакаева назначили министром образования, я искренне радовался тому, что именно ему поручили руководить этим важным участком, поскольку считал и считаю, что образование - это краеугольный камень в фундаменте процветающего и цивилизованного общества. И каково же было мое удивление, когда менее чем через полгода его неожиданно назначили председателем КГБ. Мне казалось, что по складу ума и характера, по своей человеческой сущности Анарбек Курамаевич был далек от задач, стоящих перед этим ведомством. К тому же он не был специалистом и профессионалом в данной сфере.

Однако, наблюдая за ним со стороны, я поражался тому, как быстро он начал расти на новом для себя поприще. Расте не в карьерном смысле, не в званиях, а как профессионал. Это прослеживалось в нем отчетливо. Не случайно очень скоро опытные сотрудники спецслужб признали его своим человеком. И знаю не понаслышке, как много успел сделать Бакаев для республики, находясь на этом посту.

В 1993 году в республике был основан Кыргызско-Российский Славянский университет, и меня утвердили его ректором. Одним из первых поздравил меня с этим назначением Анарбек Курамаевич. Помню его добрые напутствия и слова о том, что этот университет очень важен для республики как одно из значимых связующих звеньев с Россией. Не забыл он сказать и то, что я всегда могу рассчитывать на его помощь и поддержку.

Могу сказать, что его слова не были пустым обещанием. У него был большой организаторский опыт, а я только ступил на эту стезю. И здесь он меня чуток и не назойливо в чем-то направлял.

В те дни у нового вуза было немало недоброжелателей, которые прямо заявляли о ненужности КРСУ. Мол, в стране и без него достаточно вузов. В такие моменты Бакаев всегда находил возможность позвонить мне, подбодрить, сказать: «Держитесь! Мы вас в обиду не дадим, обязательно сохраним КРСУ».

Октябрь 1 996 года стал для меня черной датой. Я потерял хорошего и верного товарища, а наш университет - надежного и убежденного сторонника. Горько сознавать, сколько доброго и полезного для республики не успел сделать этот человек. Ведь в этом году ему исполнилось бы только 60 лет.

У замечательного аварского поэта Расула Гамзатова есть превосходные, проникнутые мудростью веков и сотен поколений строки:

Мы все умрем, людей бессмертных нет,

И это всем известно и не ново.

Но мы живем, чтобы оставить след:

Дом иль тропинку, дерево иль слово.
Не все пересыхают ручейки,
Не все напевы время уничтожит,
И ручейки умножат мощь реки,
И нашу славу песня приумножит.

Повторим, Анарбек Бакаев прожил сравнительно короткую жизнь. Но ему удалось протоптать сотни тропинок к сердцам людей, с кем учился, работал, общался, дружил. Он оставил неизгладимый след в их душах и памяти на долгое время. А еще память о нем сохраняется в его родной школе, носящей сегодня его имя. Как и в учебном центре при ГСНБ, созданном в свое время по инициативе генерала Бакаева, и тоже названном в его честь.

Сберечь память об этом незаурядном и светлом человеке, истинном сыне своего Отечества, и донести ее до потомков призвана и эта книга.